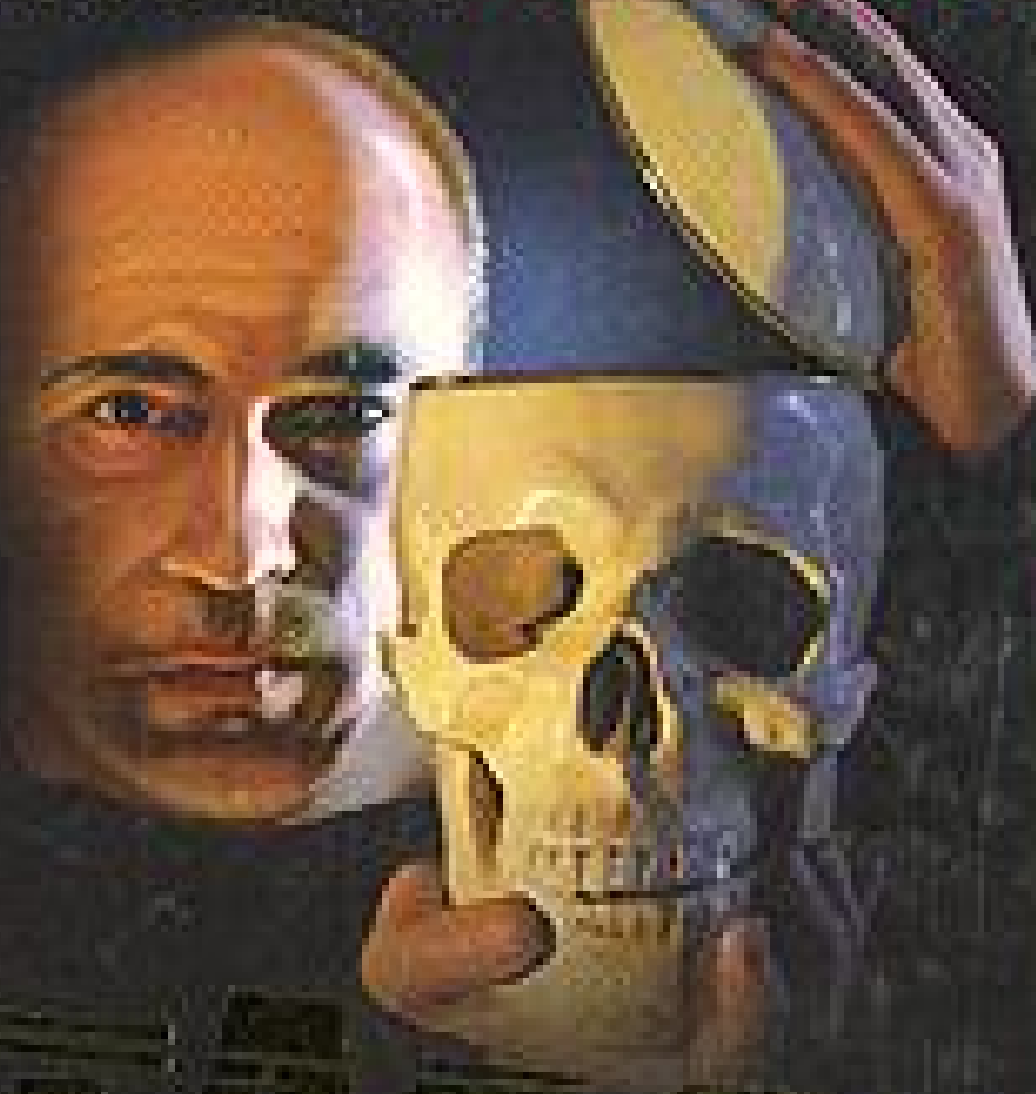

ОПЕР КРЮК

БРАТЯ ДЛОВЫ

УХОДИТ В ЗЕМЛЮ

В А М А - П Р Т С С

Олма-Пресс, 2004
ISBN: 5-224-04353-0
FB2: "Aleks_Sim", 22.01.2023, version 1.0
UUID: 81AC2035-90A0-47A2-A68A-7989651CA2A0
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 18, 2023

Константин Алов
Сергей Алов

Табор уходит в землю

В очередной книге цикла Братьев Аловых самый человечный суперчеловек опер Крюков отправляется в отпуск в маленький и тихий город Сумбурск. И, как всегда, машинально, ввязывается в войну преступных группировок. Зубы и стреляные гильзы летят во все стороны. Но суть не в этом! Крюкову противостоит убийца с воображением. Все его жертвы найдены с пустыми глазницами и одним пулевым отверстием в черепе. Найти этого "технолога" для Крюкова становится делом чести...

Содержание

ГЛАВА 1.....	.0005
ГЛАВА 2.....	.0040
ГЛАВА 3.....	.0084
ГЛАВА 4.....	.0104
ГЛАВА 5.....	.0126
ГЛАВА 6.....	.0139

Табор уходит в землю

Братья Аловы

ГЛАВА 1

За окнами пятиэтажки расстилалась унылая южнорусская степь. Грузный цыган лет сорока, до самых бровей заросший курчавой бородой, пренебрежительно окинул взглядом низкий потолок комнаты, перевел масляный глаз на кривые стены скромной однокомнатной каморки и брезгливо усмехнулся. Блеск его золотых зубов гармонировал с блеском массивных золотых перстней.

— Дура ты, Кармен. Так и будешь всю жизнь со своим смазливym оборванцем Яшкой в этой конуре ютиться. А пошла бы за меня, я бы для тебя трехэтажный особняк отгрохал!

Но ослепительно красивая молодая брюнетка, к которой он обращался, только сверкнула огненно-черными глазами и рассмеялась.

— Ты, Степан, сам посуди — зачем мне дом в три этажа, если я по нашему цыганскому обычаю не могу даже на второй этаж подняться? Зачем мне муж, к которому я не имею права спиной повернуться? Хватит с меня этой дикости! Я себе цену знаю и свободы своей на теплый угол, да на жирный кусок не променяю. Запомни это и больше со своими сладкими посулами ко мне не подъезжай. Я за Яшку замуж выхожу и негоже мне на других мужиков глядеть.

Степан замер посреди убогой комнаты. Ярость душила его, глаза наливались кровью.

— Значит не нравлюсь я тебе? И обычаи наши старые не нравятся? И законы цыганские тебя не касаются? — прорычал он. — Что же, тогда получается, что идти девкой под венец тебе вовсе не обязательно.

Резким ударом огромного кулака он вырубил девушку, потом швырнул ее бесчувственное тело на диван, разорвал на ней одежду и навалился своей многопудовой тушей. При этом он рычал и пускал слюни как похотливый боров.

Сам половой контакт продолжался недолго. Степан и не собирался получать удовольствие от совокупления со строптивой красавицей. Ему хотелось изломать, унижить ее. Сейчас он жалел лишь о том, что жертва его насилия находится без сознания и не может страдать в полной мере.

Наконец Степан запыхтел и задергался, потом затих на секунду. После этого он вскочил на ноги и торопливо натянул перепачканные спермой брюки с идеально наглаженными стрелками. В ярости он пнул лакированным ботинком все еще бесчувственное тело своей жертвы и, грязно выругавшись, выбежал из квартиры.

Когда Кармен пришла в себя, то в первый момент почувствовала лишь стойкую вонь от выделений немытого и потного мужского тела. Потом ощутила невероятную тяжесть в нижней части живота. За тяжестью пришла боль. И тут она вспомнила все и с ужасом поняла, что опозорена навсегда.

Кармен поднялась. Глаза ее были сухими. Это был не тот случай, чтобы плакать. Она хорошо знала, что ей нужно делать. Сначала она села за стол и написала Яшке прощальную записку. Затем она выдвинула стол на середину комнаты, прямо под люстру. Веревка нашлась в шкафу. Не такая толстая, как хотелось, но Кармен надеялась, что она окажется достаточно крепкой, чтобы выдержать вес ее тела.

Люстру снимать она не стала, просто закрепила на ее крюке один конец ве-

ревки. На другом попыталась завязать подобие скользящей петли. Получилось не сразу. Наконец она накинула петлю себе на шею и стала на край стола. Оставалось шагнуть вперед или просто упасть вниз. И все... Но что-то удерживало девушку от последнего рокового шага. Она застыла в состоянии неустойчивого равновесия.

Хлопнула входная дверь. Кармен вздрогнула. Ее качнуло назад, она дернулась, оступилась и в самом деле рухнула со стола. Веревка затянулась и она ощутила резкую боль в области шеи. Больше она ничего не почувствовала.

* * *

Чахлые перелески северной части страны выглядели ничуть не радостнее южных степей. Когда-то политрук Клочков сказал:

"За Волгой для нас земли нет!"

И был почти прав. То есть земля-то, конечно, была. Но каждый, кому доводилось перебраться через не слишком широкую в верхнем течении великую русскую реку, оказывался в краю безлюдья, бездорожья и редких населенных пунктов, постепенно переходящих из мест жительства в места заключения.

Городок Вяземск находился на границе цивилизации и архипелага ГУЛАГ, ныне переименованного в ГУИН. В приткнувшейся на восточной окраине города шашлычной сидели четверо крутых как вареные яйца молодых людей. Все в коже и золоте. Они пили водку, закусывали мясом и помидорами.

— Мне во сне приснилось, что меня в задницу трахают, — радостно сообщил один, курносый толстый парень, похожий поросенка.

— Сегодня пятница, Артурчик, значит сбудется! — заржал сидевший напротив бритоголовый кавказец со зверской рожой.

Засмеялись и двое остальных собутыльников. Оба были смуглыми, крепкими и смахивали на цыган. Один повыше, с кудрями до плеч. Другой коротко стриженный, с золотой фиксой во рту.

Парень с фиксой оторвался от телевизора, где на экране крутили клипы.

- В зимней шапке даже Дженнифер Лопес выглядит по идиотски. А не только я один, — убежденно и с облегчением произнес он.

— Ты, Жорик, и без шапки выглядишь полным идиотом, — огорошил его курносый толстяк.

— Слушай, Ибрагим, мы дальше вместе двинем или разделимся? — обратился к кавказцу высокий цыган.

— Зачем вместе? Работа на сегодня плевая, для детей. — Мы с Жорой Айболита тряхнем. Папа считает, что он наш товар крысит.

Коротко стриженный Жора снова сверкнул фиксой:

— Поехали хоть сейчас. Папа велел побыстрее с барыгой разобраться.

— А ты, Вася, бери Артурчика, — тот, кого звали Ибрагимом ткнул пальцем в толстого юношу. — Заглянете к этому козлу Зарькову в новый магазин.

— Он что, опять храбрость с жадностью перепутал? — ухмыльнулся длинный Вася.

— Да, немножко брыкается, — презрительно сплюнул на пол Ибрагим. — Если снова откажется платить, поломайте ему мебель и ноги. Папа разрешил с ним не церемониться. Главное, не убивайте. Пока.

— Не помрет, гарантирую. Жить будет, правда хреново! — тряхнул вьющи-

мися патлами Василий. — Очень трудно, бля, выбитые зубы сломанными руками собирать!

— А если шмалять придется? — забеспокоился толстый Артур. Он старался держаться воинственно, но у него плохо получалось. — Я слышал, он мужик крутой.

Ибрагим громко рассмеялся.

— Кто, Зарьков крутой? Он овца, вот он кто. Ишак. Когда Папа ему на той неделе сумму отстежки поднял, так он даже не залупнулся. А теперь его жаба давит. Ничего, поломается как целка, для вида, и заплатит.

— Тогда по коням!

Ибрагим встал из-за стола. За ним поднялись остальные.

На улице их ждали машины: большой черный "опель-омега" Жоры и серебристый "чероки", принадлежавший Артурчику.

Взревели движки. Жора с Ибрагимом направились в сторону старых деревянных домишек на городской окраине. Вася с Артуром двинулись в центр, застроенный новыми многоэтажными домами.

Черный "опель" затормозил у покосившейся развалюхи, укрывшейся за глухим забором. Ударом ноги Ибрагим выбил запертую калитку. Под ноги непрошеным гостям метнулась косматая дворняга. Жора вскинул "наган" с навинченным на ствол глушителем и дважды нажал на спусковой крючок. Четвероногий страж с визгом зарылся в дворовую пыль. Таким же сокрушительным ударом Ибрагим высадил и дверь в дом.

Пройдя темные сени, каратели оказались в комнате. Здесь было чуть светлее. Над колченогим столом склонился тщедушный и бледный растрепанный тип. Перед ним стояли лабораторные весы и на большом куске целлофана лежали две кучки порошка. Одна желтоватая — это, вероятно, был героин. Вторая кучка выглядела гораздо белее. То ли мука, то ли зубной порошок. В комнате царила невыносимая духота, резко воняло мочой и уксусом.

Обитатель комнаты самозабвенно смешивал порошки в определенной пропорции, взвешивал и паковал смесь в крошечные пакетики. Увидев вошедших, он побледнел еще больше. Это называлось попасться с поличным.

Той же ногой, которой он так умело открывал двери, Ибрагим пнул бледного типа. Тот с жалобным воем покатился по полу. Ибрагим склонился над упавшим.

— Ну что, Айболит, влип по самые гланды? Тебе кто разрешил наш порошок бодяжить? То-то по городу базар идет — у Керимбая товар чистый, а Папа беспонтовку гонит. Тебя ведь предупреждали, а ты опять за свое? Ты кого, сученыш, обкрадываешь? Ты у кого крысишь?

Наркодилер завизжал на невыносимо высокой ноте, сунул руку под стол и вскочил на ноги, выставив перед собой огромный мясницкий тесак. Не дожидаясь нападения гостей, он с отчаянием раненого зайца прыгнул на Ибрагима. Тот явно не ожидал от плюгавого ботаника такой прыти и успел только подставить руку. Его предплечье окрасилось кровью.

— Ах ты, сука!

С перепуганным и ошалелым видом Жора вскинул свой револьвер с глушителем. Он нажимал на спусковой крючок до тех пор, пока не кончились патроны в барабане и курок не стал отзываться сухими щелчками. Тут Жора издал утробное рычание, подхватил с пола выпавший из руки Айболита нож и

отхватил жертве ухо. После этого он уселся на табуретку, дыша как первая паровая машина.

Ибрагим тщательно обследовал свою рану и убедился, что это просто глубокая царапина. Он посмотрел на все еще бьющегося в конвульсиях Айболита и неодобрительно покачал головой.

— Слюшай, Жора, ты парень добрый, только сильно жестокий. Совсем зверь дикий. Как дикобраз. Хорош под злого косить. Лучше собери товар, который он не успел разбодяжить. А вообще-то и порченный товар тоже забери. Я пойду бензин поищу.

Он вернулся через минуту с канистрой в руках. Жора успел успокоиться. Он сгреб со стола пакетики и ссыпал в отдельный кучку чистого героина. Ибрагим щедро полил бензином пол, стол и самого Айболита. Тот все еще корчился и не желал умирать.

— Найди спички, не буду же я свой "ронсон" здесь бросать, — распорядился Ибрагим, стоя на пороге жилища.

Жора чиркнул спичкой и бросил ее за спину. Пламя ярко полыхнуло и предсмертный крик злополучного наркоторговца утонул в его гуле.

Садясь в машину, Ибрагим обратил внимание на то, что Жора продолжает сжимать в руке отрезанное ухо Айболита.

— Зачем тебе эта гниль?

Жора недоуменно пожал плечами.

— Оставлю на память. Засушу или заспиртую.

Ибрагим с осуждением поцокал языком и велел.

— Ладно поехали. Доложим Папе. Про то, что товар у Айболита забрали, не базарь.

— Ясное дело, не девочка, — проворчал Жора.

Он в некоторой растерянности повертел в пальцах отрезанное ухо, потом размахнулся и швырнул его в придорожную пыль. Машина скрылась прежде, чем соседи успели заметить начавшийся пожар.

* * *

Серебристый "чероки" Артура Горкина не имел номерных знаков. Зачем, если любой ГАИшник и так знал, что машина принадлежит сыну главы городской администрации или, как его стали недавно называть, мэра. Джип проехал в арку нового дома, зарулил во двор и остановился возле двери с надписью: "Служебный вход".

Месяц назад местный бизнесмен Зарьков открыл здесь продовольственный магазин. Люди Папы сразу попытались наехать на новую точку. Предприниматель объяснил, что платить ему пока просто нечем. Папа согласился отсрочить платеж, но теперь вдруг поднял размеры взноса чуть ли не вдвое. Зарьков обещал подумать.

Артур первым вышел из машины, вальяжно направился к служебной двери и несколько раз нетерпеливо нажал кнопку звонка. Не получив ответа, он забарабанил в дверь ногой. На втором этаже приоткрылось окно.

— Что надо? — спросил голос.

— Открывай, блин! — заорал Артур. — Сейчас узнаешь, что нам надо! И скажи своему мудиле директору, что к нему люди от Папы пришли!

— Сейчас спущусь, подождите. Не ломайте дверь! — ответил голос и окно закрылось.

Артур приосанился и подмигнул Василию. Знай, мол, наших. Цыган усмехнулся в ответ. Он уселся на водительское сиденье в джипе и закурил. Через минуту окно на втором этаже снова приоткрылось.

— Сейчас, — сообщил все тот же голос. — Сейчас получите все, что вам при читается!

В окно высунулся ствол помпового ружья двенадцатого калибра. Первый заряд картечи ударил в капот джипа. Второй разнес вдребезги его лобовое стекло.

Василий в долю секунду сумел запустить двигатель и рванул с места. Сбив передним бампером мусорный бак, он выписал немыслимый вираж и влетел в арку. Оттуда донесся жуткий скрежет металла.

Толстый Артур до этого момента стоял застывшим изваянием. Он с безучастием парализованного следил как картечные выстрелы калечат его горячо любимую машину. И только услышав как Василий полирует ее серебристыми дверцами стены арки, он сорвался с места и на своих двоих бросился догонять на парника.

Вслед ему неслись обещания хозяина магазина бизнесмена Зарькова.

— И передайте вашему Папе, что в следующий раз буду стрелять на поражение!

* * *

Кармен открыла глаза. За последний час она теряла сознание второй раз. Второй раз в жизни. Над ней склонился старый седой цыган с мудрыми печальными глазами.

— Ты что задумала, дочка? Решила и тело, и душу погубить?

Кармен узнала старика.

— Это ты, дядя Будулай?

— Я, дочка. Домой вот ехать собрался. Зашел к тебе проститься. Смотрю, дверь не заперта. Вошел, а тут такое... Не дело ты задумала. Не по Божески это.

Кармен в отчаянии заломила руки.

— Мне теперь все равно. Я, дядя Будулай, навек опозорена!

Старик сокрушенно покачал головой.

— Знаю, все знаю. Прочитал твою записку, ты уж прости. А сама-то ты за собой вину чувствуешь?

— Нет, — твердо ответила она.

— Тогда расскажи своему жениху все, что в записке написала. Всю правду.

— А он поверит?

Старый цыган улыбнулся.

— Знаешь, дочка, когда-то, давным-давно одна девушка перед тем как выйти замуж призналась своему будущему мужу, что беременна, но, в то же время, невинна перед ним. Он мог отказаться от нее, и тогда ее побили бы камнями как блудницу. Но он любил ее, поэтому поверил. Ее звали Марией, его Иосифом. Она вышла за него замуж и родила мальчика, которого называли Иисусом. Если твой Яшка любит тебя, то тоже поверит. А если не поверит... Тогда приезжай ко мне, за Волгу, в город Вяземск. Места у нас красивые, тихие и

люди хорошие.

Кармен тихо всхлипнула.

— А плохих, что же, совсем нет?

Будулай махнул рукой.

— Почему же нет? Плохие люди везде есть. Но и хороших хватает. Так жизнь устроена. Если в мире не будет зла, добро не поймет, что оно добро. Вот, к примеру, живет у нас один такой, люди его Папой кличут. Очень плохой человек. Так что же, в петлю из-за него лезть? То-то! Ты, главное, не забудь, город Вяземск. Я там на твоей записке накорябал как меня найти.

Кармен поднялась.

— Спасибо, дядя Будулай. Езжай домой, за меня не беспокойся. Я сделаю как ты сказал. И за приглашение спасибо. Если не сложится у нас с Яшкой семейная жизнь, я к тебе приеду.

— Приезжай, — старый цыган поднял с пола свой вещмешок и направился к дверям.

* * *

За угловым столом в центральном ресторане города Вяземска сидели двое. У одного из них было волевое обветренное лицо отставного офицера. Его собеседником был лысоватый толстяк в очках. Стол перед ними ломился от закусок и выпивки.

— Олег, Илья! Наконец-то я вас нашел! — от входа в зал к ним бросился растрепанный человек.

— А, это ты, Зарьков! — отозвался лысоватый толстяк в очках. — А мы с Олежкой новый бизнес подняли. Сеть бензозаправок "ОИЛ — ПЕТРОЛ". Как тебе название? Это я придумал! Сокращенное от "Осин Илья и Петров Олег". Присоединяйся, мы как раз тут в легкую это дельце обмываем.

— Нет, Илья, спасибо. Мне сейчас не до пьянки, — Зарьков прямо-таки упал на стул. — Ко мне мордороты от Папы приходили. Я их шуганул, а теперь сам не рад. Не знаю, что и делать.

Молчавший до этого Олег Петров потер свой волевой подбородок, потом стукнул кулаком по столу.

— С этим Папой кончать пора. С нас он тоже больше ни копейки не получит. И так его дружка, мэра Горкина, пришлось забашлять — выше некуда. Я тебе, Зарьков, советую — найми охрану. Хочешь, я тебе наших, из ветеранского союза подберу? Хоть завтра.

Зарьков поднялся.

— Спасибо, подбери. И, если можно, сегодня. Ладно, я пошел.

Он направился к выходу. Машину он оставил на стоянке возле ресторана. Не успел он отъехать, как прямо перед капотом его "лексуса" выросла массивная фигура в милицейской форме. Лямки бронежилета едва сходились на боках толстяка, а укороченный "калашников" в его лапах выглядел нелепо игрушечным. Казалось, его красную морду можно использовать в качестве прикуривателя.

— Сержант Красномырдин, — представился толстяк. — Предъявите ваши документы.

Он раскрыл водительские права, паспорт бизнесмена и принялся читать,

шевеля губами.

— Так, значит вы господин Зарьков? А это ваша машина? Поздравляю, она числится в угоне.

— В каком угоне?! — тут же пришел в ярость Зарьков. — Я ее новой купил, в фирменном магазине, у официального дилера фирмы.

Сержант взял под козырек.

— Возможно это недоразумение. Ошибка в компьютере. Пройдемте в нашу машину. Сейчас во всем разберемся.

Все еще ругаясь на чем свет стоит, Зарьков вылез из машины и направился к милицейским "жигулям" сержанта. Когда они проходили мимо черного "опеля", его задняя дверца вдруг раскрылась. В тот же момент милиционер с силой толкнул бизнесмена в салон "опеля". Одновременно с этим из салона вылетел мощный кулак. Получив мощный встречный удар в челюсть, бизнесмен растерялся. И тут же крепкие руки втянули его на заднее сиденье.

Внутри машины сидел незнакомый Зарькову совершенно лысый кавказец. Он нанес предпринимателю еще один удар по голове.

— Что происходит?! — возмущенно вскричал Зарьков. — Вы не имеете права!

Бритоголовый абрек презрительно усмехнулся.

— Имеем. Мы здесь всэх имеем. И тебя, ишака, тоже. Нэ разевай клюв, орел. Убивать тебя пока никто не собирается. С тобой Папа тему перетереть хочет.

Парень, похожий на цыгана, сверкнул фиксой и с силой запечатал Зарькову лицо тряпкой, остро пахнувшей эфиром. Бритоголовый, державший бизнесмена, прорычал.

— Да опустите же стекло, пока мы сами тут не задохнулись!

Похожий на поросенка толстый курносый юноша, сидевший рядом с водителем, поспешно закрутил ручку на двери. Патлатый цыган с забинтованной щекой, сидевший за рулем, дал газ и машина сорвалась с места.

Красномордый сержант проводил их взглядом, потом с нескрываемым удовлетворением достал из наружного кармана пачку зеленых купюр, пересчитал и убрал в карман поглубже.

* * *

В ярко освещенной комнате размером со спортзал собрались Ибрагим, Василий, Жора и Артурчик. Держались они если и не униженно, то, во всяком случае, с почтением. Их собачьи взгляды были устремлены на пожилого, но все еще статного человека. Его густая, не по годам, шевелюра отливала серебром благородной седины.

Большой горбатый нос и черные, слегка навывкате, глаза могли принадлежать как уроженцу Кавказа, так и потомку Авраама и Иакова. Впрочем, не исключалась его принадлежность и к вечно кочующим детям степей — цыганскому племени.

При всех признаках трепета подчиненные обращались к хозяину на ты и величали Папой. Судя по всему, ему просто нравилось строить из себя либерала. Он говорил тихим голосом, словно смертельно устал или был болен.

— Как же вы так обфоршмачились, ребятки? Я ведь собирался Василия с Ибрагимом на недельку в Москву отправить. А куда ему теперь с такой-то ро-

жей? Враз засветится.

— Это все Зарьков, сука! - процедил сквозь зубы Василий, виновато поглаживая забинтованную физиономию.

Одна из картечин, выпущенных Зарьковым по капоту серебристого джипа Артурчика, рикошетом пропахала и по его щеке.

— Ладно, — Папа закурил и вытянулся в глубоком кресле. — Сделаем так. Наш товар в Москву повезут Ибрагим и Жора. А сейчас слушайте внимательно. У нас появилась проблема. Этот косоглазый козел Керимбай через нашу голову мостит дорожку в Москву. На днях человек к нему из столицы прибудет. Хряком дразнят. Надо нам этого Хряка перехватить. Что скажешь, Ибрагим?

Кавказец озадаченно почесал свой блестящий череп и попробовал рассуждать.

— Дураку понятно, если Керимбай будет гнать наркоту прямо в Москву, мы останемся с голым хреном. Только зачем москвича мочить? С Москвой ссориться — себе дороже выйдет.

— Никто не предлагает этого Хряка мочить, — покачал головой Папа. — И с Москвой ссориться я не собираюсь. Не один Хряк на Москве наркоту разруливает. Даже наоборот. Меня один добрый человек, его Мясорубом дразнят, попросил прислать ему Хряка, живого, но в упаковке. Он с ним по душам потолковать хочет. Вот и займитесь этим.

Спустя полчаса четверка доверенных лиц спускалась по широкой мраморной лестнице папиного особняка.

— Где этого Хряка брать будем? — спросил Ибрагим.

— Я вообще занят, — засуетился толстый Артурчик. — Мне тачку ремонтировать надо. Зарьков, сука, отрихтовал! Если бы Папа не запретил, я бы ему рожу точно так же отрихтовал!

Василий заржал.

— Ага, если бы он был пьяный и связанный. Ладно, без дридливых обойдемся. Папа сказал, что керимбаевский человек, который этого Хряка встретить должен, у Скутера на кайфхате зависает. Там у них наверняка и стрелка забита. Скутер у Керимбая главный толкач, хотя в последнее время и сторчался вконец. Давно пора его за жабры взять.

Артур осторожно отвалил, остальные трое направились к черному "опелю".

* * *

Отставной офицер, ныне преуспевающий бизнесмен, Олег Петров, сидел дома и лихорадочно набирал номер телефона своего компаньона Осина.

— Алло, Илья? Слушай, Илюха, Зарьков куда-то пропал. Домой не приезжал, на работе не появлялся. Как из "Центрального" кабака вышел, так и пропал. Машина на стоянке осталась. Мы с тобой последние, кто его видел... живым. Гадом буду — Папиных рук дело. Будь осторожен, никуда пока не выходи. Я к тебе сейчас своих ребят пришлю.

Из своей комнаты появилась дочь Петрова, пятнадцатилетняя Юлька. На голове ее торчали наушники, глаза были рассеянно устремлены куда-то в пространство. Олег с тревогой присмотрелся к зрачкам. Вроде нормальные. Так же ненавязчиво, но внимательно он присматривался к рукам дочери — нет ли

следов уколов. Принюхивался — не тянет ли от нее сладковатым запахом "травки". Пока, вроде, Бог миловал. Но Олег хорошо знал, что большая часть городской молодежи давно и плотно сидит на игле. А уж дурью балуются едва ли не каждый.

— Куда собралась? — раздраженно спросил он у дочери.

— На кудыкину гору воровать помидору! Мне что, уже и погулять нельзя?

— С кем, с наркоманами? — Олег почувствовал, что опять начинает заводиться.

— Сейчас в нашем городе чуть ли не все парни наркоманы, — тоном лектора общества "Знание" сообщила Юлька. — Других не имеется.

— И твой хахаль в их числе? — Олег понимал, что лучше этого не говорить, но не мог удержаться.

Дочь отвечала ему спокойным назидательным тоном. Впору местами поместиться.

— Морозенок никакой не хахаль, мы просто друзья! Ты же его с детства знаешь. Кроме того, с ним я чувствую себя спокойно. Его брата все боятся.

Олег вздохнул.

— Знаю. И брата его знаю, Морозова-старшего. Полный отморозок и бандит. И кликуха его — Отмороз — соответствует. А младший твой наркоман. Тебя-то еще на иглу не посадил?

Юлька надулась и хлопнула дверь.

С Морозенком она встретилась спустя десять минут возле подъезда. Тот как всегда выглядел немного беспокойно. Глаза бегали. Значит уже вены зачесались.

— Куда пойдем? — спросила Юлька. — Сегодня в "Железнодорожнике" тусовка реальная. Дернем туда?

— Куда хочешь, — поспешно согласился Морозенок. — Только к Скутеру на минутку заскочить надо.

— К Скутеру? — Юлька еще не отошла от спора с отцом. — Опять?

— Я же говорю — только на минуту, должок отдать, — Морозенок нахально вытаращил лживые глаза.

Юлька не возражала. По опыту знала, что это бесполезно. Если Морозенок задумал вмазаться, все остальные проблемы для него отходили на задний план.

Дверь квартиры Скутера выходила на зассанную, усыпанную окурками и разовыми шприцами лестничную площадку. Соседи отгородились от этого ужаса мощной железной дверью, которая, как и дверь самого Скутера, была сплошь обожжена сигаретами. Раскрытый зев мусоропровода был забит мусором. Кнопка лифта почернела и оплавилась. Такой же была и кнопка звонка, но он, как ни странно, работал.

В квартиру Скутера Юлька никогда не заходила. Она не боялась, просто брезговала. С нее хватало и вони, доносившейся изнутри хаты — смесь мочи, уксуса и ацетона. На звонок Морозенка дверь открылась и на пороге возник Скутер. Обтянутый кожей череп, торчащие из рукавов майки худые плети рук сплошь испещрены фиолетово-черными точками "дорог" — следов бесчисленных уколов.

— Сдристни, — велел Морозенку Скутер.

Сегодня наркобарыга выглядел не просто бледным, а синим. Глаза его были

полны ужаса. Из глубины квартиры доносились звуки ударов и падения тяжелых предметов, а также жуткие хрипы, стоны и рычание. Там не то слона душили, не то бронтозавра трахали.

— Да мне одну дозу только! — перепугался Морозенок.

— Держи и у...бывай, — Скутер сунул приятелю-клиенту тонкий инсулиновый шприц с порцией наркотика. — Деньги потом принесешь.

И захлопнул дверь.

Морозенок ухватил Юльку за руку и потащил вниз по лестнице.

— Не нравится мне это, надо сваливать отсюда быстрее!

Тем не менее, миновав несколько лестничных пролетов, он остановился, скинул куртку и засучил рукав.

— Сейчас, сейчас...

Юлька отвернулась. Ей не хотелось видеть ни слабости верного друга, ни его бредово-лихорадочной радости.

* * *

Человека Керимбая взяли теплым. Он, как и предполагал Василий, зависал на хате у Скутера в ожидании гостя из столицы. Для начала он раскумарился косячком "дряни", затем двинулся дозой "геры", потом догнал "колесами". И капитально заторчал.

Поэтому сколько ни потели Ибрагим, Жора и Василий, окучивая его руками, ногами и разными подручными предметами, он никак не хотел колотиться. Вообще не реагировал. Кайф все перебивал.

— Сядем, перекурим, — предложил Василий. — Один хрен, пока у него приход не кончится, он ничего не прочувствует. Даром корячимся.

Ждать пришлось долго. За это время к Скутеру несколько раз приходили наркоманы за дозой. Сначала Ибрагим велел гнать их всех взащей, но потом передумал. Не получив дозы, нарики ошивались бы под дверью и поднимали бы ненужный шум. А вонь — себе дороже. Поэтому Скутеру разрешили толкать товар. Деньги, правда, отбирали.

Ждать пришлось чуть дольше вечности. Керимбаевский посыльный умер счастливым. Отчаявшись привести его в чувство, Жора выстрелил ему в голову из нагана с глушителем.

— На хрена ты это сделал, дебил? — поинтересовался Васька.

— Кто дебил? — завелся с полуоборота Жора. — Если ты такой умный, я и тебя могу шмальнуть!

От братоубийственного столкновения с применением оружия друзей спасло внезапное появление Хряка. Видимо Скутер забыл запереть входную дверь. Столичный гость замер в дверях комнаты, в недоумении разглядывая дерущихся.

— Э, пацаны. Чего это вы тут делаете, а? Я до Керимбая.

Ибрагим среагировал моментально. Он вскочил с дивана, раскинул руки и гостеприимно улыбнулся москвичу как дорогому гостю.

— Очень рады, дарагой! Не обращай внимания, это пацаны со скуки возятся. Уважаемый Керимбай уже ждет нас. Прошу.

Жора с Василием прекратили драку и поднялись.

— А ты что, один приканал? — удивленно спросил гостя Ибрагим.

Хряк самодовольно ухмыльнулся.

— А чо, в натуре, на измену садиться? Керимбай базарил, у него все тут схвачено. Или тема обрисовалась?

— Не, братан, все путем, — успокоил его Ибрагим. -

Но как только Хряк повернулся к выходу, Ибрагим с оттяжкой ударил его по затылку обрезком резинового шланга, засыпанного мелкой дробью. Голова столичного авторитета с хрустом дернулась в сторону и он замертво рухнул на пол.

— Ха! Нанеси удар по перхоти! — ухмыльнулся Жора. — Не убил?

— Что такому кабану сделается? Вяжите.

Жора и Василий с помощью Ибрагима упаковали тяжелое тело, сволокли его вниз и погрузили в багажник "опеля". Через полчаса Хряк уже отдыхал в уютном подвале папиного особняка.

Папа был хмур. Он нервно прохаживался по кабинету. Тройка помощников следила за ним с тревогой. В такие моменты босс забывал про либерализм, по малейшему поводу мог взорваться и наломать дров не хуже любого отморозка.

— Петров вонь поднял, Зарькова ищет. Прокуратуру подключил, ветеранов своих шизанутых, — недовольно сообщил он. — Вы вот что, поедете в Москву, Зарькова тоже с собой захватите. Сдадите его Мясорубу вместе с Хряком, пусть он у него посидит, так спокойнее будет. Мне здесь лишние базары ни к чему. И так все твердят: "Папа беспредел творит!"

Жора отправился готовить к поездке старенькую "газель". Ее надо было загрузить липовым товаром и приготовить места для груза наркотиков и двоих пленников. Ибрагим же как старший задержался, чтобы получить от Папы дальнейшие инструкции.

* * *

Грязный, немилосердно воняющий рыбой фургон "газель" миновал Волгу и теперь двигался в направлении столицы. Упрятанные под мешками с лещом и воблой, в его кузове лежали одурманенные пленники. В головах у них находился чемодан с ценным грузом героина. Здесь же, в чемодане, хранилось с полкило тротила, подсоединенных к простенькому дистанционному взрывателю. В случае опасности весь груз следовало уничтожить. И пусть потом криминалисты выясняют, почему намотавшиеся на кардан кишки определенно не могли принадлежать вобле.

Рыбу в качестве отвлекающего груза выбрали по двум причинам. Во-первых за ее ароматами даже собаки вряд ли смогли бы унюхать запах наркотика, а во-вторых так проще было общаться с ГАИшниками. Что с бедных рыбаков возьмешь? Разве что мешок той же самой воблы.

За рулем сидел Жора. Ибрагим дремал рядом. Он проснулся от легкого толчка напарника.

— Проснись, у нас проблема.

— Что еще?

— Дорожные гопники, — определил Жора.

Он не ошибся. Позади них на дороге тащилась пятерка каких-то оборванцев на мотоциклах. До поры они держались в кильватере, но в любой момент

могли сделать рывок.

— Эти, по-моему тоже из их шарашки, — Жора ткнул пальцем вперед.

Там, немного впереди их фургона, болталась старая "мазда" с правым рулем. Внезапно она подрезала нос "газели", заставляя ее сбросить скорость и съехать на обочину.

— Тормози! — приказал Ибрагим.

Он порылся в сумке, лежавшей у него в ногах, и извлек из нее старый десантный "калашник" без приклада. "Газель" со скрипом выкатилась на обочину и замерла. Мотоциклисты тут же осиною стаей окружили фургон.

Ибрагим присел. И, рискуя пробить собственные скаты, дал короткую очередь под днищем машины. Потом перевел ствол правее и выпустил еще горсть пуль. С криками и матерной бранью два мотоцикла из пяти на полном ходу завалились на асфальт. Остальные, услышав выстрелы, дали по газам и моментально ушли вперед. Притормозившая было "мазда" выпустила облако черного дыма и под покровом этой дымовой завесы умчалась следом за ними.

Ибрагим одним прыжком очутился рядом с поверженным мотоциклистом. Тот громко стонал, ухватившись за правую ногу.

— Проверь другого! — крикнул абрек Жоре.

Тот выскочил из машины и бросился ко второму сбитому меткой очередью агрегату. На нем разъезжали двое — парень и его подруга. Им повезло меньше. Потеряв управление, их мотоцикл на полном ходу врубился в толстый ствол вековой липы. Оба седока уже не подавали признаков жизни.

Ибрагим отволлок раненого за ближайšie деревья. Жора с трудом откатил с дороги его покореженный мотоцикл. Затем оба склонились к продолжавшему завывать пленнику.

— Кто такие? — спросил Ибрагим.

— Да пошел ты! Вы не поняли, козлы, на кого наехали! — хорохорился тот. — Мы — "Ангелы ада". Эта трасса — наша. Вас тут и заруют!

Ибрагим пнул его в бедро. Пленник взвыл.

— Нога! Вызовите "скорую", а то живыми точно не уйдете!

— Не груби, сынок, — почти ласково сказал Ибрагим. — Посмотри на меня.

— Чего? Да пошел ты!.. — вызывающе бросил налетчик, но тут же посерел лицом.

В глаз ему смотрело дуло старенького, местами добела вытертого "парабеллума".

— Что, нога балыт? — с доброй улыбкой произнес Ибрагим. — Не ссы, ишак, сейчас ничего болеть не будет.

И нажал на спусковой крючок. Жора с неподдельным ужасом увидел как пуля вошла гопнику в левый глаз. В тот же миг его правый глаз с чавкающим звуком выскочил из глазницы.

— Вах, ышак сыктым! — с восхищением выругался Ибрагим, не замечая, что весь забрызгался кровью и мозгом жертвы. — Я в горах видел, как Тракторист такое делал. Я сам много раз пробовал — ничего не получалось. Пуля через башку насквозь проходит. А если даже застревает, все равно глаза не вылетают. У жмура только морда отекает, делается набрякшей — и все.

Жора пересилил отвращение и тоже проявил интерес к фокусу.

— А почему сейчас получилось?

— Мне Папа объяснил, — признался Ибрагим. — Нужен патрон с ослаблен-

ным зарядом и разрывной пулей. Когда в глаз стреляешь, пуля в мозгах разрывается и какое-то внутричерепушечное давление поднимает. От этого другой глаз просто изнутри выбивает. А если в затылок или в висок стрельнуть, то оба глаза должны вылететь. Все дело в том, чтобы пуля балду не насквозь прошивала, а внутри разрывалась.

Теперь и Жора восхищенно покачал головой.

— Вот это называется вдарить по шнифтам! Я тоже хочу попробовать. Дашь стрельнуть?

— Попробуешь еще, — Ибрагим помахал в воздухе пистолетом. — Клевая машинка, только спусковая скоба уж больно маленькая, палец с трудом проходит. Если хочешь, я тебе его подарю? Когда у тебя день рождения? Заводи, поехали. Мне еще где-то помыться надо. Не зря говорят, что утечка мозгов — дело грязное. Ха-ха!

* * *

Над Москвой повис тяжелый удушливый сумрак. Небо затягивала грязная пелена дыма лесных пожаров, вплотную подступивших к столице.

Старший опер Управления спецслужбы МВД капитан Крюков ехал на стрелку с агентом. Впереди тускло мелькнул кроваво-красный глаз светофора, но капитан обратил на него не больше внимания, чем дедушка Ленин на старуху Крупскую. Бронированная, внешне напоминающая старенькое такси, трехсотильная "волга" Крюкова устало рассекала пыльный, насыщенный гарью воздух.

Агент опера Крюкова носил кличку Штирлиц. Он только недавно обзавелся мобильником и еще не успел им наиграться. Сам Крюков услугами сотовой связи пользовался уже лет десять. Когда-то он снял пиратский телефон-двойник с убитого бандита, но только год назад наконец сменил его на нормальную, легальную трубку. Впрочем, сыщика все еще раздражала необходимость платить за звонки самому. Но сейчас звонили ему.

— Информация — все пальцы оближешь. На руках, ногах и двадцать первый! — захлебываясь выпалил Штирлиц. — Я новый канал поставки наркоты надыбал. Внедрил к ним по самые недра. Крутые пацаны. Порошка у них — больше, чем в "золотом треугольнике"! Товар идет из какого-то Вяземска.

— Ты уверен? — охладил его энтузиазм Крюков.

— Я уверен, что входящие звонки бесплатные, а исходящие за полцены, — заржал было Штирлиц, но тут же с опозданием спохватился. — Слушай, а мобильник точно не прослушивается?

Крюков презрительно сплюнул в окно.

— Какая тебе разница? Ты все равно ничего толком не сообщаем, только обещаниями кормишь. Туфту сливаешь. В следующем месяце буду тебя, на хрен, списывать как исчерпавшего свой разведресурс. Вали на заслуженный отдых!

Штирлиц тут же перепугался и завел шарманку по новой.

— Эй, гражданин начальник, мы так не договаривались! У меня для тебя такая информация!...

— Что по Хряку? — бестактно оборвал его заверения Крюков. — Ты мне давно обещал его найти. У меня к этому уроду много вопросов накопилось.

— С Хряком облом, — глотая в спешке буквы засуетился Штирлиц. — Исчез, как в воду канул.

— Если в воду, то обязательно всплывет, — обнадежил его Крюков. — Дерьмо не тонет. Короче, готовься. Даю тебе последний шанс. Через час приеду — дашь полный расклад по новому каналу наркоты. Или катись колбасой и дальше живи как знаешь.

Штирлиц забубнил.

— Гадам буду, начальник! Полный расклад представлю! Они мне сейчас звонить должны...

— Кто у них здесь, в Москве за пахана? — снова перебил сбивчивую речь стукача Крюков.

— Мясоруб.

О-па! Информация к размышлению: Мясоруб — бывший десантник, контуженный на всю голову сразу. На кусок хлеба он зарабатывал древнейшей из профессий — разбоем и душегубством. При этом всем прочим инструментам убеждения предпочитал острый мясницкий топор, за что и получил свое погоняло. С помощью этого незатейливого прибора он находил общий язык как со строптивыми торгашами, так и с конкурирующими коллегами-бандитами. Получается, теперь еще и наркотой торгует. Под стать вождю были и его бойцы. Руки в крови по самые подмышки.

Ровно через час после телефонного разговора Крюков очутился перед квартирой Штирлица. С присущей сыщику профессиональной наблюдательностью он заметил, что дверь квартиры наполовину распахнута.

Тело Штирлица лежало в коридоре. Мертвый агент смотрел в темное окно пустыми черными глазницами. Оба глаза его были выбиты. Крюкова передернуло. Входное отверстие пули оказалось на затылке. Пуля либо вышла через глаз, либо осталась в голове осведомителя.

Как шутил знакомый патологоанатом: "Диагноз — церебраго. Прострел в мозг". Сам остроумный доктор мучился от люмбаго — прострела в пояснице.

Стараясь не наследить, Крюков наскоро обследовал карманы убитого. Вряд ли тот надолго расстался бы со своей игрушкой. Трубку мобильного он нашел в кармане его тренировочных штанов. Убийцам и в голову не могло прийти искать в заношенных, с пузырящимися коленками, левых "адидасах" жертвы что-либо ценное.

Сыщик проверил память телефона. Он запомнил номер, с которого Штирлицу звонили спустя каких-нибудь пять минут после их разговора. Сначала опер вызвал тревожную группу с Петровки и только потом "пробил" извлеченный из памяти мобильного номер по центральному адресному бюро.

— Телефон принадлежал тресту "Мясохладобойня номер три", — любезно ответила женщина-оператор. — В настоящее время данная фирма по указанному адресу не существует.

— Спасибо, — поблагодарил опер и уселся ждать приезда коллег-криминалистов.

* * *

Едкая гарь от дымящихся торфяников заставляла слезиться глаза и рыбьей костью скребла в горле. Здание бывшего склада-холодильника "Мясохлаго-

бойни № 3" напоминало осажденный индейцами форт бледнолицых.

Индейцы, как им и полагается, никуда не торопились. Обложив дичь, они сидели в холодке за брошенными строителями бетонными блоками и покуривали. Часть их была облачена в каски и бронежилеты поверх серой милицеевской формы, но были и люди в штатском.

Главный из них, седой, интеллигентный, с внешностью усталого местечкового врача, время от времени вылезал из машины, брал в руки мегафон и делал осажденным недвусмысленные предложения, от которых, обычно, не принято отказываться. Типа:

"Граждане бандиты! Ну что вы так нервничаете? Расслабьтесь! Вы-таки уже окружены! Складывайте оружие и сдавайтесь по-хорошему!"

Но те были нестигаемы как скалы. Они только выкрикивали в ответ короткие матерные выражения, перемежая их длинными очередями из автоматов. Судя по всему, лексикон осажденных сильно уступал их боезапасу.

Тем временем к седому интеллигентному человеку с мегафоном подошел небритый тип в кожаной куртке, похожий то ли на рэкетира средней руки, то ли на милицкого опера.

— Чего вам, Крюков? — уныло поинтересовался у подошедшего начальник.

Небритый тип потер рукой подбородок и недовольно проворчал.

— Сергей Израилевич, может быть это бестактно, но я-таки хотел бы знать, где наши чудо-богатыри? Где наш героический СОБР? Я не татаро-монгол а старший оперуполномоченный, и не обязан штурмовать вражеские укрепления.

Начальник отдела оперативной разработки полковник Сергей Израилевич Галкин страдальчески сморщился и привычно поднес мегафон ко рту. Потом опомнился, плюнул и нецензурно выругался.

— Знаете, Крюков, идите-ка вы со своими вопросами... к генералу. Вон он сам едет. У него и спросите. Только руки из карманов выньте, он этого не любит. За сим не смею задерживать, господин старший опер-упал-намоченный.

Крюков пугливо оглянулся. Со стороны города к ним и в самом деле приближалась кавалькада отливающих темным лаком машин. Старший опер бегом вернулся к своей группе и сообщил.

— Эй, орлы, подтянуться, оправиться, проверить наличие свистков. Начальство пожаловало! Сами их высокопревосходительство товарищ генерал Альпенгольд!

Новый начальник Управления спецслужбы когда-то занимал высокий пост в армии, потом тянул лямку в военной, а после повышения и в генеральной прокуратуре. Кличку Альпенгольд он получил за то, что дважды ездил в Швейцарию искать золото. Сначала это было пресловутое "Золото Партии", потом "Сокровища Бородина". Но, разумеется, ничего кроме шоколада он так и не обнаружил.

К тому же, как-то раз, он неправильно повел себя при опознании человека, похожего на генерального прокурора. В итоге товарища Альпенгольда из прокуратуры выперли и заткнули им хроническую вакансию — должность начальника Управления спецслужбы МВД.

Крюков извлек пистолет и двинулся на передовую линию осады. Он остановился, укрывшись за толстым бетонным блоком. Здание мясохладобойни открывалось отсюда как на ладони. Дальше начиналось простреливаемое

пространство.

— Теперь можно и поработать, — сказал Крюков. — Братва, делай как я!

С этими словами он повернулся в сторону склада-холодильника и выпустил по его окнам все восемь патронов своего штатного "макарова". Потом сменил магазин на запасной и повторил процедуру.

— Ты чего, командир, с цепи сорвался? — поинтересовался у сыщика высокий худой опер из его группы.

— Долго объяснять, Пастор, но советую сделать тоже самое.

Спорить с ним никто не стал. Пастор, а за ним и остальные члены опергруппы последовали примеру старшего. Знали — старик Крюков плохого не посоветует. Стены склада покрылись новыми дырками, брызнула штукатурка. Со звоном вылетела пара чудом сохранившихся стекол. Бойцы в милицеевской форме и бронежилетах смотрели на сыщиков с недоумением — с чего вдруг такая активность? Неужели где-то уже успели нажраться и теперь развлекаются?

Со стороны подъехавшего начальства раздался грозный окрик.

— Что у вас тут за шум? Все сюда бегом!

В безопасной от выстрелов зоне уже всюду суетились прибывшие с генералом заместители и адъютанты. Сам генерал с кряхтением вылез из темно-синей "ауди" и махнул рукой.

— Эй, поставьте там шлагбаум. Или майора посообразительнее. Чтобы сюда никто ни ногой!

Затем обратился к полковнику Галкину.

— Сергей Иваныч, соберите-ка мне узкий круг ограниченных людей.

Сыщики убрали оружие и неохотно потянулись строиться. Генерал Альпенгольд переминался с ноги на ногу, словно сгорал от нетерпения справиться малую нужду.

Он окинул орлиным взором окрестности и с нескрываемым удовольствием втянул носом горелый вонючий воздух.

— Ну что, гвардейцы, как тут у вас атмосфера? — радостно поинтересовался он.

— Как в костер нассали, гражданин начальник! — так же бодро отрапортовал Пастор.

— Добре, добре! — генерал Альпенгольд никогда не слышал, того что ему говорили подчиненные.

Он прошелся вдоль нестройного ряда оперативников и окинул их неодобрительным взглядом.

— Свистки во всех есть? Проверю. Сколько вас?

— Десять человек! — доложил Крюков.

— А должно быть?

— Шестеро!

— Так... - генерал с видимым усилием посчитал в уме. — А где еще трое? Даже четверо! Разберитесь.

Под плохо сдерживаемый смех генерал еще раз, неодобрительно ворча, прошелся перед строем.

— Как вы готовите людей к операции, если даже прически не проверили? — раздраженно бросил он полковнику Галкину и ткнул пальцем в стоявшего с краю младшего опера Греку. — Вот у вас, Папасраки... Папастраки, гри-

ва как... у овцы. Скоро рычать начнете.

Потом столь же укоризненно взглянул на гиганта Птенчика с его коротко остриженной "под кирпич" "ботвой".

— А у вас, товарищ лейтенант, прическа хуже, чем у Котовского.

Птенчик застенчиво покраснел. Генерал же продолжал придирчиво строго досматривать личный состав. Следующим в ряду оказался старый опер Гаврилов, считавший дни до пенсии. Если Крюков одевался небрежно, но пижонски, то Гаврилов выглядел и небрежно, и неопрятно. Друзья звали его Грязным Гарри, но только за глаза, так как мужик он был мировой.

На Альпенгольда Грязный Гарри действовал еще хуже, чем Крюков. Или, как выражался сам генерал, как красная тряпка на Чубайса.

— А вы, Гаврилов, опять с красным носом, как соленый огурец? И опять с запахом цикория? Запомните, водка пахнет не цикорием, и не спиртом, а тюрьмой! Ваши личные злоупотребления не должны отражаться на общих успехах в работе!

Грязный Гарри уставился в сторону с видом распекаемого двоечника. Генерала это возмутило.

— Что у вас за выражение на лице, Гаврилов? Ботинки нечищенные, брюки мятые, морда небритая. Как пятилетний, честное слово! Это же не морда, а прямо харизма какая-то! Где вы там смотрите, Гаврилов? Вы здесь или там? Там вам не здесь! Немедленно прекратить мне злоупотреблять! И чтобы запаха цикория я у вас больше не видел!

Брезгливо поморщившись, генерал счел дисциплинарную часть законченной и обратился к полковнику Галкину.

— Сергей Иваныч, доложите обстановку.

Полностью выговаривать богоизбранное отчество полковника Альпенгольд считал для себя излишним.

Сергей Израилевич кротко вздохнул и приступил к изложению диспозиции. Генерал внимательно слушал, иногда кивал головой, вставляя замечания.

— Добре. Дельно. Толково.

Полковника Галкина он немного побаивался то ли по причине его пятой графы, то ли благодаря его профессиональному опыту и высокой компетентности. Наконец Галкин закончил и генерал снова обратился к нижним чинам.

— Почему до сих пор не начинаем штурм?

— Ждем "мальчиков по вызову", — доложил Крюков. — Подтанцовка должна подъехать, ребята из группы быстрого реагирования.

— А самим что, слабо? Зарылись как страусы головой в дерьмо, понимаешь!

Генерал презрительно смерил Крюкова уничтожающим взглядом. Потом обратился к воинству.

— Ну что, сынки, докажем родине, что она не зря нам деньги платит? Ур-ра!...

Альпенгольд взмахнул рукой, забыв что в ней не шашка и не пистолет, а элегантная барсетка. Получилось по идиотски. Из присутствующих его порыв поддержал только один молодой сержант из патрульно-постовой службы местного отделения. Остальные как стояли, так и продолжали стоять в положении "вольно", то есть ослабив любую, но обязательно левую ногу. Все с

неподдельным интересом разглядывали героя. Пауза затягивалась. Наконец Крюков решил нарушить молчание и доложил.

— У нас патроны кончились. Мы ведь тут не первый час воюем, — старший опер помахал перед начальственным носом пустым пистолетным магазином. — Вы случайно не подвезли? Нет? А мы так на вас надеялись...

— Что? — генерал обескуражено хлопал глазами, наблюдая качания пистолетного магазина. Наконец его осенило.

— А если подобраться поближе и врукопашную? Вы ведь приемами самбо владеете? Как вас, Жуков? Прoberитесь-ка вон туда. Видите забор? Отсюда до него ровно двести-триста метров. Может пятьсот. Туда вон асфальтовая дорожка протоптана.

— Разрешите бегом? Только просветите, за каким... мне туда пробираться? — поинтересовался Крюков.

Генерал вскипел.

— Вы мне тут умных вопросов не задавайте. Не забывайтесь, я все-таки ваш начальник! Осмотрите дыру в заборе и доложите, с какой она стороны — с той или с этой.

— А какая разница?

Генерал, как ни странно, успокоился. Он взглянул на Крюкова с сожалением, как на больного. Даже фамилию вдруг вспомнил.

— Вы, Крюков, не стройте из себя то, что вы есть на самом деле. Я ведь за вами давно слежу и насквозь раскусил. Вы обладаете острым, я бы сказал, аналитическим умом. Но здравый смысл вам недоступен. Объясняю. Вход — это отверстие извне вовнутрь. Отверстие, ведущее в обратном направлении, называется выходом. Теперь к вам дошло? Проздравляю. Вы, Крюков, хуже барана. Баран сам все понимает, а над вами обязательно дубина должна стоять и командовать.

После этой уничтожающей речи он обратился ко всем присутствующим.

— Значит так, действовать будем решительно, вопреки логике и здравому смыслу. И не надо тут мне дело делать, надо работу работать. Фонтанов не строить, павлинов не разводить. Вы не в Америке, тут пахать надо.

— Извините, товарищ генерал, — не выдержал Крюков. — У каждой твари на свете свое предназначение. Гончая или легавая могут выследить волка, но брать его должны борзые или волкодавы.

Генерал обиделся.

— Это кого вы тварью обзываете? И легавым? Вот сейчас вы, Крюков, матом ругаетесь, а потом этими руками будете хлеб брать! И выньте руки из карманов. Вам что, в главке жить надоело?

— Я могу прямо здесь и сейчас рапорт на увольнение написать, — перебил энтузиазм генерала Крюков. — Меня как раз в один банк приглашают. Службу безопасности возглавить.

Генерал сверкнул очами, печально и грязно выматерился, затем отошел к своей "ауди" и укрылся в салоне. Не иначе — лекарство принять. Дольку лимона на сто грамм коньяка.

Со стороны города приблизилась еще одна автоколонна из трех машин. Впереди катил напоминавший деревенский сортир на колесах джип "ниссан-патрол". За ним два микроавтобуса "газель". Машины остановились и из них как чертики из коробочки повыскакивали бойцы в камуфляже, с автома-

тами наизготовку.

— А вот и тяжелая кавалерия, — с удовлетворением заметил Крюков. И направился к прибывшим.

* * *

Сначала из обеих "газелей" повыскакивали бойцы, после этого открылась и дверца джипа.

Заместитель командира группы быстрого реагирования Управления спецслужбы Алексей Ермаков, которого друзья и подчиненные звали просто Ермаком, был единственным, кто не носил бронежилета. Одет он был, как и Крюков, по ментовской моде — в кожаную куртку и джинсы. Как и Крюков он носил звание капитана, хотя и был лет на пять-семь моложе. Некоторая разница в возрасте не мешала им быть приятелями.

— Что там? — спросил Ермак, кивнув на здание мясохладобойни.

— Супербоевик: "Дембель против ментов", — усмехнулся Крюков. — Часть четвертая: "Погибаю, но не сдаюсь". Отморозки и наркоторговцы. За старшего у них Мясоруб. Не сталкивался с ним?

— Приходилось. И много их?

— До фига и больше. Как выражается наш генерал: "Набились как селедки в трамвае, не протолкнешься". И все до коренных зубов вооружены. Ругаются, стреляют. А я человек интеллигентный, натура у меня тонкая. Хамства не люблю. Короче, товар перед тобой. Брать будешь?

Ермак развел руками.

— Щас, только разбежусь! И без них дураков в стране полно. Мы лучше их всех быстренько, к едрене фене, поубиваем и двинем по пиву. Пойдешь с нами?

Крюков изобразил размышление и почесал кончик носа.

— А почему бы и не развлечься? Фильмы новые я уже видел, книги и бабы надоели. Ладно, пошли. Только дай из чего пострелять.

Ермак посмотрел на него с удивлением.

— Вообще-то я тебя на пиво приглашал.

— Да? — ухмыльнулся сыщик. — Чтобы ты потом всю дорогу хвастался своими подвигами? Нет уж, если вместе, так с начала и до конца.

Ермак вздохнул, покачал головой, затем открыл багажную дверь своего джипа. Там лежал большой плоский чемодан. Он открыл его.

— Выбирай. Можешь хоть насовсем взять. Это все неучтенка. Боевые трофеи, так сказать.

Крюков присвистнул от восхищения. Перед ним как на витрине были разложены новейшие образцы короткоствольного оружия. В некоторой растерянности он перебрал несколько экземпляров. Ермак расхваливал свой товар как барышник.

— У меня никакого импорта. Только отечественный товаропроизводитель. Образцы экстра-класса. "Гюрзу" хочешь? Мощная машинка. Бронебойная.

— К ней патронов не найдешь, — капризно проворчал Крюков. — А найдешь, разоришься.

— Тогда бери "пернач". Это тот же "стечкин", только модернизированный. У него пробивная сила не хуже тэтэшника. Ну, может быть, самую малость по-

слабее.

Ермак достал матово блестящий пистолет внушительных размеров и протянул Крюкову.

— Вот, смотри, сдвигаешь предохранитель вниз — он бьет одиночными. А вниз до конца — короткими очередями по три выстрела.

— Это хорошо, — согласился Крюков. — А то на "стечкин" маслят не напаешься. На спуск нажал, не успел до трех сосчитать — и магазин пустой.

— Нет, "пернач" пушка интеллигентная, как раз для тебя. Самовзвод, магазин на восемнадцать мест. Вообще-то есть и побольше, на двадцать семь патронов. Но тут, сам понимаешь, не в супермаркете. Бери, что дают. Патроны "макаровские-модернизированные". Надо будет, скажи. Я тебе их хоть ведро насыплю.

К ним подошел Пастор.

— О чем шепчетесь? Мне с вами можно? Что-то подраться захотелось.

— Если твой начальник не против... — Ермак вопросительно посмотрел на Крюкова.

Тот в ответ только пожал плечами.

— Если нейдет, пусть идет. Давай, Пастор, вооружайся и толкни ребятам напутствие!

Услышав это предложение, бойцы СОБРа оживились. Пастора они хорошо знали и любили.

Он улыбнулся, взгромоздился на капот "ниссана", выпрямился во весь свой огромный рост и провозгласил трубным басом:

— Слушайте же, рабы Божии!

Садитесь на коней и мчитесь, колесницы, и выступайте, сильные!

Ибо день сей у Господа Бога есть день отмщения!

И меч будет пожирать, и насытится, и упьется кровью языческой!

Ибо это Господу Богу будет жертвоприношение, в земле северной при реке...

Он обернулся к цепочке постовых.

— Как этот вонючий ручей называется?

— Таракановка.

— Спасибо... В земле северной при реке Таракановке! Пророчество Иеремии, глава сорок шестая.

— Аминь, дети мои! — провозгласил Ермак. — А теперь пойдём и уьём этих грешников.

— Может отдашь мне Пастора? — спросил он Крюкова.

— А из деревяненького ничего не хочешь? — ехидно ухмыльнулся тот. — Мне самому без него никак нельзя. Он у меня в опергруппе как вратарь — половина команды.

СОБРовцы нахлобучивали на свои головы круглые шлемы-сферы и поправляли снаряжение.

— Слушай, Крюк, Пастор ведь когда-то в семинарии учился. Не знаешь, за что его оттуда выгнали? — спросил Ермак.

Крюков сделал вид, что вспоминает.

— Кажется его там один святой отец, известный благочестием, попробовал в задницу трахнуть. У них это дело на поток поставлено, как в Большом театре. А Пастор этому благочинному двинул слегка и челюсть сломал в двух ме-

стах. А за это ему объяснили, что гордыня и отсутствие смирения — главные из смертных грехов. И отчислили.

— Да, не повезло. Или, наоборот, повезло, — покачал головой Ермак и командовал. — Отряд, становись!

Бойцы Ермака построились. Крюков посмотрел на них с уважением. Еще бы, столько на себя навьючить! Шлем — килограмма четыре, броник — десять. Автомат три кило. С разгрузочным жилетом, в котором распиханы запасные магазины к автомату, гранаты, пистолет и нож — полтора пуда будет. И все это надо не просто таскать на себе, в этом надо драться.

За плечами бойцов торчали трубы ручных огнеметов "Шмель". Страшное оружие массового поражения. Ермаков распорядился.

— "Шмели" оставить. В здании могут быть заложники.

Он все-таки заставил Крюкова и Пастора также облачиться в тяжелые бронежилеты и настрого велел им держаться в тылу главных сил.

Ермаков повел наступление с трех направлений. Двое его бойцов принялись обстреливать из ручного пулемета переднюю стену склада, на которой зияли выбитыми стеклами пустые окна. Стрелки постоянно меняли свои позиции, чтобы осажденные в здании не догадались, что их всего двое. Бандиты ответили на их частые выстрелы яростным автоматным огнем.

Тем временем один из бойцов по приказу Ермака обошел склад сзади и, выждав минут пять, выстрелил в оббитую железом дверь склада из подствольного гранатомета. Потом перезарядил его и выстрелил еще раз. Слабый заряд гранаты не мог нанести двери реального вреда, но у осажденных возникло впечатление, что после отвлекающей стрельбы атакующие предприняли настоящий штурм. И бандиты бросились его отражать. Они не догадывались, что и это только военная хитрость.

Основные силы своего отряда Ермак расположил против глухой стены склада. Крюков присмотрелся к стене и ничего не увидел. Совершенно глухая поверхность. Может какую дверцу не разглядел? Но, сколько ни присматривался, никаких намеков даже на кошачий лаз он не заметил.

— Ты что, хочешь подкатить таран и долбить стенку? — поинтересовался он у Ермакова.

— Нет, — усмехнулся тот. — У меня есть план этого домика. В двух метрах от угла раньше была дверь. Ее кирпичом заложили и заштукатурили. Вот мы ее сейчас и взорвем. Там они нас точно не ждут.

По сигналу начальника двое СОБРовцев перебежками добрались до стены склада и закрепили в указанном месте кумулятивный заряд. Все залегли.

Взрыв показался Крюкову не очень сильным, но, подняв голову, он обнаружил в стене дыру, в которую без труда смог бы пролезть человек в бронежилете.

Ермак махнул рукой и бойцы бросились к пробитому отверстию. Крюков и Пастор, как им и полагалось, держались в хвосте атакующих. К тому моменту, когда Пастор, согнувшись в три погибели, последним проник в отверстие, из помещений склада уже всю слышались выстрелы и брань.

В тесном коридоре, куда они попали, царила приятная прохлада. Ощущалась близость холодильника. Крюков придержал Пастора.

— Не суетись под клиентом. У Ермака профессионалы, они и без нас разберутся. Давай посмотрим, может мы где-то нужнее.

Узкая грязная лестница вела куда-то вниз. Крюков стал осторожно спускаться. Пастор за ним. Лестница уперлась в металлическую дверь, запертую снаружи на засов. Крюков взялся за засов, чтобы отодвинуть его.

— Постой, командир. А вдруг там враг затаился? — предположил Пастор. — Мы войдем, а он как шарахнет очередью!...

— Ага, затаился. И попросил, чтобы его снаружи заперли, — покачал головой Крюков. Судя по задвижке, там у них ясырь хранится.

— Что? — не понял Пастор.

— Не что, а кто. Ясырь — это живой товар. Ты вообще в детстве что-нибудь читал кроме переписки Дзержинского с Чернышевским?

— Я много читал, — обиделся Пастор. — Фантастику например. "Голубые люди Розовой земли", "Тайну Голубой планеты"...

— Не люблю про извращенцев, — перебил его Крюков и решительно отодвинул засов.

Если наверху располагался холодильник, то в подвале был настоящий морозильник. Крюкову сразу захотелось вернуться в уличную дымную духоту. Подвал освещался маленькой тусклой лампочкой. Генерал Альпенгольд про такую сказал бы: "Светит, но не горит".

Стены были покрыты белыми лишаями не то инея, не то плесени. С потолка свисали толстые металлические крючья, на которых болтались части коровьих и бараньих туш. Видимо, здесь издревле хранилась левая продукция комбината.

— Странно, я почему-то свинины не вижу, — удивился Крюков. — Что это за иудейско-мусульманский шовинизм?

— Почему же нет свинины? Вон Хряк висит, — возразил Пастор.

— Точно, Хряк! — воскликнул Крюков.

Закрытый большой коровьей тушей, в углу подвала на ржавом железном крюке, забитом под нижнюю челюсть, висел авторитет Новозаводской криминальной группировки Хряк. По оперативным сведениям он внезапно куда-то исчез. Урод он был, конечно, еще тот, под стать Мясорубу. Но сейчас, увидев его тело без рук и ног, висящее под потолком как кусок мяса, Крюков почти пожалел бандита. Правда, жалел недолго и не очень сильно.

Его внимание привлек шум в другом, дальнем углу подвала. Опер направил туда ствол "перначка" и сделал Пастору знак.

— Замри!

Но тот и сам напрягся и изготовился к стрельбе. Непонятный шум повторился. Сыщики пригнулись, чтобы туши не мешали обзору. Они увидели, как на кипе старых газет, игравших роль матраса, в куче нечистот кто-то копошился.

Людей было двое. Воняло от них так, что соседства с ними не выдержал бы и скунс. Один производил впечатление глубокого старика и мог бы без грима играть многострадального Иова или нищего Лазаря.

Другой оказался подростком. Его курчавая шевелюра свалылась и превратилась в войлок. Каждый из обитателей подвала был прикован за ногу длинной цепью к толстой вертикальной трубе.

— Страхуй! — коротко бросил Крюков.

Пастор переключил внимание на входную дверь в подвал. Крюков, стараясь не дышать, наклонился к лежащим в груде отбросов пленникам.

— Кто вы?

Старший, с трудом сдерживая дрожь, прошептал едва слышно.

— Моя фамилия Зарьков. Я бизнесмен из Вяземска. Меня похитили две недели назад. А этот парнишка — сын израильского бизнесмена. Когда меня сюда привезли, он уже был здесь. Думаю, он здесь не меньше месяца.

— Почему? — не понял Крюков.

— У меня отрубили два пальца, а у него уже четыре. По одному в неделю.

Только тут Крюков заметил, что кисти рук у пленников замотаны грязными тряпками.

— Вместе со мной приволокли этого, — бизнесмен Зарьков с трудом указал кивком головы на висящий обрубок Хряка. — Его прямо здесь разделявали, на полу. Господи, как же он орал!

— Их надо отсюда вытаскивать, — обернулся к Пастору Крюков.

Тот согласился, но по своему.

— Ты начальник, поэтому иди и организуй их эвакуацию. А я пока тут в холодке посижу, покараулю.

— Будь осторожен, — предупредил Крюков. — Мясоруб может прийти за ними. Кто знает, что ему взбредет в отмороженную башку?

— Не учи попа креститься, — отмахнулся Пастор. — Разберусь как-нибудь.

Крюков поднялся наверх. Здесь все еще стреляли. Со стороны северного крыла здания раздавался шум боя. Крюков подумал, что не стоит отвлекать бойцов. У них и без него дел было выше крыши. Он повернулся, чтобы идти к пролomu. Там наверняка должны были торчать ребята из группы прикрытия.

Краем глаза Крюков успел заметить тень, которая отделилась от угла коридора. Тень рванулась к нему, целясь в голову обрезком трубы. Он наверняка успел бы перехватить трубу и обезвредить противника, но тут в здании рвануло.

Крюкову показалось, что на него рухнул небесный свод. Или, по крайней мере, потолок. Очнулся он от привычного вкуса водки, которую Грязный Гарри вливал ему в горло. Инстинктивно Крюков глотнул, потом еще раз. Хлебнул, одним словом, от души. При этом глаза открывать он не торопился.

Наконец по ритмичным поступательным движениям капитанского кадыка Грязный Гарри догадался, что неотложные меры по реанимации на глазах превращаются в банальную пьянку. Он убрал бутылку, Крюков тут же раскрыл глаза и сел.

— Что случилось? — спросил он. — Почему не пьем?

Увидев, что он совершенно ожил и начал хамить, Грязный Гарри решительно убрал бутылку подальше и покачал головой.

— Хватит с тебя. Тебе сейчас много пить нельзя, а то голова закружится.

— Да? То-то я чувствую, что она у меня...

Крюков осторожно пощупал голову. Крови, вроде, не было, но к затылку лучше не притрагиваться. Спасла спецназовская шапка-невидимка и то, что удар прошел вскользь. Он с подозрением посмотрел на Грязного Гарри.

— Зачем ты меня двинул? Впрочем, ты всегда об этом мечтал. Хорошо, что там кость не мозговая, а то сотрясение могло бы получиться.

Грязный Гарри нахмурился.

— Это не я. Я бы врезал сильнее. Чтобы ты сам не совался куда не надо и других не втягивал.

— А что случилось? — Крюков почувствовал во взглядах друзей напряженность. — Убили кого?

Все продолжали молчать. Грязный Гарри немного отодвинулся в сторону и Крюков, приподнявшись на локте, смог увидеть Пастора. Возле него возился медик-криминалист из "тревожной" группы. Крюкова поразили черные глазницы друга. Так же жутко и слепо смотрел на него совсем недавно мертвый стукач Штирлиц.

Крюков моментально забыл про контузию и вскочил на ноги.

— Кто его? Нашли гада?

— Без понятия, — проговорил стоявший рядом гигант Птенчик. — Тут вообще полная непонятка была. Эти козлы в трансформаторной закрылись. Там стены толстые и дверь сварная. Ермак хотел их "черемухой" выкурить, а они взорвались.

— Как это? — не понял Крюков.

— Мы толком не поняли. Похоже, там заранее заминировано было. Мясоруб свою братву подорвал, чтобы нас отвлечь. А сам в этот момент ушел и с ним несколько человек. Кто-то из них тебя приласкал и Пастора убил. Ермак их преследует.

— Заложники живы?

— Да, — Птенчик кивнул. — Если бы не Пастор, их бы наверняка замочили.

Криминалист покачал головой.

— Разрывная пуля была выпущена в затылок и попала в мозг. Внутричерепное давление проломило тонкую кость глазницы и буквально выдавила оба глаза. Я про такое читал, но вижу в первый раз.

— А я уже во второй, — заметил Крюков. — Что-нибудь нашли?

Грека протянул смятый клочок.

— Вот, у Пастора в руке было. Еле пальцы разжали.

На скомканном обрывке визитной карточки можно было прочитать: "Огрыз..."

Фамилия была известной. Депутат Огрызкин от фракции "Народные заступники" был самовлюбленным придурком, известным своими нелепыми хулиганскими выходками. Один взгляд на этого законодателя сразу объяснял, почему страна никак не вылезет из дерьма.

Но проблема заключалась не столько в самом депутате, сколько в идиотах, которые продолжали отдавать за него свои голоса. В окружении депутата постоянно крутились темные личности с криминальным душком. Но чтобы народный избранник водил дружбу с таким отморозком как Мясоруб? В это верилось с трудом.

Снаружи послышался шум. Вернулся Ермак со своими бойцами. Увидев Крюкова на ногах, он удивился.

— Ты живой? Слава Богу. Я думал, тебя тоже кончили. Жалко Пастора. Да, моя вина, не уберег.

— Что с Мясорубом? — спросил Крюков.

— Двоих взяли, остальные ушли через свалку в лес, — устало махнул рукой Ермак. — Человек семь. Один отстал, прикрывал отход. Я его завалил. Смотри, что у него было.

Он протянул сыщику старый, местами добела вытертый "парабеллум".

— С разрывными патронами, я проверил, — сообщил Ермак.

Дверь склада распахнулась и в помещение ворвался генерал Альпенгольд со свитой. Генерал суетился больше всех, мешая работать следователям и криминалистам. Его голос звучал иерихонской трубой.

— Раненых в морг отправили? Добре. Кого попало наградим завтра. А сейчас всем участникам операции от лица руководства объявляю строгую благодарность. Разрешаю проздравиться, но чтобы без злоупотреблений!

* * *

Оперативники "проздравляться" не стали, а рванули в управление, чтобы оформить и по быстрому допросить двоих захваченных бандитов. Кроме Пастора был убит еще один участник захвата и двое ранены. Задержанные в ожидании возмездия и без привычной дозы кайфа чувствовали себя на грани истерики.

По дороге Грязный Гарри толкнул Крюкова локтем.

— Может сразу мордовать не будем?

— Да? — Крюков потрогал разламывающийся от боли затылок. — Предлагаешь мороженым их угостить? Или девочек организовать? Да я за Пастора им сейчас зубы надфилем до корней спилю! Из ушей лапши нарежу и жрать заставлю!

— А может для начала шкаф зарядим? — хитро подмигнул старый опер.

Прием был древний как мир, но срабатывал безотказно. Один из оперов прятался в большом шкафу, стоявшем в углу кабинета. Затем в кабинет заводили двоих подозреваемых, якобы для очной ставки, и оставляли их одних. Сидевший в шкафу внимательно слушал и запоминал. Полученные сведения, разумеется, не годились в качестве доказательств, но зачастую представляли собой ценную оперативную информацию.

Подумав, Крюков согласился. Грязный Гарри первым пробрался в кабинет сыщиков и закрылся в шкафу. Затем туда же приволокли задержанных бандитов и швырнули на стулья. Они злобно таращились и скрипели зубами.

Крюков подумал, что старик Гаврилов прав. Ни силой, ни уговорами от них сейчас ничего не добьешься. Он громко распорядился:

— Эй, ребята, готовьте пытошную камеру! Дыбу проверьте, в прошлый раз блок заело. И кровосток прочистите!

— Сделаем, начальник!

Птенчик в расстегнутой рубашке с засученными рукавами выглядел и в самом деле угрожающе. Задержанные собирались с последними силами. В этот момент, согласно сценарию, дверь в кабинет открылась и сунувший голову Грека доложил.

— Командир, тебя срочно вызывают к генералу!

— Вот, блин, как всегда не вовремя! — Выругался Крюков. — Сейчас иду! Скажи там, чтобы кто-нибудь с этими козлами посидел!

После этого он грозно воззрился на пленников.

— Сидеть и не рыпаться. Между собой не разговаривать! За вами сейчас придут.

И поспешно вышел из кабинета. Пленники ожили. Решетка на окне исключала возможность побега. От ярости они принялись орать так громко, что и без Грязного Гарри в шкафу Крюков прекрасно их слышал из коридора.

— П..здец нам! — прозорливо отметил один из бандитов. — Задолбят нас тут мусора, суки!

— В цвет попал, — согласился второй. — Не хрен было мента в коридоре валить.

— А кто валил-то, я что ли?! — обиделся первый. — Бля буду, это кто-то из черножопых, которые из Вяземска приканали, руку приложил. Жора этот, цыган гребаный, или Ибрагим. А может и сам Мясоруб замочил...

— Глохни! — внезапно оборвал его тираду второй бандит. — Мусорским духом откуда-то потянуло.

И после недолгой паузы раздался грохот и крик.

— Вот он, сука, в шкафу затырился! Мочи мусора!

Крюков с Птенчиком вихрем влетели в кабинет и успели оттащить разъяренных пленников от Грязного Гарри прежде, чем те успели порвать его как Бобик грелку.

Бандитов увели. Грязный Гарри озадаченно слюнявил пальцем царапину на лбу.

— Я ни фигу не врубаюсь, как они меня вычислили?

— Пить бросай. Твой перегар не то что из шкафа, из соседнего дома учуять можно, — просветил его Крюков. — А то вдруг мы в следующий раз не подо спеем.

— Сам как-нибудь разберусь, без сопливых, — проворчал обиженно Грязный Гарри.

За окнами темнело.

* * *

Наступила ночь. В ресторане "Вечерний" большого южного города шумела цыганская свадьба. Точнее уже не шумела. Гости притихли. Песни и пляски прекратились, слышался только тихий разговор. У всех на лицах было написано радостное и тревожное ожидание.

Новобрачные удалились в свою квартиру, где жених должен был доказать свою мужскую состоятельность, а невеста — свою невинность. Свидетельством этого должна была стать испачканная кровью нижняя юбка невесты. Друзья жениха застыли под дверью квартиры в ожидании этого оригинального документа.

Кармен сбросила с себя подвенечное платье и устало опустилась на кровать. Яшка смущенно стягивал с себя брюки. Его пугал потухший, какой-то обреченный взгляд молодой жены.

— Что-то не так? — спросил он наконец.

— Я не девушка. Меня изнасиловали, — едва слышно произнесла Кармен.

Яшке показалось, что на него рухнул телеграфный столб. С так и не снятой до конца штаниной он опустился в кресло. Прийти в себя было непросто.

— Кто это сделал? — глухо спросил он после долгой паузы.

Кармен тяжело вздохнула.

— Тебе этого лучше не знать. Да и какое это теперь имеет значение? Они все там собрались и ждут мою нижнюю юбку, испачканную кровью. Если крови не будет, меня ждет позор. А жить с позором я не буду.

Решение пришло само. Яшка сжал зубы и изо всей силы треснул себя по но-

су. Кровь брызнула, заливая белоснежную ткань.

Кармен смотрела на него с изумлением.

— Надо лед приложить, а то нос распухнет, сразу поймут, — наконец произнесла она.

Яшка сходил в ванную, умылся. Кармен принесла из холодильника лед и заставила Яшку приложить его к носу. Потом крепко и жадно поцеловала его.

Спустя полчаса он вышел на лестницу, где, изнывая от нетерпения, курили под дверью его друзья, и передал им юбку. Они весело заорали, подхватили ее и бросились вниз к выходу из подъезда.

В ресторане не пили, не ели, а томились в ожидании. При появлении орущих парней, которые размахивали куском бело-красной материи, зал разразился радостным гвалтом.

Только один человек потемнел лицом. Брат цыганского барона Степан закричал своими золотыми коронками так, что даже на улице было слышно. Он потемнел лицом, яростно выругался и вышел вон из зала.

* * *

Бронированная "рябуха" Крюкова катилась по ночным улицам столицы. Сыщик решал в уме сложную задачу — где бы пожрать среди ночи? Стоило ли тащиться через половину Москвы, чтобы отведать блюд французской, японской или мексиканской кухни вкупе со стриптизом, причем бесплатно? Или выйти прямо здесь, у ближайшего ночного магазинчика, и взять банальной докторской колбасы с хлебом и пару бутылок пива? Во втором случае пришлось бы платить самому, но такой расклад все же казался капитану более соблазнительным.

От трудных размышлений Крюкова оторвал треск мобильного. Он цинично выругался и взял трубку.

— Чаво надо? — нелюбезно поинтересовался он.

Звонила женщина. Голос в трубке был очень тихим, но он сразу узнал говорившую. Валютная путанка Светка, выпускница режиссерского отделения Московского института культуры, время от времени подбрасывала ему интересную оперативную информацию в обмен на железную "крышу".

— Крюков, я тебе звоню с дачи, — торопливо проговорила она.

— С дачи показаний? — не понял капитан. — Тебя что, снова захомутали?

— Нет, с дачи депутата Огрызкина. Нас сюда припахали на субботник. Меня, Галку и Ксюху.

Огрызкина? Крюков сразу вспомнил обрывок визитной карточки возле тела Пастора. Персона депутата с каждым часом казалась Крюкову все более и более загадочной.

Сыщик поморщился.

— Я никак не въезжаю, чего ты от меня хочешь? Чтобы я заставил его заплатить вам за ночь?

— Я хочу, чтобы ты спас мою жизнь. Тут у Огрызка какие-то людоеды и извращенцы собрались! Ксюху, по-моему, уже убили, — ошарашила его Светка. — Боюсь и Галку скоро замочат. Я спряталась в кабинете, но это, похоже, ненадолго.

— Сколько их?

— Кроме Огрызка тут еще куча уродов. Самого главного Мясорубом называют.

"Ха! Так вот где мы спрятались!" — Крюков усмехнулся, но тут же опомнился. Месть мостью, но и девчонок нужно было спасать.

— Быстро уходи оттуда, — велел он.

— Не могу. Я боюсь отсюда вылезать. Если они меня поймают, то сразу убьют.

— Где находится эта дача?

— На Рублево-Успенском шоссе, — принялась объяснять Светка. — Помнишь, мы ездили к твоему приятелю, повару из кабака "Боярская дума"? Мы еще возле магазина останавливались, дрова для шашлыка покупали.

Крюков вспомнил.

— Ты все-таки постарайся как-нибудь оттуда выбраться и жди меня поблизости от этого магазина, — решил он. — Я уже еду.

— Я же совсем голая, — возразила Светка.

— Ничего, я как-нибудь потерплю.

Крюков левой рукой нахлобучил на крышу синюю мигалку и с разворотом рванул через две сплошные линии. Ночные улицы были почти пусты, но пару поддатых лихачей он все же довел до инфаркта.

Больше всех не повезло какому-то бедняге на маленьком "очкастом" "мерсе". При появлении сверкающего огнями катафалка капитана Крюкова он мирно стоял под светофором и блевал, свесившись из распахнутой двери. Огни и сирену он воспринял на свой счет и, забыв закрыть дверь, дал газу.

Пока дорога шла по прямой, он демонстрировал мастер-класс вождения и даже ушел в отрыв. Но метров через двести ему понадобилось обойти асфальтоукладчик. И парень немного не вписался. Что называется, задел совсем чуть-чуть. То есть врубился ему в передний каток со всей дури аккуратно решеткой радиатора. Тем самым значком, который так любили в старину отламывать малолетние хулиганы.

Проезжая мимо, Крюков поморщился. Он представил себе скрюченное тело пьяного придурка в салоне, заблеваные подушки безопасности и панель приборов. Вот гадость!

За Москвой стало проще. Меньше встречных-поперечных идиотов на колесах. Проехав еще немного, он вырубил мигалку и сбросил скорость. Ни к чему было привлекать внимание раньше времени.

Он остановился прямо напротив знакомого магазинчика. Дровами и углем возле него уже не торговали, но двери были открыты. Капитану снова захотелось колбасы с пивом. Он прогнал мысли и слюни и полез за стволом.

Одно время на вооружении у Крюкова был старенький "стечкин". Машинка тяжелая, нескладная и патроны слабоваты, но Крюков к нему успел привыкнуть. Стреляя из него очередями, капитан всегда помнил, что магазин полностью опустошается раньше, чем успеешь сосчитать до трех. При этом разброс пуль на пятьдесят метров напоминал звездное небо планетария. Новый ствол обещал массу преимуществ, но к нему надо было привыкнуть.

Крюков вышел из машины и осмотрелся. Кругом царил умиротворяющая тишина, только кое-где в осенней траве орали последние сверчки. Но капитан не верил обманчивому покою. Его внимание привлек подозрительный звук, и тут же из придорожного, заросшего кустами кювета к нему метнулась страш-

ная лохматая тень.

Внутренний голос посоветовал ему не стрелять сразу, а выждать хотя бы секунду. Кусты снова вздрогнули и за первой тенью появилась другая, не такая страшная, но более массивная. Уж теперь-то Крюков не удержался и выстрелил. Бил навскидку, но не промахнулся. Вторая тень мешком рухнула на асфальт, а первая с пронзительным криком накрыла капитана. Это была Светка. Как и обещала, она была совершенно голой. Поверх своего нудистского прикида она набросила похищенную в особняке депутата Огрызкина скатерть с длинной бахромой.

Крюков усадил подругу в машину, потом подошел к подстреленному им человеку. Наклонился, потыкал мыском ботинка, пробормотал краткую надгробную речь на предмет: "Туда и дорога". После этого он с кряхтением и ворчанием отволол его к кювету. Затем вернулся к машине. Светку трясло, она выбивала зубами дробь не слабее, чем Ринго Старр в лучшие свои годы.

— Это он за тобой гнался? — Крюков кивнул в сторону тела.

— Д-д-да, — кивнула Светка. — К-к-козел косоглазый! Это он К-к-ксюхе шею с-с-свернул. Т-т-ты его уб-б-бил?

— Убил, — подтвердил Крюков. — Прямо в лоб закатал. Нехорошо получилось. Опять я вместо предупредительного выстрела контрольный произвел. Кстати, там в бардачке бутылка должна быть. Выпей, согреешься. И давай, рассказывай.

Светка мигом откинула крышку бардачка и запустила в него руку. ей на колени упало что-то черное, блестящее и тяжелое.

— Ой, что это? — испуганно взвизгнула она.

Крюков забрал у нее предмет, оказавшийся обрезом охотничьего ружья.

— Фотоаппарата никогда не видела? — пошутил он. — Подарок друга, предмет первой необходимости. Я его на ночь вместо женских трусов под подушку кладу. А бутылка дальше, в пакете.

Жрица любви опасно порылась в недрах бардачка и извлекла оттуда початый брусок "Джони Уокера".

— О, черный лейбак! — она отхлебнула глоток с полстакана. — Слушай, Крюков, а зачем женские трусы под подушку кладут?

— А какие же, мужские, что ли, класть? — удивился он. — Я вообще-то точно не знаю, но, говорят, многие так делают. Может они этим комаров отпугивают? Ладно, показывай дорогу.

Светка снова приложилась к бутылке и сделала еще один небольшой глоток, чуть больше первого. Накидка сползла с нее и Крюков увидел, что все ее тело покрыто синяками и кровоподтеками.

— Сейчас давай вперед, там будет поворот налево, — начала она. — Так вот, когда я вылезала в окно, Галка была еще жива. Я слышала как она орала. А Ксюху убили при мне. Тот, которого Мясорубом звали, предложил Огрызкину попробовать суперкайф. Дескать, в момент предсмертной агонии во влагалище такие спазмы делаются... В общем — непередаваемое ощущение. Тот и согласился. Вдул Ксюхе через задницу, а чеченец здоровый ей шею свернул. И никакого эффекта. Хоть бы защемило ему, козлу!

— Значит Мясоруб этого идиота Огрызка кровью повязать решил, а тот, му-дак, и не въехал? — догадался Крюков.

— Какое там "въехал", — махнула рукой девушка. — Огрызок уже давно в

усрачку обдолбанный — сначала вискаря выжрал, потом укололся, а после этого еще какими-то колесами догнался. Я боюсь, они и Галку грохнули. Сво-
рачивай, вон ворота в поселок. Только там охрана на входе.

— Спрячься и накройся своей рваниной, — приказал Крюков. — И пока не скажу, не высывайся.

Он сбросил скорость и приготовился тормозить.

* * *

Двое охранников, дежуривших на воротах при въезде в "Поселок Замечательных Людей", сидели в своей будке, смотрели по видеодвойке боевик с Джеки Чаном и потягивали пиво. Время от времени до их слуха долетали слабые крики, доносившимся из особняка депутата Огрызкина.

— Слышь? Огрызок опять чудит, — заметил младший.

— Ничего не слышу, — ворчливо отозвался его более опытный товарищ. — И тебе не советую.

Молодой охранник потянулся и, вопреки рекомендации напарника, подошел к двери. Снова прислушался.

— А в прошлую смену я видел как у Огрызкина во дворе два свертка грузили. Похоже на трупы в мешках, — проговорил он.

— А я ничего не видел, — раздраженно и с нажимом заявил старший. — Мне платят не за то, чтобы я за хозяевами подглядывал. а за то, чтобы их охранял. К тому же у Огрызка депутатская неприкосновенность.

— Это конечно, — задумчиво протянул молодой. — Только случись такая возможность, шею я бы ему свернул. По тихому.

— По тихому это само собой, — согласился старший. — Кто же спорит?

Он заметил приближающуюся рябуху Крюкова и указал на него напарнику.

— Гляди, несет кого-то. Телега не наша, чужой едет. Ты это, когда открывать пойдешь, "дуру" возьми. Не нравятся мне чужие, да и вообще тревожно. Осколок душманский в жопе играет, а это к беде.

Молодой охранник пожал плечами, но все же прихватил с собой помповое ружье ижевского завода и направился к приехавшему.

Крюков открыл дверь машины и высунулся из салона чуть ли не по пояс.

— Милиция, открывай в темпе! Ху-ли кантуешься?

— Какая еще милиция? — в недоумении остановился охранник.

— Московская, блин, краснознаменная! Отдел борьбы с бандитизмом! У вас под носом убийцы орудуют, а вы заперлись у себя в каптерке, яйца чешете и пиво сосете! Депутат Огрызкин здесь живет?

Старший из охранников тяжело вздохнул, также вооружился "помпой" и присоединился к напарнику.

— Ты чего тут шумишь? — грозно наехал он на Крюков. — Тут у нас своя милиция, так что заворачивай отсюда по-хорошему. А депутат Огрызкин — персона неприкосновенная, чего тебе от него надо?

Крюков прикинул, не пора ли переходить к акту насилия, но решил еще немного побазарить.

— К твоему неприкосновенному уже, наверно, давно прикоснулись, причем плотно и в нескольких местах. Депутат Огрызкин звонил мне двадцать

минут назад и сообщил, что его дом захвачен террористами. Между прочим, прямо у вас под носом.

Охранники покрутили головами. Они были сильно озадачены. Сейчас Крюков легко мог вырубить их обоих, не прибегая к оружию. Но он снова предпочел мирный путь переговоров.

— Может быть уже сейчас вашему депутату паяльник в задницу вставляют. А вы тут метлу гоняете. Криков никаких не слышали?

Молодой охранник испуганно посмотрел на товарища.

— Слышь, Кузьмич, а может это сам Огрызок и орал? Я не врубился, чей голос был — мужской или женский.

Крюков почувствовал слабинку стражей, дал газу и уперся бампером в ворота.

— Открывайте и звоните в свою ментовку. А сами бегом за мной следом. Эти козлы вооружены, так что у нас каждый ствол будет на счету.

Молодой охранник распахнул створки ворот и пропустил джип. Потом обратился к напарнику.

— Ты это, Кузьмич, звони, поднимай тревогу. А я пойду ему помогу.

— Куда, дурилка? — Кузьмич прихватил его за рукав форменной куртки. — Тревогу, конечно, поднять нужно, а вот за ним идти... Ща, побежали! Ты что, ОМОН? Не спеши, пускай он сам сначала разберется. В таком деле спешить никак нельзя.

И он не спеша принялся набирать номер телефона.

* * *

Крюков проехал по узкой поселковой улице и уперся бампером в ворота депутатского особняка. Он не сомневался, что бдительные охранники сейчас запрутся в своей будке и носа из нее не высунут, пока стрельба не закончится или не подоспеет подмога. В любом случае они ему не помешают.

Крюков придавил педаль газа и одним махом высадил ворота особняка мощным передним бампером. Светка зашевелилась было под своим покрывалом, но Крюков зашипел на нее:

— Не рыпайся, придушу!

Взяв "пернач" в правую руку, а любимый обрез в левую, Крюков бросился прямо через громадную клумбу к дверям дома. Изнутри раздался жуткий крик. Значит несчастная путанка все еще была жива.

"Сначала предупредить, затем выстрел в воздух, только после этого стрелять на поражение", — мысленно приказывал себе Крюков.

Ударом ноги он распахнул дверь в роскошное жилище народного избранника и заступника. Его глазам предстали двое старых знакомцев из числа шестерок Мясоруба. Погоняла у них были не то Хорь и Калиныч, не то Могусюмка и Гурьяныч. Оба, пошатываясь, вышли откуда-то из внутренних покоев депутатского дворца. У одного в руке был окровавленный нож, другой крутил в пальцах толстую веревку.

"Сначала предупредить", — напомнил себе Крюков.

— Ребята, вы местные? А я из милиции, — сообщил он. — Предупреждаю, что против вас могут быть применено оружие. А также приемы борьбы самбо и баритсу. Ох, мать твою!...

— Да пошел ты, козел!

В руках у бандитов в мгновение ока оказались стволы. Тянуть дальше было нельзя. Крюков выпустил короткую очередь из "пернача", потом добавил дуплет из обреза. Отморозков разбросало в стороны, поскольку стрельба велась почти в упор, с пяти-шести метров. Добивать их не было необходимости и Крюков рванулся к двери, из-за которой они появились секунду назад.

Выбив ударом ноги и эту дверь, Крюков очутился в огромном зале, сверкающем хрусталем и золотом. Сплошной ампир. Посреди всей этой роскоши, на ковре, застеленном большим лоскутом садовой пленки, лежало тело девушки. Вероятно это и была злополучная Галка.

"Не успел", — с горечью подумал Крюков.

Кроме мертвой женщины в зале находились двое мужчин, оба пока живые и здоровые. Обоих Крюков хорошо знал. Одного по фотографиям в уголовном деле, другого по фотографиям в газетах и оперативных сводках. Оба услышали выстрелы и постарались подготовиться к неведомой напасти. Мясоруб тащил из-за пояса пистолет, депутат шарил по карманам в поисках документа, удостоверяющего его неприкосновенность.

Крюков с чувством огромного облегчения выпустил в Мясоруба одну за другой три коротких очереди из "пернача". Он не был некрофилом или садистом, но невольно залюбовался тем как пули кромсают плоть потерявшего человеческий облик уroda.

— Сука! Ты же меня порвал! — прорычал падая Мясоруб.

— Ага, как Тузик грелку. Извини, не знал, что ты такой легко ранимый, — пожал плечами Крюков и обернулся к Огрызкину.

— Спасибо вам, дорогой товарищ депутат, за своевременный вызов.

— Что? — глаза умирающего Мясоруба загорелись вдруг огнем ненависти.

Покончив с ним, капитан обратил внимание на депутата. Тот трясущимися губами пытался что-то объяснить. Дурашка, что же тут объяснять, когда и так все ясно.

Крюков при других обстоятельствах не отказал бы себе в удовольствии лишний раз объяснить избраннику Огрызкину, какое тот на самом деле дерьмо. Но сейчас время поджимало.

Крюков пнул умирающего под ребра и спросил.

— Кто врезал мне по черепу и убил моего друга? Кому принадлежал "парабеллум" с разрывными пулями? Что за пацаны из Вяземска у тебя гостили? Где они сейчас?

— Пошел ты!... - заскрипел зубами умирающий отморозок.

— Я все расскажу! — заблеял депутат. — Их этот урод привел, Мясоруб. Он меня заставлял! Я не при чем! Это были люди Папы! Одного звали Иб... Иб... Иб...

Его заклинило.

— Слушай, ты меня уже заИбал, — поморщился Крюков. — Говори по человечески.

— Иб... его мать... Ибрагим. Он меня убьет!

— Ошибаешься. Думаю, убьет тебя не Ибрагим. А второй?

— Жо...

— Сам ты жопа! Хватит ругаться!

— Я хотел сказать — Жора... Жора его зовут. Он цыган... Они уехали обратно

в Вя... Вя...

— Хорош вякать!

— В Вяземск, — проглотил наконец соплю Огрызкин. — Они от Папы.

— Это что за хрен? — нахмурился Крюков.

— Он наркотой заправляет...

— Заткнись, сука! — прохрипел Мясоруб.

Он собрался с силами и поднял свой пистолет, причем направил его не на Крюкова, а на дрожащего депутата. Крюков хотел было отреагировать, но замер каменным идиолом с какого-нибудь острова Масленицы.

— Согласись, глупо было бы мне рисковать своей жизнью ради такого мерзавца как ты, — неловко улыбнулся сыщик народному избраннику.

— Он меня убьет!

— Вот здесь, боюсь, ты прав.

— Я напишу чистосердечное признание! Пусть меня судят по закону! — потребовал избранник-заступник.

— Кто же тебя будет судить? — проникновенно обратился к нему Крюков. — Не был бы ты депутатом, я бы со спокойной совестью отправил тебя полировать нары. Возможно там из тебя сделали бы человека. Но ведь у тебя неприкосновенность. Так чего тебе бояться? Тем более, этот отморозок твой друг.

Стараясь не глядеть на смертельно перепуганного червяка, Крюков успел уловить как полумертвый Мясоруб несколько раз выстрелил ему в живот и голову. Опер не стал ждать, когда тот начнет стрелять в него самого и точным выстрелом добил бандита.

— Да, — сказал сам себе Крюков. — Вот такая наша работа. Кропотливо, по крупицам собирать информацию. Конечно, это скучная рутинка, но без этого нельзя.

Он внимательно посмотрел на неподвижные тела бандита и депутата, потом направился к выходу. На улице его встретила цветомузыка приближающихся милицейских машин. От выбитых ворот бежали автоматчики в черных масках.

Выйдя на крыльцо, Крюков сразу оказался в луче прожектора. Он демонстративно положил оружие на землю и выпрямился с поднятыми руками.

— Я старший опер управления спецслужбы! — крикнул он набежавшим бойцам, чтобы предупредить получение менее тяжелых телесных повреждений. — Удостоверение здесь, в кармане куртки.

Один из бойцов, видимо старший, достал корочки и в свете прожектора изучил их содержимое. Остальные замерли в гамлетовском ожидании — бить или не бить? Наконец главный махнул рукой.

— Это наш, Крюков со "спецухи".

И обратился к капитану.

— Я майор Денисов. Спецназ федеральной службы охраны. Что там внутри?

— Так, ничего особенного. Злонравия достойные плоды, — ответил Крюков, пряча удостоверение в карман.

— Кто? — не понял старший.

— Море трупов, — охотно пояснил Крюков. — Четыре мужика, две бабы. Похоже, путанки.

— А депутат? — видимо этот вопрос интересовал спецназовца больше всего.

Крюков кивнул.

— Мертвый. Расстрелян в упор.

— Кто его?

— Я...

— Ты?!

— Я опоздал буквально на секунду, — поправился Крюков. — Мясоруб всадил в депутата всю обойму буквально на моих глазах. Я этого отморозка, конечно, завалил, но было уже поздно. Да! Никогда себе не прощу! Какую-то секунду... и все! Я прямо так расстроился... Не представляю, как теперь с этим буду жить.

Майор дал знак и его бойцы аккуратно просочились внутрь особняка. От смешавшихся в кучу машин и людей отделился высокий тип в кожаном пальто-реглане. Он торопливо, но в то же время величественно подошел к стоявшим на крыльце. Всем сразу стало ясно кто здесь главный.

— Доложите, что здесь произошло, — тоном начальника распорядился он.

Крюков прокашлялся и начал докладывать. Он решил не врать и рассказать все как было. А если и врать, то совсем немножко.

— Я возвращался со службы, когда мне позвонила моя осведомительница. Из категории "ЖЛП".

— Что это еще за херня? — не понял "Кожаный реглан". — Партия, что ли, новая? Задолбали эти "РКП", "ЛДПР", "ЖЛП".

— "ЖЛП" по нашей картотеке значит "женщина легкого поведения", — пояснил Крюков. — Ведь не напишешь же в официальном документе "проститутка" или "путанка". Так вот, она была приглашена в гости депутатом Огрызкинским на день ангела. В разгар праздника, как сообщила осведомительница, дом депутата был захвачен террористами. В памяти телефона в его кабинете должен остаться мой номер. А на моем мобильнике номер его телефона. Поскольку жизнь депутата оказалась в опасности, я тут же направился по указанному адресу и при первой возможности сообщил через охрану вам.

— А сразу почему не позвонил? — прорычал человек в реглане.

— Вы забыли дать мне ваш телефон, — съязвил Крюков. — Или вы хотели, чтобы сюда областной ОМОН прибыл?

— Ладно, — "Кожаный реглан" помялся и приказал. — Всех лишних отсюда вон, приступайте к осмотру места происшествия.

Крюков посчитал себя лишним. Он вернулся к своей "волге", запустил двигатель и с вереницей других машин выехал за пределы поселка. Сейчас самым главным для него было вывезти Светку. Ее требовалось тщательно проинструктировать на случай допроса. Но вообще-то он надеялся, что можно будет совсем обойтись без ее показаний.

Сыщик довез ее до самого дома и проводил в квартиру. Уходя от нее утром, он напомнил:

— Постарайся свалить из Москвы хотя бы на месяц, пока все не успокоится. Иначе я за твою жизнь не ручаюсь.

Потом он задумался. Вероятные убийцы Пастора приезжали к Мясорубу от какого-то Папы из города Вяземска. Скорее всего, туда же они и убрались после бегства. В Вяземске жил фронтовой друг Крюкова, Олег Петров. Когда-то

Петров, сам еще зеленый лейтенант, принял командование ротой, в которой служил сержант Крюков. После этого им пару раз довелось спасти друг другу жизнь. Но то была совсем другая история...

ГЛАВА 2

Услышав требовательный звонок в дверь, Яшка отставил недопитый стакан холодного чая и направился в прихожую. Здесь он на миг задержался и придиричиво посмотрел на себя в зеркало. Ну молодой, еще и двадцати не исполнилось. Ну веселый. Но таких молодых и веселых цыганских парней по таторам — хоть пруд пруди. И что она в нем нашла? Кармен, красавица, влюбилась в него. И не просто влюбилась, а из-за него отвергла ухаживания самого Степана. А ведь старший брат Степана — цыганский барон. В их краю сильнее и богаче него жениха нет. Сейчас Кармен еще спала после свадебной ночи, ночи самозабвенной любви. Их первой брачной ночи.

Повторный звонок прервал его размышления. Яшка подошел к двери и взялся за колесико замка.

— Кто там? — поинтересовался так, на всякий случай.

— Э, открывай, рома, свои.

Кто "свои"? Для цыгана все цыгане свои. Кто-то из гостей недогулял и хочет продолжения банкета? Яшка открыл дверь и замер. На пороге стоял Степан собственной персоной. Пришел один, без помощников. В его руке была зажата короткая нагайка с вплетенным в конец свинцовым шариком. Не плетка — настоящий кистень.

— Я вас поздравить пришел. Извини, что без цветов, — прорычал Степан и наотмашь хлестнул Яшку по голове.

Удар свинцового шарика пришелся в лоб выше брови и отключил сознание. Видно кровь у Степана сильно кипела, вот и дрогнула рука. Бил-то он на смерть, в висок, да маленько промахнулся. А на лбу кость толстая, говорят — не мозговая. От нее иной раз и пуля рикошетит.

Когда Яшка пришел в себя, то обнаружил, что лежит в коридоре. Из комнаты доносился шум борьбы и слышалось негромкое, но яростное рычание. Яшка утер рукавом кровь, которая текла с рассеченного лба и заливала глаза. Забыв обо всем, он рванулся в спальню. Увиденное там лишило его остатков разума. На широкой кровати шла ожесточенная борьба. Степан придавил Кармен к постели. Ее одежда, изорванная в клочья, валялась на полу рядом с брюками и трусами самого Степана. Здесь же валялась брошенная насильником нагайка. Видимо он понадеялся на силу своих рук.

Но оказалось, что Степан переоценил свои возможности. Справиться с разъяренной Кармен было не легче, чем бороться с пантерой. В пользу такого мнения свидетельствовали рубцы на потной жирной морде баронского родственника. Он и сам начал понимать свою ошибку и уже пару раз с вожделем поглядел на опрометчиво брошенный инструмент.

Вбежавший в комнату Яшка как раз и перехватил такой его взгляд. Не думая о последствиях, он поднял с пола нагайку и обрушил ее на голову Степана. Тот завизжал как свинья и попытался руками закрыться от града ударов. Кармен сумела наконец вырваться и откатилась в сторону.

Яшка молотил врага наотмашь, вкладывая в каждый удар всю свою силу и ненависть. Он остановился только тогда, когда совершенно выбился из сил.

Степан лежал поперек кровати. Голова его представляла собой сплошную кровавую рану. Яшка ошарашено глядел на дело своих рук. Кармен, все еще голая, тронула его за плечо.

— Нам надо уходить. Быстро. Пока его не хватились.

— Но он же сам во всем виноват! — растерянно пробормотал Яшка.

Кармен презрительно усмехнулась.

— Э, проснись, рома! Кого это интересует? Степан братом барона был. Ты на хозяина руку поднял! Разве такое прощают? Бежать нам надо. И немедленно.

Яшка продолжал озираться как спросонья.

— Куда же мы денемся? Нас теперь везде найдут...

— Не найдут, — оборвала его Кармен. — На Волгу подадимся, в город Вяземск. Там мой дядя живет. Наши ромалы его Будулаем прозвали. Он мудрый человек, может что и посоветует. Собирайся!

Через пятнадцать минут Яшка с Кармен выскользнули из дверей подъезда и, стараясь держаться в стороне от проезжей части, за кустами, да за деревьями, быстрым шагом двинулись в сторону вокзала.

А спустя еще пять минут возле их подъезда затормозил сверкающий черным лаком "ауди". Из него выскочили трое цыган. Увидев на стоянке шестисотый "мерс" Степана, они возбужденно затараторили и бросились в подъезд.

* * *

— Крюков, к полковнику Галкинду! — пронеслось под сводами Управления спецслужбы.

— Зачем, не знаешь? — поинтересовался Крюков у дежурного.

— К ордену тебя, вроде, не представляли. Значит на клизму, — обнадежил тот его. — Не забудь надеть штаны шириной назад.

В кабинете как всегда пахло смесью кофе и валерьянки. Полковник Галкин по обыкновению пребывал в состоянии тлеющего гнева.

— Что еще вы там наворочали, Крюков? — пристально вперился он в капитана своими рентгеновскими глазами. — Генерала из-за вас вызывали в министерство и он вернулся, по его словам, "бледный как спирохета". Чем вы его достали на этот раз?

— Пытался спасти жизнь народного избранника, — отчеканил Крюков. — Но безуспешно.

Суровый взгляд полковника принял вдруг мечтательно-детское выражение.

— Да, я об этом уже слышал, — вздохнул он. — Убить такую скотину как депутат Огрызкин — редкое удовольствие. Мне вот так и не удалось...

— Так я же не... — попытался вяло протестовать Крюков.

— Я не с вами беседую, — к полковнику мигом вернулось привычно строгое выражение лица. — Так вот, капитан, насрали вы капитально. Аромат теперь долго не уляжется. За Мясоруба и его уродов вам отдельное спасибо. Надеюсь, свидетельницу спрятать успел?

— А?... В общем да... — неуверенно протянул Крюков.

В кабинете начальника он почему-то терял присущее ему нахальство. Или только делал вид?

— Тогда сам скройся. На месяц — два. Показания твои в деле имеются, пусть следствие с ними и работает. А тебе отдохнуть надо. Ты ведь, кажется, отпуск за прошлый год не отгулял?

— И за позапрошлый тоже, — уточнил Крюков.

— Вот и отдохни. Возьми удочки, ружьишко. И отправляйся куда подальше. Есть где спрятаться?

Крюков кивнул.

— Есть. Меня мой ротный командир давно к себе в гости зовет. На Волгу, в город Вяземск. Мы с ним воевали вместе. И удочка у меня имеется. Вот только ружья не надо. Мне стрельба и в рабочее время надоела. Тошнит уже.

— Вот и славненько, — полковник определенно сегодня что-то съел или понюхал. Таким добрым Крюков его не помнил. — Получай деньги, оформляй бумаги и вперед. Завтра наших ребят похороним, и чтобы в течение месяца я тебя здесь не видел!

В коридоре сыщик чуть не налетел на генерала Альпенгольда. Тот заметно обрадовался.

— А, это вы, Крюков? Опять руки в карманах? Ну никак вы не хотите вести борьбу со своим внешним видом.

Он брезгливо оглядел фирменные джинсы Крюкова и кроссовки с надписью "Puma".

— Я ведь запретил приходить на работу в брюках нашего наиболее вероятного противника. И чтобы "Риты" этой я у вас на ногах больше не видел!

Он хотел еще что-то добавить, но передумал. Крякнул и пошел по коридору.

Перед уходом Крюков заглянул к Ермакову.

— Ты обещал маслят насыпать.

— На войну собрался? — усмехнулся спецназовец.

— Нет, в город Вяземск. Буду грибы собирать, рыбку ловить. Заодно и таинственного Папу поищу. За Пастора рассчитаться надо.

Ермаков прищурился.

— А разве Пастора убили не из того ствола, который я тебе показывал? Так ведь его владельца я лично завалил.

— Нет, — покачал головой Крюков. — Эксперт сказал, что у козла, которого ты подстрелил, пальцы такой толщины, что в спусковую скобу просто не пролезли бы. Она у "парабеллума" маленькая. Так что ствол ему подбросили, чтобы нас со следа сбить. Так что придется мне в город Вяземск ехать.

— Тебе помощь не потребуется? — серьезно спросил Ермаков. — Если что, звони. На пару дней я всегда сумею вырваться.

* * *

Придя домой, Крюков долго искал в стенных шкафах свою любимую удочку, которой не пользовался уже лет двадцать. Еле нашел. Это было знаменитое "пионерское" удилице — настоящая бамбуковая двухколенка. Пенопластовый поплавок к ней Крюков сделал и раскрасил сам. Он и сейчас гордился этим произведением.

Тем же вечером Крюков созвонился с Вяземском. Ротный, как продолжал называть его Крюков, или в миру Олег Петров, страшно обрадовался его звонку. Он похвастался, что за последнее время неплохо поднялся на торговле бензином и пообещал устроить однополчанину королевский отпуск с рыбалкой и охотой.

Жена Петрова погибла год назад при взрыве машины, который устроили

его конкурентами. Жениться Ротный пока не собирался и один воспитывал дочь Юльку, пятнадцатилетнюю оторву, как он ее называл.

На следующее утро Крюков погрузил в "рябуху" дорожные пожитки, залил полный бак и взял курс на древний город Вяземск.

* * *

Остановившись на пару дней в Москве, Яшка и Кармен купили по доверенности старый москвич грязно-зеленого цвета. Это должно было окончательно сбить со следа ищеек цыганского барона. С горем пополам они сумели наконец добраться до Волги, за которой было рукой подать до жилья старого Будулая.

Старик жил в старом фургоне-бытовке, снятом с колес и поставленном на кирпичи. Яшка видел его впервые. Будулай был стар и сед, но его глаза светились огнем жизни и мудрости. Он очень обрадовался появлению Кармен вместе с Яшкой.

— Здравствуй, дядя Будулай, — поприветствовала она старика с порога. — Знакомься, это муж мой, Яшка.

— Здорово, ромалэ, — усмехнулся хозяин. — Куда путь держите? Неужели цыгане снова кочевать начали?

— Нет, Будулай, — отозвался Яшка. — Можно тебя так называть?

— Почему нельзя? Люди называют, и ты называй. Имя хорошее, я им горжусь. Так от кого бежите, ромалы? Или я ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Яшка брата барона убил, — ответила за мужа Кармен. — Это тот самый жирный боров, который... Ты ведь помнишь, как мы с тобой расстались тогда? Потом он снова на меня набросился, а Яшка вступился. Вот так все и получилось. Посоветуй, куда нам теперь деваться?

Будулай покачал головой.

— Да, девочка, непростая у вас история получилась. Что я могу вам посоветовать? Если цыганский барон отомстить захочет, он вас в любом таборе отыщет.

— И даже на "Чертовом Таборе"? — спросил Яшка.

Будулай вдруг как-то сразу сник и будто даже состарился на десяток лет.

— Да, на "Чертовом Таборе" вас никто не достанет. А знаешь почему? Потому что даже бешеный волк никогда не полезет в трясины! Только и вы спаситесь оттуда уже не сможете. На Чертовом Таборе Папа хозяин. А он страшный человек.

— Но ведь он нашей, цыганской крови! — возразила Кармен.

— Не знаю, чья в нем кровь, люди разное говорят. Может и цыганская, — кивнул головой старик и горько усмехнулся. — И с каждым днем цыганской крови в нем все больше становится. Как в клопе, потому что пьет он ее без меры. Если пойдете к нему, он и вашу кровь выпьет.

— Но я слышал, что Папа дает приют таким изгнанникам как мы, — заявил Яшка. — К нему со всех таборов люди едут, и никто назад не уходит.

Будулай невесело усмехнулся.

— Когда я мальчонкой был, рассказывал мне один старик такую сказку. Заболел как-то Лев и пригласил зверей к себе в гости. Пришла и Лиса. Села возле львиного логова, а внутрь не заходит.

"Почему не входишь, Лиса"? — спрашивает ее из пещеры Лев.

"А потому, — отвечает она, — что многие следы внутрь твоей пещеры ведут, а наружу из нее — ни одного".

Вот и думайте, ромалы. И сами решайте — идти вам под покровительство Папы или не ходить.

Яшка поднялся, Кармен последовала за ним.

— Что это вы, уходить собрались? — удивился старик. — Даже чаю не попьете? Или жильем моим убогим побрезговали?

— Нет Будулай, — насупленно ответил Яшка. — За гостеприимство тебе спасибо, но у нас еще дел много.

Будулай внимательно посмотрел на парня.

— Обиделся? Зря. Что ты хотел от меня услышать? Чтобы я одобрил твое решение идти к Папе? Я советов не даю. Просто я говорю что есть. Папа бандит. Пойдешь к нему — сам станешь бандитом. Он же и тебя прикончит, если ему будет выгодно. Да ведь ты и сам все это понимаешь, только признаться себе боишься. А раз так, на себя и обижайся. А теперь ступайте, ромалы. Я вас не держу.

Яшка и Кармен в молчании покинули сурового старика. Понимали, что он прав. На улице они уселись в свой оставленный возле бытовки зеленый "москвич".

— Что делать будем? — спросила мужа Кармен.

— А что делать? К Папе едем, — отрезал Яшка. — Плевать мне, что он бандит, плевать, кто он — цыган, еврей или чукча. Лишь бы помог. К тому же я навеки к нему в холопы не собираюсь. Пересидим чуток, бабками разживемся, и айда! В Америку, в Австралию. Там уж точно никто нас не найдет.

* * *

Администрация Вяземска располагалась в центре города в бывшем райкомовском особняке, украшенном горделивой надписью "Мэрия". В большом кабинете на втором этаже за массивным письменным столом располагался глава городской администрации или, как его стали называть с недавних пор, мэр Вяземска господин Горкин.

Сидевший за тем же столом напротив мэра начальник городской милиции полковник Афиногенов глубокомысленно разглядывал стакан с коньяком. То, что он никак не мог собраться привычно махнуть его единым духом, выдавало его состояние сильного душевного волнения.

— Засношал этот бандит, Папа хренов, — жаловался полковник. — У меня на него и на его беспредельщиков чемоданы жалоб накопились. Если проверка какая — амбец мне. Среди белого дня людей хватают. Если так дальше пойдет, то прокуратура не им, а нами заниматься станет.

— А мы здесь с какого бока? — раздраженно бросил Горкин. — Нас его дела не касаются.

— Меня-то, может, и не касаются, — ухмыльнулся полковник. — А вот твоего пацана с Папой часто видят. Гляди, подведет он тебя под монастырь.

Мэр вскочил с места и забегал по кабинету.

— Сам знаю. А что делать? Совсем сопляк от рук отбился. И так ни в чем ему не отказываю!

— Не в Артуре дело, а в Папе, — назидательно произнес полковник.

Мэр Венрулся в кресло и заговорил злым шепотом.

— Дался тебе этот Папа! А ты представляешь, что произойдет, если он потонет? Он, в первую голову, нас с тобой потянет.

— А если по тихому его убрать? — принялся строить варианты Афиногенов. Мэр скептически покачал головой.

— Если Папу завалят, то его бандиты тут же начнут город делить. Вот тогда я нам с тобой не позавидую. Впрочем, и никому другому из наших сограждан. Тут ад начнется. Папа, конечно, сильно мешает, но и без него нельзя. Вот если бы на него компры накопать хотя бы вполовину от той, что он на нас имеет, тогда бы поводок ему можно было и укоротить. А то и намордник надеть.

Полковник все же решился, одним глотком осушил стакан и посидел немного с искаженным страдальческой гримасой лицом.

— Ух, клопомор! По мне самогон лучше. Так вот, есть у меня человек. Рядом с Папой ходит. В доверии он у него.

— Кто это? — не на шутку заинтересовался мэр. — Давай, колись. Какие могут быть от меня секреты?

Полковник пораздумывал, потом неохотно выдавил.

— Это Васька-цыган. Я его еще в старые времена выцепил за наркоту. С тех пор он на меня и постукивает. Только смотри, никому!

Полковник посмотрел на часы и поднялся.

— Пойду я, а то сейчас Папа к тебе подгребет. Ни к чему мне с ним лишний раз встречаться.

И он направился к выходу из кабинета. Мэр посмотрел ему вслед с неодобрением.

— Вот всегда так, соратничек хренов. Оставил ценные указания, и в сторону. А мне с Папой разбираться.

* * *

Черный "мерседес" остановился у дверей мэрии и из него вылез Папа.

— Ты останься в машине, — велел он сидевшему за рулем Василию. — Со мной пойдет Ибрагим.

Возле дверей Папа задержался, словно бы для того, чтобы докурить сигарету.

— Слушай, Ибрагимчик, — тихо сказал он. — Что-то мне наш Вася в последнее время перестал нравиться. Хочу ошибиться, но думаю, что Вася наш — стукач.

— Брось, Папа, когда ты ошибался? — оскалился Ибрагим. — Хочешь, я его прямо здесь и сейчас замочу? И ни одна сука не вякнет!

Папа меланхолически покивал головой как китайский болванчик.

— Ну что ты, дружок. Не здесь и, тем более, не сейчас. Ты пока присмотрись к нему повнимательнее. Мне бы не хотелось делать поспешных выводов, да и парень он хороший. У меня к тебе другое дело будет. Будулая знаешь?

Ибрагим склонил голову.

— Знаю, старый ишак за городом живет, воду мутит. Тебя, Папа, сильно не любит. Цыган здешних против тебя подбивает.

— Это точно, — обиженно сказал Папа. — А ведь я ему ничего плохого не

сделал. Вот его ты и навести.

— Разобраться? В смысле — замочить? — уточнил абрек.

— На месте разберешься, — ушел от ответа Папа. — И ребят с собой возьми. Жору с Артурчиком. Пора мальчика к делу приобщить.

И он толкнул тяжелую дверь мэрии.

* * *

Дорога прошла спокойно, без приключений. Только ближе к Вяземску Крюкову довелось немного развлечься.

Сначала его обогнала старая "мазда" с правым рулем, набитая то ли пьяными, то ли обкуреными обормотами. Машину мотало по шоссе из стороны в сторону, к тому же водитель гнал так, словно боялся опоздать на "Титаник". Крюков пропустил его вперед и немного сбросил скорость.

Но тут сзади замаячили три мотоцикла. Первый, с двумя седоками, немного обошел его слева и завис перед левым крылом. Два железных коня приклеились сзади.

Тем временем "мазда", ушедшая было вперед, перестала мотаться вправо-влево и заняла место на шоссе впереди Крюкова. Картина складывалась однозначная. Капитана зажимали в "коробочку". Молодые волки вышли на охоту и выбрали добычей старую "волгу". Нашли, с кем связаться.

В подтверждение догадки сидевший на переднем мотоцикле пассажир принялся вытаскивать из-под куртки что-то длинное, судя по всему обрез. Оружие зацепилось куртками за подкладку и никак не вылезало. У Крюкова тоже был обрез, но только дома.

Сыщик отметил, что парни в "мазде" также засуетились и в заднем стекле мелькнуло что-то черное и длинное. Автоматный ствол или зонтик? Крюков поглядел вверх. На небе ни облачка. Значит не зонтик. Крюков обреченно вздохнул. Снова война, кровь, жертвы. И это называется отдых? Он с тоской взглянул на удочку, торчавшую из-за сиденья.

Мотоциклисты на хвосте прибавили газу и сократили дистанцию до минимума. В зеркало заднего вида Крюков разглядел как лихач, который гарцевал за правым крылом, целится в него из пистолета. Значит его "рябуха" им действительно очень нужна, если не боятся стекла попортить. Они же не знают, что тачка пуленепробиваемая.

Крюков пожал плечами и тормознул. Тот, что целился из пистолета, мог управлять только одной рукой и не успел среагировать. Его мотоцикл врубился в укрепленный швеллером задний бампер "волги", потерял управление, закувыркался и отлетел в кювет.

Второй мотоциклист успел вывернуть вбок и оказался слева от преследуемой жертвы. Но оказалось, что жертва и сама была не прочь поохотиться. Крюков крутанул руль и как в бильярде выбил бандита на встречную полосу. Как выяснилось — прямо под колеса встречному "КамАЗу".

Капитану некогда было разглядывать результаты столкновения. Охота еще не закончилась. Он прибавил газу, догоняя мотоцикл с двумя седоками. Пассажир наконец сумел выпростать из-под куртки обрез. Он сидел неровно, обхватив водилу одной рукой, а другой целился в Крюкова. Тот снова чуть притормозил.

Бабах! Два жакана со свистом прошли перед лобовым стеклом "рябухи", а незадачливый стрелка едва не сбросило с седла. Крюков прибавил скорость и поравнялся с мотоциклом. Его водитель прилагал все усилия, чтобы сохранить равновесие, так как бестолковый пассажир, казалось, делал все, чтобы экипаж завалился вверх колесами.

Крюков злорадно усмехнулся, свободной рукой вытащил из-за сиденья свою удочку и толстым бамбуковым коленом ткнул пассажира мотоцикла подмышку. Тот стал сползать еще дальше, бросил наконец бесполезный разряженный обрез и вцепился в сидящего впереди водителя обеими руками.

Такого насилия тот вынести не смог и стал падать вместе с цепким стрелком-пассажиром. Крюков ткнул удилицем и его. Не сильно, но больно. Этого оказалось достаточно. Мотоцикл вильнул, затем резко затормозил и подкинул зад как необъезженный мустанг. Седоки полетели через руль на асфальт трассы.

Теперь Крюков смог вплотную заняться белой "маздой" и ее экипажем. По вспышкам в ее салоне он догадался, что в него стреляют.

"Только бы стекла не побили и краску не поцарапали", — подумал он.

Для начала Крюков слегка поддал приваренным спереди мощным швеллером задний бампер "мазды", чтобы сбить прицел стрелкам. Затем он резко взял влево и притопил педаль газа до самого пола. Стрелка спидометра резко дернулась вправо, а "рябуха" рванулась вперед птицей. Крюков представил себе расход топлива и почувствовал как от ужаса волосы зашевелились на его голове.

Обходя "мазду", он еще раз несильно боднул ее в бок. Он успел мельком глянуть на испуганные лица бандитов. Выбирая дичь, они никак не ожидали, что она окажется настолько дикой. Опередив противника на полкорпуса, Крюков принялся выкручивать руль вправо. Бронированный борт "рябухи" разбил в мелкие осколки левую фару "мазды" и со скрежетом вмялся в ее крыло. Еще одно движение руля, и машина налетчиков сорвалась в кювет, одним махом состригла довольно толстое дерево и замерла в положении "лежа на крыше", весело вращая задранными вверх колесами.

Трасса была чистой. Крюков зевнул. Вот и все. Его пугала перспектива скучной долгой дороги. Попутчиков он не подсаживал, радио в машине не признавал. Оставалось только надеяться, что разбойники на большой дороге еще не все перевелись.

* * *

Когда зеленый "москвич" с Яшкой и Кармен тронулся с места, от задней стены жилища Будулая отделились три темные фигуры. Все это время они тихо стояли позади бытовки-кибитки и внимательно слушали разговор старика с гостями.

Подождав, пока когда зеленый "москвич" скроется за поворотом, вся тройка поднялась по скрипучим ступенькам в бытовку. Дверь распахнулась от сильного удара. Хозяин спокойно взглянул на вошедших.

— Привет тебе от Папы, Будулай, — ухмыльнувшись, сказал первый, кудрявый брюнет с мясистым носом, видимо тоже цыган. — Значит ты опять за старое взялся? Простых людей против Папы настраиваешь. А может уже и мен-

там стучать начал? Папа нам велел еще раз с тобой перебазарить, типа — последнее китайское предупреждение сделать. Но после того, что мы тут слышали, думаю это бесполезно.

Второй, полноватый молодой человек с холеной рожей и мутными глазами наркомана, хлопнул носатого цыгана по плечу.

— Хорош с ним тереть, Жора. Кончаем старого мудака и попилили.

— Подожди, Артур, — остановил холеного толстяка Жора. — Так не полагается. Человеку надо знать свою вину.

— Мою вину? — усмехнулся Будулай. — Я свою вину лучше вас знаю и перед Богом за нее отвечу. Скоро отвечу. Вы ведь убить меня пришли? Только и вам недолго жить осталось. И смерть ваша будет пострашнее моей. Ну что, рома, сам братскую кровь прольешь?

Жора смутился.

— Нет, зачем же... Вот Ибрагим пусть... А мы пошли.

И вышел, а точнее выбежал из бытовки старика. Толстый Артур отправился следом, хотя и не так поспешно.

Из тени вышел третий из непрошенных гостей. Орлиный профиль, бритая голова и небольшая бородка выдавали в нем уроженца Кавказа. В руке Ибрагима тускло сверкнула сталь кинжала.

— Молится будешь? — спросил он старого цыгана.

— Делай то, зачем пришел, — махнул рукой Будулай. — Я к встрече с Богом давно готов. А если сильно нагрешил, тут одной, хоть и последней, молитвой не поможешь.

Ибрагим схватил его за волосы на затылке и рывком запрокинул голову старика назад. Он вонзил кинжал в горло возле кадыка, затем рванул его вбок и наружу. Раздался смертный хрип, кровь потоком хлынула на пол. Ибрагим оттолкнул агонизирующее тело и вышел.

Снаружи в нос ему ударил резкий запах копчености. Артур и Жора старательно поливали бытовку старика вонючей жидкостью из канистры.

— Эй, вы что, с ума сошли? Для этого бензин существует! — крикнул Ибрагим.

— Папа не велел бензином поливать, — возразил Жора. — Говорит, если что, сразу скажут — поджог. А это специальная жидкость для разжигания дров под шашлык. Имеет естественный запах.

— Это жидкость не для шашлыка, а для копчения! — разъяснил Ибрагим.

— Ну и что? — удивился Жора. — Какая разница?

Ибрагим не нашел слов и только махнул рукой.

— Ладно, поджигайте как есть. Только дождитесь, чтобы все сторело. Я к Папе. Доложу.

Он скрылся в перелеске, откуда вскоре раздался рев мощного мотоциклетного мотора. Над последним пристанищем старого цыгана поднялся густой дым.

— Стучать полетел, дятел, — со злобой сплюнул Артур. — Пес вонючий, и за что Папа его так любит?

— Потому что Ибрагим — палач, — Жора также сплюнул на дорогу. — Если Папа прикажет, этот чурка и нас с тобой также, как баранов, завалит. Ладно, дергаем отсюда. Здесь все и без нас сторит. Не ждате же и в самом деле, пока на пожар народ сбежится.

Они также скрылись за деревьями. Там их ждал сверкающий хромовыми деталями отрехтованный и заново покрашенный серебристый джип "чероки". Артур вальяжно расположился за рулем.

— Ну что, уколемся? — не спросил, а скорее предложил Жора. — Айболита помянем его же товаром.

— Давай, только отъедем на хер отсюда подальше, — охотно согласился Артур. А потом пожрать заедем. Меня после прихода всегда на хавчик пробивает.

И запустил двигатель.

* * *

На подъезде к Вяземску Крюков вынужден был остановиться. На дороге скопилась пробка из машин. Водители и пассажиры столпились возле полыхавшей и чадившей при этом жутким черным дымом бытовки, снятой с колес и установленной на кирпичи.

Крюков вынужден был выйти из машины и смешаться с толпой зрителей. Его удивил резкий запах копченостей, исходивший от пожара.

— Что это горит, коптильный завод? — поинтересовался он у пожилой соседки, скорбно подперевшей щеку рукой.

— Да какой завод! Человек тут жил хороший. А теперь вот...

— А где же сам человек хороший? — спросил Крюков. — Я бы с ним познакомился. Хороших нынче днем с огнем не найдешь.

— Кто же его знает, — вздохнула собеседница. — тут его что-то не видно. Может он там внутри остался?

— Так какого хрена вы все тут торчите?! — прорычал Крюков, растолкал застывших истуканами зевак и бросился в горящую бытовку.

Пожар был странный. Обработанное коптильным средством дерево давало больше дыма, чем огня. Прикрыв лицо рукавом, Крюков выбил хлипкую дверь и очутился в крошечной комнатке. На полу лежал человек. Видимо тот самый, хороший. То, что он мертв, стало ясно капитану как только он его увидел. Перевернув тело, он убедился в этом окончательно. С разрубленным горлом долго не живут.

Крюков волоком вытащил тело на порог, а оттуда спустил на траву. По рядам собравшихся пронесся ропот возмущения.

— Что делают, гады!

Крюков выпрямился и взглянул на собравшихся с удивлением.

— А вы что, знаете, кто его убил?

Народ принялся переминаться с ноги на ногу, словно всем вдруг срочно приспичило справить нужду. Знакомая собеседница боязливо оглянулась и тихо спросила Крюков.

— А ты не из милиции будешь?

— Кто? Я?! — возмутился опер. — Да чтоб мне век воли не видать! Я турист, приехал на экскурсию...

— Мафия это, — доверительно сообщила женщина. — Есть тут такой Папа. Вроде над цыганами старший, а на самом деле всеми бандитами в городе управляет. Мэр наш у него на побегушках. Его рук это дело.

— Так вот сам и убил? — не поверил Крюков.

— Зачем сам? — женщина посмотрела на него как на дурака. — У него Ибрагимка есть, пес цепной. Он и зарезал, больше некому. Кинжал у него — вот такой!

Толпа любопытных все увеличивалась. С минуты на минуту можно было ждать приезда милиции. Крюков протолкался сквозь толпу к своей машине, когда услышал за плечом густой басовитый рык.

— А ну стоять, блин!

Ну кто кроме родной милиции способен издавать такие звуки? Крюков обернулся. Так и есть. Красномордый сержант с коротким автоматом, в бронежилете, неизвестно как натянутом на пузо огромных размеров, возвышался над капитаном почти на две головы. В углу рыбьего рта прилип окурок. И как такая помесь слона с бегемотом сумела подкрасться незаметно?

— К тебе, твою мать, обращаются! — прорычал сержант. — Ты что, глухой? Ща уши прочистим. Куда собрался? Быстро ноги в стороны, руки на тачку. Растопырился быстро!

И он грозно помахал автоматом, хотя тот выглядел в его мясистых лапах как детская игрушка и в комплекте с хозяином вызывал скорее улыбку. Крюков не выдержал и усмехнулся.

— Чо лыбешься, козел? — обиделся могучий сержант и замахнулся своим оружием.

Крюков, продолжая все также улыбаться, двинул его ногой в неприкрытые бронежилетом гениталии. Гигант охнул и присел, схватившись за пораженный орган. Автомат повис у него на шее. При желании Крюков мог бы легко им завладеть, но он не ставил перед собой такой цели.

Крюков оглянулся. За ними никто не следит, поскольку все внимание толпы было обращено в прямо противоположную сторону Там, распространяя запах копченостей, дымились остатки кибитки старого цыгана.

Крюков проговорил нарочито громко:

— Значит я могу ехать, товарищ сержант? Спасибо. Как вы добры ко мне! До свидания.

И тихо добавил:

— Попрыгай на пятках, авось полегчает.

После этого он залез в машину, запустил двигатель и через кювет, по целине объехал образовавшуюся пробку. В зеркало заднего вида Крюков успел заметить, что выпученные от боли глаза сержанта понемногу принимают нормальный вид. Гигант с жадностью впился ими в задний номер "волги", стараясь его запомнить. Что же, пусть запоминает.

Этот номер Крюков скрутил в спецгараже министра внутренних дел со старой министерской "волги", которая тихо ржавела, накрытая чехлом, в самом дальнем углу.

Крюков был туда вхож благодаря старому другу, начальнику этого гаража, и время от времени заимствовал со всеми забытой машины ряд нужных деталей. Ну и номера прихватил на всякий случай. Так что теперь пусть проверяют по своим учетам. Крюков представил себе как вытянутся у проверяющих рожи от удивления и мрачно улыбнулся.

При въезде в город Крюков решил заправиться. Стандартный бак "волги" плохо сочетался с трехсотсильным движком. Плакат с надписью "Бензин от фирмы "ОИЛ-ПЕТРОЛ" — лучший в мире!" подсказал ему, где это можно сделать. К колонке тянулась очередь из пяти машин. Крюков занял место в хвосте и вылез размять ноги. Отсчитал деньги за пятьдесят литров. Литров пять в баке у него еще оставалось. От сложных арифметических вычислений его оторвал громкий шум.

Спереди, со стороны выезда с заправки, подъехал серебристый "чероки" без номеров. Водитель бесцеремонно сдал задом, оттирая стоявший в очереди следующим старый "фольксваген". Очередь вяло роптала, но активных действий к восстановлению справедливости никто, похоже, предпринимать не собирался. Непроницаемо темное стекло водителя "чероки" опустилось и Крюков увидел физиономию толстощекого румяного юноши с наглыми пороссячьими глазками.

"А они тут все неплохо питаются", — подумал он, вспомнив мордастого сержанта.

Из другой двери вылез цыганистого вида парень и направился к кассе. Крюков пожал плечами, вернулся за руль и дал газу. Своим мощным передним швеллером, слегка помятым о ворота депутатской усадьбы, он поддал серебристого красавца под задний бампер и протащил до края асфальтовой площадки. Дальше начинался некрутой склон овражка. Не останавливаясь, капитан спихнул нахала под гору, затем дал задний ход и сам занял его место.

— Если вы не торопитесь, то может и меня пропустите? — обратился он к водителям из очереди.

Те не только не стали возражать, но и рванули от него в разные стороны как от зачумленного, забыв, что собирались заправиться. Через секунду на бензоколонке не осталось ни одной машины.

Цыганистый парень стрелой бросился в овраг за товарищем. Вскоре оттуда послышался натужный рев двигателя. "Чероки" пытался выбраться самостоятельно, видно забыв, что внедорожником его считают лишь условно.

Крюков залил бак топливом, отъехал в сторону и вылез из машины. Он подошел к краю склона, внизу которого нескладно суетился экипаж серебристого красавца.

— Эй, пацаны, помощь не требуется? — поинтересовался он.

Цыганистый парень переглянулся с толстяком.

— Гляди, эта сука еще здесь!

— А я думал, он давно сдристнул! Вызываем братву.

Толстяк вынул из кармана брюк маленькую коробочку мобильника. Крюков не стал ждать, пока он вызовет подкрепление и, балансируя на скользкой траве, спустился вниз. Неожиданно в нос ему ударил резкий запах копченостей. Такой же, какой он почувствовал недавно на месте пожара и убийства старого цыгана.

Ударом ноги Крюков выбил мобильник из рук толстяка.

— Не торопись, дистрофик, — посоветовал капитан. — Запыхаешься, вспотеешь. Мальчишки любить не будут.

Толстый сделал плаксивое лицо и принялся махать ушибленной конечностью. Его смуглый напарник выволоч из-под сиденья машины бейсбольную битку и ураганом ринулся на обидчика.

— Ур-р-рою, козел! — прогремел по овражку его боевой клич.

Крюков снова махнул ногой. Ручка биты хрустнула и переломилась.

— Говно эти бейсбольные биты, — прокомментировал Крюков. — Я предпочитаю клюшку для хоккея на траве. Ее так просто не сломаешь.

Цыганистый брюнет отбросил обломок биты и попытался достать противника серией боксерских ударов. Крюков ушел в сторону-вперед, в результате чего оказался у брюнета почти за спиной, и ударил ребром стопы в подколенный сгиб. Вторым ударом той же ноги в затылок он отправил брюнета в глубокий и продолжительный обморок. После этого повернулся к трясущемуся как кусок студня толстяку.

— За что вы старику горло перерезали? — наудачу спросил капитан.

И не промахнулся.

— Э-э-это не мы, — жалобно проблеял тот в ответ. — М-м-мы только его халупу п-п-подожгли.

— А кто? — продолжал наседать Крюков и снова спросил наудачу. — Ибрагим?

И снова попал.

— Ага! — обрадовано закивал толстяк, отчего щеки и тройной подбородок его заходили ходуном. — А т-т-ты откуда з-з-знаешь?

— Ты же сам мне только что и сказал, — усмехнулся Крюков. — Как встречу Ибрагима, так обязательно скажу, кто его заложил.

— Н-н-не надо! — заныл толстяк, пуская слюни. — Что хочешь проси. Мой отец тут самый главный. Он для меня все сделает!

— Кто велел убить старика? — спросил Крюков.

— Папа...

— Твой отец? — не понял Крюков.

— При чем здесь мой отец? — удивился толстяк. — Говорю же — Папа! Ты что, Папу не знаешь? Он тут вроде пахана или цыганского барона...

— А за что убили? — продолжил допрос Крюков.

— Этот Будулай всю дорогу Папе нервы портил. Других цыган против него настраивал. Папа его много раз предупреждал... А ты меня не убьешь?

Крюков презрительно сплюнул на ноги толстяку. Ему было противно глядеть на его скотскую рожу. Убивать это дерьмо он, конечно, не собирался. Но вот поучить немного и на время обездвижить не мешало.

— До двух считать умеешь? — спросил капитан. — Следи за ногой.

На счет "раз" его правая нога взметнулась ввысь над головой толстяка, на "два" обрушилась пяткой сверху вниз, прямо тому в лоб. Послышался приглушенный стук и толстяк, ломая кусты, сел могучей задницей прямо в муравейник. Крюков подумал, что муравьям бы хватило такого запаса не на один год, но покачал головой и за ногу отволокло бесчувственное тело к машине.

Когда Крюков отъезжал от все еще пустой заправки, он думал о том, что снова влезает в какую-то чужую, совершенно ненужную ему проблему. Он не предполагал, что скоро она коснется его самым непосредственным образом.

Крюков достал мобильник и набрал номер Олега. Тот сразу взял трубку.

— Здорово, ротный! — поприветствовал его сыщик.

— Крюк! Ты? Как добрался? — радость друга была неподдельной. — Слушай меня, я освобожусь через час, раньше никак не смогу. Ты сейчас дуй в ресторан "Центральный". Скажешь, что от меня, тебя посадят в кабинете. Возьмешь

пожрать и выпить и будешь ждать меня. Договорились?

— Договорились, — согласился Крюков. — А рыбалка?

— Подождет твоя рыбалка! Юлька из школы придет, она тебя сто лет не видела. Ждет не дождется, когда ты приедешь. А тебе лишь бы скорее в глушь забраться.

— Ладно ротный, считай, что уболтал. Конец связи, — Крюков отключился.

Он не стал говорить другу, что городишко и так произвел на него впечатление глуши. Уже не деревня, но еще и не город. Выбравшись на самую широкую дорогу, он и в самом деле довольно быстро оказался в центре, украшенном особняком бывшего райкома, а ныне мэрии, кинотеатром и большим стеклянным рестораном с надписью "Центральный".

* * *

Подобраться к ресторану было непросто. Площадь перед ним была уставлена машинами. По белому "мерседесу" с кольцами на крыше Крюков догадался, что здесь гуляют свадьбу.

Оставив машину на соседней улице, Крюков пешком направился в гостеприимно распахнутые двери. Но тут же дорогу ему преградил холеный администратор, за спиной которого маячили туши охранников.

— У нас закрыто на спецобслуживание, — строго заявил он.

Вероятно бандитский вид опера — толстая золотая цепь на шее, черная кожаная куртка, черные джинсы и остроносые сапоги, а также двухдневная щетина на его щеках и подбородке не вызвали у него особого доверия.

— Ну не знаю, — развел руками опер. — Олег просил меня подождать его в кабинете.

— Какой Олег? — насторожился администратор.

— Петров, — уточнил Крюков. — У вас их что, много?

— Ах, Олег Иванович! — администратор расплылся в счастливой улыбке, словно только что получил предложение лично осеменить Клавдию Шифер. — Что же мы тут стоим? Прошу. Проводите господина в "Греческий зал", — кивнул он одному из качков.

Впрочем, не до конца доверяя подозрительному незнакомцу, администратор тут же принялся названивать Олегу по мобильнику. Получив подтверждение, он успокоился и направился вслед за уважаемым гостем.

Крюкова усадили в небольшом банкетном зале, где стоял один длинный стол. Одну из стен зала заменяло зашторенное окно, из которого открывался вид на главный зал ресторана.

— Прошу вас, располагайтесь, — услужливо предложил администратор, входя в помещение вслед за капитаном. — Олег Иванович скоро будет. Он просил обслужить вас по высшему разряду. Вы какую кухню предпочитаете, мексиканскую или французскую? У нас очень широкий ассортимент. Могу предложить кесадию, фахитас, начос или буррито. Из французских блюд рекомендую люцеан, фаршированный семгой и морскими гребешками под соусом из белого вина. Есть устрицы. Крупные — белон, помельче — кладоре.

Крюков понятия не имел, что такое люцеан или фахитас. Но столичный имидж обязывал. Поэтому изобразил на лице самую любезную улыбку..

— Спасибо, не нужно. Видите ли, от фахитас у меня изжога, а от люцеана

пердеж разбирает. Чего-нибудь полегче бы. Пельмешек например.

— Каких изволите? Есть с осетриной, а также с копченой курицей и сыром.

— Ладно, — устало махнул рукой Крюков. — тащите с копченой курицей. И побольше. Я почти сутки в дороге.

— А пить что будете?

Крюков испугался, что услужливый халдей сейчас обрушит на него целую карту французских вин и поспешно ответил.

— Водки разумеется. Что же еще пить под пельмени?

Администратор доверительно наклонился к уху клиента.

— Рекомендую местный сорт водки. "Элитная Мэрская".

Крюков недоверчиво покосился на него. Прикалывает, что ли?

— Только "Мерзкая"? А "Дерьмовой" нет?

Администратор снисходительно улыбнулся и покачал головой.

— Не "Мерзкая", а "Мэрская". Водочный завод принадлежит нашему мэру Горкину. Как другу Олега Ивановича я вам признаюсь, что они и в самом деле гонят там жуткую мерзость, но "Мэрская элитная" — лицо фирмы. Поговаривают, что ее просто привозят с московского завода "Кристалл" и разливают в бутылки. Но, как бы то ни было, качество превосходное. Прикажете принести?

— Прикажу, — снова вздохнул Крюков. — И побыстрее, если можно.

Администратор пошептался со стоявшим в дверях официантом и тот исчез.

— Ваш заказ сейчас принесут. Прошу прощения за небольшую задержку. Сами видите, у нас сегодня свадьба.

Крюков вместе с администратором подошел к окну в зал.

— И кто на ком женится? — спросил он.

— Уважаемый Керимбай своего старшего сына женит, Умара, — снова расплылся в восторженной улыбке администратор. — Невеста из Ташкента. Тоже из очень уважаемой семьи. Большие люди.

— Наркотой, что ли, торгуют? — предположил Крюков и по испуганному взгляду администратора понял, что угадал.

Неожиданно в дверь постучали. Она приоткрылась и в кабинет просунулась голова одного из качков-охранников. Администратор сердито взглянул на него, но после фразы, сказанной качком ему на ухо, слегка побледнел и засуетился.

— Сейчас ваш заказ принесут, — виновато объяснил он капитану. — А я вынужден вас оставить.

Крюков махнул рукой.

— Ничего страшного.

И в ожидании пельменей вернулся к окну.

Внизу шумела настоящая восточная свадьба. Гвалт, пронзительная музыка, выкрики гостей создавали плотный звуковой фон. Внезапно по залу прошла волна мертвой зыби. Те, до кого она докатывалась, замирали целыми рядами. Крюков открыл форточку, чтобы лучше слышать происходящее. Ему показалось, что в повисшей тишине шелестит одно слово:

"Папа... Папа приехал... Папа..."

По центральному проходу шел высокий седой человек. Взгляды всех собравшихся были прикованы к его фигуре. Следом за ним шагал бритоголовый тип с мордой абрека. За ним показались еще несколько парней, похожих на цыган. Керимбай выбежал в проход навстречу седому и они обнялись под

оглушительные аплодисменты и приветственные выкрики собравшихся.

Дверь в кабинет хлопнула, пропустив официанта с тележкой. Он выставил на стол большое блюдо с горой дымящихся пельменей и заиндевелый графин с водкой.

— Что там стряслось? — спросил у него Крюков, указывая на большой зал.

— Папа приехал, — коротко пояснил официант.

Тем временем вновь пришедшие расселись и праздничное застолье продолжилось.

— У меня сегодня праздник вдвойне! — провозгласил Керимбай. — Несмотря на наши небольшие разногласия мой уважаемый друг Папа почтил нас своим присутствием!

Крюков повернулся к официанту.

— О каких небольших разногласиях он говорит?

Официант ухмыльнулся.

— Керимбай возит наркотики с Востока, а Папа с Юга. И каждый мечтает сожрать другого с потрохами. Будьте осторожны, как бы чего не вышло.

И вышел.

Крюков выпил рюмку холодной водки, которая и в самом деле оказалась неплохой, и принялся жадно метать в рот пельмени, почти не ощущая их вкуса. Затем налил вторую рюмку.

Гости внизу видимо также успели закусить и снова наполнили рюмки. Папа поднялся и провозгласил тост.

— Я хочу выпить за мир и покой в нашем городе. И за счастье молодых. Горько!

"Горько! — подхватили гости. — Горько!"

* * *

— Горько! — радостно сообщил коротко стриженный подросток, голова которого напоминала череп, обтянутый кожей. Он осторожно лизнул край ложки и добавил. — Ништяк ширка заварилась!

Перед ним в чайнике без крышки пузырилась густая темно-красная масса.

— Не свистишь, Скутер? А ну как опять "бок" выйдет? — недоверчиво переспросил его сидевший напротив блондин лет семнадцати с изможденным лицом наркомана. — Дай сюда ложку, сам попробую. Ты же, гад, в прошлый раз чистую "бомбу" заварил. Меня так трухануло, думал — крышу напрочь сорвет. И внутри как пожар...

— Обижаешь, Мороз, — принялся оправдываться Скутер. — В прошлый раз я торопился сильно, кош плохо помыл, видно капля жира осталась. Вот и трухануло.

Блондин укоризненно покачал головой.

— Сколько раз говорить — пробуй ширку на язык. Нормальная ширка на вкус должна быть горькой. Если сладкая, то это — бомба. Тебе, пробитому, все по херу.

— Зуб на холодец даю, что бока не будет! Потерпи децал, скоро раскумаримся.

Скутер кинул веселый взгляд на сидевшую в углу девушку лет пятнадцати.

— Юлька, давай, присоединяйся! Слышь, Мороз, и чо ты ее никак не приса-

дишь? Сам-то уже гнутый давно, в системе.

— Не трогай ее! — угрожающе прорычал блондин и обратился к девушке.

— Слышь, Юль, я это... в последний раз... Я спрыгну, слово даю!

— Слово наркомана — золотое слово! — глумливо прогнусавил Скутер и принялся через вату набирать в шприц порцию яда. — Не ссы, братуха, ща двинемся!

Блондин забыл про подругу и присоединился к товарищу. Предвкушение кайфа захватило его целиком. Юлька окинула взглядом комнату. На настоящей кайфхате она была впервые. Сегодня Морозенок уговорил ее пройти с ним в квартиру скутера.

Мебели в комнате почти не осталось. пара табуретов, на одном из которых она сейчас сидела, стол и три матраса, от которых воняло мочой и уксусом. Рваные обои и почерневший от грязи и копоти потолок дополняли интерьер.

Ее старый друг и бывший сосед Игорь Морозов привел ее сюда как всегда "на секунду". Забрать у друга, Скутера, конспекты. Морозенок и в самом деле не был ее парнем, но они дружили с детства и Юльке совсем не хотелось, чтобы он загнулся от передозировки или плохо сваренной ширки в этой грязной конуре на вонючем матрасе.

Скутер, сетуя вполголоса на свои "сгоревшие трубы", все же сумел найти на кисти еле заметную вену и пустил по ней дозу кайфа. Морозенок последовал за ним. Не успел он отложить самодельный, из пустого стержня от шариковой авторучки, шприц, как услышал сдавленный стон Скутера.

— Бок вышел! Бомба труханула!

Тот рухнул на матрас, схватился руками за голову и издал звериное рычание.

Юлька обмерла. Она даже не представляла, что человек может так страдать, причем не в кино, а на самом деле. За спиной послышался приглушенный хрип. Она оглянулась и увидела искаженные болью и ужасом глаза Морозенка.

— В натуре бомба!

* * *

— Бомба! — пронеслось вдруг по большому свадебному залу.

Взрыв рванул где-то внизу. возле входа. В тот же миг сопровождавшие Папу люди выхватили из-под курток автоматы и принялись поливать очередями зал ресторана.

Гости бросились в разные стороны, но это не помогло. Двери оказались закрыты. Пули настигали их всюду — под столами, за портьерами, даже в инкрустированном мрамором бассейне. Папины быки истребляли всех без разбора — мужчин, женщин, стариков и даже детей.

Бойня заняла от силы две-три минуты. После этого под руководством бритоголового абрека боевики стерли с автоматов свои отпечатки и вложили оружие в руки Керимбая и других убитых мужчин.

Бритоголовый подошел к Папе и что-то тихо сказал ему на ухо. Тот кивнул. Бритоголовый жестом распорядился открыть двери.

Не успели двери распахнуться, как в них влетели люди в милицейской форме. Следом вошел полковник в высокой, как у Гитлера, фуражке. Он брезг-

ливо поморщился и визгливым голосом поинтересовался:

— Кто-нибудь видел, что тут произошло?

Крюков, разумеется, видел все, но предпочел не привлекать внимания к своей директорской ложе. Вместо этого он накатил в свободный стакан водки и выпил залпом. О пельменях, понятно, речь уже не шла. За свою богатую событиями жизнь ему приходилось видеть всякое, но такую бойню он наблюдал впервые.

— Я видел как все было! — раздался голос Папы.

— И что же это было? — сварливо спросил полковник.

— Мы с друзьями немного опоздали, — принялся объяснять Папа, — поэтому не знаем, из-за чего именно началась ссора. Но внезапно все эти люди вскочили с места и принялись стрелять друг в друга из автоматов. Я упал на пол и больше ничего, к сожалению, не видел.

Рассказ Папы вслед за ним слово в слово повторили его быки. Они тоже упали на пол, когда началась стрельба, и тоже больше ничего не видели. И о причине возникшей ссоры тоже ничего не знают.

Крюков с нетерпением ждал, когда полковник в фашистской фуражке расхохочется и отправит всех бандитов, вместе с их предводителем, в камеру. Но, к своему удивлению, услышал от него неожиданное.

— Спасибо за помощь следствию. Сейчас ваши показания запишут и можете быть свободны. Если есть раненые, им окажут медицинскую помощь.

Раненых среди убийц не оказалось. Разве что одному-двоим осколками посуды немного оцарапало физиономии.

В дверь кабинета постучали. Затем в нее осторожно заглянул администратор.

— Вам будет лучше уйти отсюда. Здесь все уберут, о вашем визите никто не должен знать. Узнают — убьют. И возможно не только вас. А у меня, между прочим, дети. Служебный выход в конце этого коридора.

Крюков согласился с его аргументами и двинулся к черному ходу. Он спустился по лестнице и распахнув дверь на улицу. Здесь его ждал сюрприз в лице старого знакомого, гиганта-сержанта. Здоровяк с маленьким, не по размеру, автоматом был удивлен встрече не меньше, чем Крюков. Вроде бы даже обрадовался. И напрасно.

— Ну что, попрыгал? Легче стало? — поинтересовался Крюков и снова врезал ему ногой в промежность.

Здоровяк опять уцепился пальцами-сардельками за отбитый орган и сделал страдальческое лицо. Крюков не мог не посочувствовать такому горю. Он участливо хлопнул сержанта-гиганта по могучему плечу.

— Ты прыгай, прыгай на пятках. Сейчас будет легче. А если мы с тобой еще пару раз так встретимся, то у тебя вообще иммунитет против удара по яйцам выработается, — обнадежил он.

За спиной раздался шум и мимо капитана, едва не сбив его с ног, пронесся человек с окровавленным ухом. Капитану показалось, что это был жених, сын Керимбая, которого звали Умаром. За ним мчался молодой и очень высокий цыган со шрамом на щеке и со "стечкиным" в руке, из которого палил по беглецу, но все никак не мог в него попасть.

Крюков сыграл на неожиданности. Преследователь чувствовал себя хозяином положения и никак не ожидал нападения. Поэтому он не успел ни защи-

титься от таранящего удара ногой в живот, ни напрячь пресс, даже если бы тот у него и был.

От удара Крюкова он согнулся пополам и выронил свой большой пистолет. В погоне он наверняка участвовал не один, следовало ожидать вражеского пополнения, поэтому Крюков последовал за беглецом до ближайшего угла, а там свернул в прямо противоположную сторону. Он быстро отыскал свою машину, отъехал на безопасное расстояние и снова позвонил другу.

— Ты что, уже поел? — удивился Олег. — И как прошел обед?

— Потрясающе, — признался Крюков.

* * *

Высокий цыган с порезанной щекой трясся от страха. Он сидел в темном сводчатом подвале на прибитой к полу табуретке. Напротив него, в принесенном сверху кресле вальяжно развалился седой человек, которого называли Папой. За спиной Папы тускло отсвечивала бритая голова Ибрагима. Справа и слева от сидевшего на табурете цыгана угадывались в полумраке фигуры Жоры и Артура.

— Что скажешь, Вася? — спросил Папа. — Почему Умар сумел уйти живым?

— Клянусь, я не виноват! — сидевший на табурете привстал было, но Жора с Артуром удержали его. — Я его сначала за мертвого принял, у него вся башка в крови была. А оказалось — только ухо отстрелено. А потом он подобрался и рванул. Я за ним. Я его, суку, почти догнал. Но тут на меня какой-то козел из угла налетел. Так ногой саданул, чуть не загасил с концами. Ногами машет как Брюс Ли.

— Кто такой? — рявкнул Папа.

— Понятия не имею, — развел руками Василий. — Может кто из керимбаевых псов, кого мы не знаем? Он и мента возле черного хода положил.

Артур переглянулся с Жорой, но оба промолчали. Папа насупился.

— Ладно, с этим Робин Гудом мы еще разберемся. А вот с тобой что прикажешь делать? Я задумываю сложнейшую операцию, подбираю день, когда всех моих врагов можно собрать в одном месте. Я нарушаю законы гостеприимства и теряю свое лицо, лишь бы обезвредить их всех. Я, наконец, веду себя как зверь, убивая детей и женщин. При этом я уже не говорю, сколько мне пришлось заплатить ментам. И все идет насмарку только потому, что ты, Вася, упускаешь главного наследника Керимбая — Умара. Чего же ты после этого заслуживаешь?

В подвале воцарилась гнетущая тишина, которую никто не смел нарушить. Помолчав, Папа продолжил обличения.

— Но это еще не все. Ты, Вася, продаешь меня, своего благодетеля, оптом и в розницу. Я не спрашиваю кому именно, мне это без разницы. Меня интересует твое мнение, Вася. Ответь мне, чего заслуживает предатель?

И снова все погрузилось в продолжительное молчание. Наконец Папа поднялся с тяжелым вздохом. Ибрагим расценил это как сигнал и шагнул к совершенно поникшему Василию. Но Папа остановил его.

— Не надо, пусть они сами сделают.

И в сопровождении Ибрагима направился к выходу из подвала. Жора проводил их взглядом, потом кивнул Артуру.

— Давай.

Тот вздрогнул.

— А почему я?

Жора нервно дернул плечом.

— Ты же знаешь, Папа не любит, если ром убивает рома. Я не могу братскую кровь проливать. Так что тебе придется.

При этом на Василия, о котором шла речь, не обращали никакого внимания, словно он уже был покойником.

— Ладно, банкуйте, — недовольно ворча Артур взял протянутый ему пистолет и приставил его к затылку Василия.

Тот, казалось, обратился в каменную статую. Он сидел с закрытыми глазами, тихо всхлипывал и что-то шептал — то ли молился, то ли ругался. Выстрел прозвучал оглушительно. Брызги крови и мозга разлетелись во все стороны, в том числе и на самого Артура.

Тело Василия дернулось вперед и тяжелым кулем рухнуло на бетонный пол подвала. Жора грязно выругался и брезгливо отряхнул рукав куртки, на которую также попали несколько капель.

— Поаккуратнее не мог? Нам же теперь все это убирать!

Наверху в одной из комнат Папа следил за происходящим по телевизору.

— Запись сделал? — не оборачиваясь спросил он Ибрагима.

— Заснял в лучшем виде, — ответил тот. — Теперь мэру не отвертеться.

— Это точно, — согласился Папа. — Его кабаненок, Артурчик, у нас теперь в двойной узде гарцует. Но все равно, надо Жоре сказать, чтобы сажал его на иглу по полной программе. Теперь бы еще с Умаром разобраться...

Речь Папы была прервана звонком местного телефона. Звонил охранник с проходной.

— Папа, к вам тут парень с девушкой пришли.

— Кто такие, чего хотят?

— Наши, ромалы. Говорят, за помощью.

Лицо Папы скривилось от недовольной гримасы.

— Опять эти цыгане, мать их.... - едва слышно пробормотал он и добавил уже громче и в трубку.

— Пропусти. Цыган цыгану всегда должен помогать.

Через несколько минут Яшка и Кармен предстали перед Папой. Кармен присела на край широкого дивана, а Яшка переминался с ноги на ногу возле жены.

— Простите, уважаемый, не знаем, как вас называть, — несмело начал он.

— А что тут знать? Зовите как все зовут. Папой меня народ кличет.

При этом он жадно пожирал глазами прекрасную Кармен. Наконец обратился к ней.

— Вот что, красавица, ступай в соседнюю комнату. Там моя жена скушает. Посиди с ней, поболтай, чаю попейте. Мы тебя потом позовем.

Кармен поднялась и вышла в указанную дверь. Тогда Папа обратился к Яшке.

— Теперь рассказывай.

Яшка, пугаясь и сбиваясь, начал свою историю. Папа внимательно слушал его, полуприкрыв глаза и время от времени сокрушенно покачивая головой. Наконец он произнес.

— Да, непростая ситуация. На брата самого барона руку поднять — это не по-цыгански. Но чисто по человечески я тебя понимаю. И постараюсь помочь. Мне нравятся крутые парни. Но чтобы пользоваться моей защитой, ты должен стать моим человеком. Моим со всеми своими потрохами. Таким вот как Ибрагим. Если я говорю, что надо кого-то убить, Ибрагим идет и убивает. Согласен ли ты стать моим орудием?

Яшка уже понял, что лезет в капкан, но другого выхода у него не было.

— Я согласен, — ответил он. — Прикажете — убью.

— Это хорошо, — Папа встал с кресла и прошелся по толстому и невероятно плотному исфаханскому ковру. — Как раз сегодня погиб мой лучший боец, Василий.

Тут он многозначительно переглянулся с Ибрагимом и продолжил.

— Василий не успел закончить одно очень важное для меня дело. Он должен был убить моего кровного врага, но не успел. Тот опередил его. Если ты выполнишь это задание, я возьму тебя под свое покровительство. Тогда ты сможешь плевать на своего барона.

Папа усмехнулся и в его глазах засверкали злобные огоньки. Его злорадство было прервано звонком городского телефона. Ибрагим снял трубку и его лицо вытянулось от удивления.

— Папа, это Умар, — шепотом сообщил он.

Папа, скрывая изумление, взял у него трубку.

— Слушаю, — сказал он.

Тем временем Ибрагим быстро вышел из комнаты. Керимбаев-младший был взволнован, точнее испуган. Говорил он сбивчиво и торопливо.

— Папа? Это Умар Керимбаев. Я хочу предложить вам взаимовыгодный договор.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — осторожно возразил старый убийца. — Но все равно готов внимательно тебя выслушать. Говори.

— Я хочу жить!

— Ну и живи на здоровье, — ухмыльнулся Папа. — Я-то здесь причем? Если ты болен, обратись к доктору.

— Я не болен, я ранен, — с нажимом проговорил Керимбаев. — Я упал на лестнице и ударился головой. Но я готов обо всем забыть, если меня оставят в покое.

Папа помолчал немного, делая вид, что размышляет. Наконец он произнес.

— Поверь, Умар, лично я против тебя ничего не имею. Я готов рассмотреть твоё предложение. То есть я даю тебе слово, что если узнаю, что-то о грозящей тебе опасности, то приложу все силы, чтобы ее предотвратить. Ты можешь быть спокоен, твоей жизни больше ничто не угрожает. Разумеется, если ты будешь вести себя правильно. Не пить, не курить, не болтать лишнего. Ты меня понял, сынок?

— Да, я вас понял.

— Кроме того, — продолжал Папа, — я слышал о твоей беде и готов помочь тебе материально. Ты все еще меня понимаешь?

— Да, понимаю.

— Тогда я полагаю, у нас не будет проблем, — сказал Папа и положил трубку.

В дверях комнаты появился Ибрагим.

— Успели засесть, откуда звонил этот сученок? — спросил Папа.

Ибрагим молча кивнул.

— Кто поедет? — спросил он. — Жора с Артуром уже свободны.

— Не надо, — возразил Папа. — Возьмешь Яшу. Пусть покажет, на что он способен.

Он повернулся к Яшке и тихо сказал.

— Это и есть тот случай, про который я тебе говорил. Убьешь моего врага, станешь вторым после Ибрагима человеком в моем окружении. Нет — иди на все четыре стороны. Так ты готов?

— Готов!

Яшка поднялся. У него было ощущение, что он ныряет в прорубь темной ночью. Он вспомнил мудрые слова Будулая и окончательно признался себе, что их с Кармен отсюда уже никогда не отпустят. Но иного выхода по-прежнему не видел.

* * *

Новое место встречи Олег назначил другу в шашлычной возле центрального рынка. Крюков ожидал попасть в обычную тошнилловку, но был приятно удивлен изысканностью и чистотой интерьера.

Метрдотель внешне напоминал вышибалу и, судя по всему, объединял обе должности. Он, как и администратор "Центрального" ресторана до него, окинул Крюкова придирчивым взглядом и тоже остался недоволен.

— Не возражаешь, если я тебя слегка обшмонаю? — лениво спросил он.

— А как же Женевская конвенция о правах человека? — удивился Крюков. — Или в вашей дыре про такую не слышали? А впрочем валяй, я оружия не ношу.

Совместитель лениво обхлопал его карманы, провел рукой по поясу и, наклонившись, проверил голени.

— Извини, братан, вынужденная необходимость. Проходи, присаживайся где больше нравится. Сейчас обслужат.

Крюков по ввевшейся привычке уселся в углу. Так, чтобы иметь максимальный обзор. Он заказал бутылку водки, пару шашлыков для Олега, салат, мясное ассорти и приготовился ждать. Но обстоятельства снова изменились.

В шашлычную ввалились четверо весьма подозрительных типов. Длинные, явно не по сезону, кожаные куртки, нервные взгляды исподлобья определенно не внушали доверия.

— Эй, на воротах! — негромко позвал Крюков качка-метрдотеля. — А этих пошмонать не собираешься? Впрочем, боюсь, уже поздно.

Четверка искателей приключений успела рассредоточиться по залу. Один остался топтаться возле входных дверей, другой остановился посреди зала, а двое остальных направились к двери во внутренние помещения.

Качок-совместитель рванулся к ним.

— Туда нельзя!

И тут же получил по голове наполненным песком обрезком шланга. От удара силач растянулся на полу.

"Как минимум нокаут, а возможно и сотрясение мозга", — определил Крюков.

Сунувшийся было с улицы вышибала-швейцар получил такой же удар от налетчика, караулившего на входе. Сутулый бандит с перебитым носом, занявший центральную позицию, достал обрез двустволки и объявил.

— Никому не рыпаться, это ограбление. Кто дернется, получит пу...

Он не успел договорить. Метко пущенная Крюковым тарелка ударила его в сломанную переносицу. Падая, тот обрушился на соседний столик, сметая с него на пол всю посуду.

Крюков одним прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от двоих налетчиков. Он легко отбил летящий ему в голову шланг с песком и с хрустом впечатал каблук остроносого сапога в нижнюю челюсть первого противника.

Следующим ударом он окончательно свалил его и обернулся ко второму бойцу. Тот сам бросился вперед, размахивая страшным на вид ножом, с клинком, украшенным по обуху пилообразными зубьями. Крюков одним сметающим блоком ноги отвел жуткий прибор в сторону, и тут же, ребром той же стопы, сплющил кадык бандита. Тот громко икнул и схватился за горло обеими руками. Его мясорез со звоном покатился по полу. Крюков отфутболил его в дверь кухни и занялся последним грабителем.

Тот успел подхватить с пола обрез, оброненный его сутулым напарником. Крюков понял, что шутки кончились. Пришлось бросать в противника стол со всей посудой. Расчет оказался верным. Ошалевший бандит шарахнул в летящий на него массивный предмет из обоих стволов сразу. В стол он попал, но это его, конечно, не спасло.

Так он и остался лежать, придавленный тяжелой столешницей, подобно русским князьям, плененным монголами в битве при Калке. Крюков довершил сходство тем, что попрыгал сверху на опрокинутом столе. Он с нескрываемым удовлетворением прислушался к хрусту мелких костей и воплям, которые издавал несчастный.

Закончив, он помог метрдотелю подняться, потом проделал то же самое с незадачливым швейцаром.

— Выручил, братан, без базара. Чем могу помочь? — спросил метрдотель, держась за голову.

— Не говори ментам, что я тут был, — попросил Крюков и двинулся к выходу.

— Какой базар? Ты заходи попозже, за нами поляна.

В дверях Крюков чуть не столкнулся с Ротным. Олег широко улыбнулся и с удивлением спросил.

— Ты куда? А пожрать и выпить?

— Здесь уже не получится, — смущенно объяснил Крюков. — Сейчас сюда местные менты подгребут. А у меня с ними напряг. Особенно с одним симпатичным сержантом. Очень не хочется его бить, а все время приходится.

— Тогда едем ко мне. Я тачку на стоянке поставил возле рынка, — Олег потащил Крюкова прямо через торговые ряды.

Рынок шумел. Торговцы предлагали наперебой.

— Зелень! Кому зелень?!

— Может возьмем по пучку кинзы с укропом? — предложил другу Крюков.

— Ты что, — рассмеялся Олег. — Это же доллары обменять предлагают.

Рынок был большим и шумным. Торговали здесь всем — от аппаратуры до картошки. Крюков заинтересовался стоящими в ряд бабками. Было их десятка

два и у каждой через руку были переброшены джинсы. Самым интересным было то, что джинсы выглядели старыми. При близком рассмотрении так и оказалось.

— Это что за странная барахолка? — удивился Крюков. — Твенти-секонд хенд? Одежда из двадцать вторых рук?

Ротный мельком глянул на старух с тряпьем.

— Это просто камуфляж. Условный сигнал. Эти бабки эфедрон толкают. Мульку по-нашему. Суперстимулятор на основе эфедрина. Жуткая отравка. У моей бухгалтерши сын-студент. Нужно было срочно курсовую закончить, так ему кто-то и посоветовал попробовать. И что бы ты думал? Парень двое суток не ел, не спал, только чертежи чертил. И все сдал на отлично. Понравилось. А через полгода — полный дебил, плюс почки и сердце отказали. Мать к наркологу обратилась, а он ей посоветовал родить другого ребенка.

— И что твоя бухгалтерша?

— Газом отравилась. Вот так.

Крюков покачал головой.

— И какой же дрянью в вашей дыре колются! Москва давно на героине сидит.

— У наших нариков на "геру" денег не хватает, — согласился Олег. — Они "черняшку" варят. Ширкой называется. Нигде в мире больше вареным опиумом не колются. Только у нас, в российской глубинке.

Ротный говорил все это слишком взволнованно, Крюков подозрительно прищурился.

— А тебя-то это каким краем касается?

— Да Юлька с наркошей связалась, — расстроено махнул рукой Олег. — сосед наш бывший, она с ним дружит с самого детства. Их два брата Морозовых. Этот младший, его Морозенком зовут. А старшего Отморозом дразнят. Он и в самом деле полный отморозок. Знаешь, из тех, что колет поперек пуза "Нет в жизни щастя" и идет с обрезом грабить ближайший магазин или кабак. Придурак по жизни. И на вид такой же — сутулый, нескладный, а нос набок свернут.

Крюков это описание показалось подозрительно знакомым.

— А это не его ли я сейчас в шашлычной по этому самому носу тарелкой приложил? Он у него теперь вообще к щеке прилипнет.

Ротный с усмешкой покачал головой.

— Ты, гляжу, даром времени не терял. Не успел приехать, как уже и с ментами, и с гопниками поручкался.

— И сынка вашего мэра немного по кустам погонял.

— Да, орел. Ничего не скажешь, — развел руками Олег. — Только я тебя не за этим пригласил, а для культурного отдыха. Хватит войны, сегодня же едем в охотничий домик. Свежий воздух, баня, рыбалка, грибы. Захочешь, на охоту сходим.

— А как же Юлька? — напомнил Крюков.

— Не маленькая, пятнадцать лет уже, — возразил Олег. — Захочет повидаваться, так прикатит. Пусть со своим наркоманом лучше разберется.

Они наконец добрались до стоянки, где их ждали "рябуха" Крюкова и "БМВ" Олега.

— Я впереди, ты за мной, — распорядился ротный.

Спустя полчаса они смогли наконец выпить по первой рюмке за встречу. Юлька так и не появилась.

* * *

Яшка судорожно сжимал слишком маленькую для его пятерни рукоять пистолета "ТТ". Он уже знал о смерти Будулая, снова и снова вспоминал слова старого цыгана. Вот и попали они с Кармен из огня да в полымя. Теперь оставалось только подчиняться приказам Папы.

Яшка прекрасно понимал, что малейший намек на неповиновение окажется для него смертельным. А для Кармен? Может случиться и так, что посягательства Степана покажутся детскими шалостями по сравнению с новыми проблемами. Поэтому Яшка твердо знал, что должен выполнить приказ Папы и убить человека, который не сделал ему ничего плохого.

Ибрагим привез Яшку к старому пятиэтажному дому. Именно здесь по данным папиной разведки и прятался сейчас недобитый враг Умар Керимбаев. Оставлять его в живых Папа не собирался по двум причинам. Во первых боялся его мести, ибо как только Умар наберет силу, то тут же постарается убить Папу. А во-вторых, пока Умар был жив, Папа не мог наложить свою лапу на Восточный коридор поставки наркотиков.

Ибрагим высадил Яшку возле небольшого скверика, за которым располагалась платная стоянка автомобилей. Именно оттуда должен был появиться Умар. Тот подъехал минут через двадцать на старом "мерсе" с квадратными фарами. Ибрагим, который сидел в белых "жигулях", моргнув дальним светом, удостоверил личность злополучного жениха и отъехал к соседнему дому, что означало сигнал к началу действий.

Яшка напрягся. Сейчас ему нужно было незаметно передернуть затвор, чтобы дослать патрон в патронник и одновременно взвести курок, поскольку конструкция "ТТ" не предусматривала ни самовзвода, ни предохранителя. Он зашел в кусты, отвернулся к большому дереву и сделал вид, что копается в ширинке. За спиной он услышал шаги.

Яшка замер. Шаги приблизились.

— Ишь, зассали все, проходу от вас, алкашей, нет! — услышал он возмущенный старушечий голос, сопровождаемый стеклянным позвякиванием и догадался, что на него наткнулась сборщица бутылок.

Когда ворчание и шаги удалились, он быстро облачился в матерчатые перчатки, потом достал из кармана пистолет и тщательно протер рукоятку и те детали, к которым мог прикасаться. Затем передернул затвор, сунул оружие обратно в карман куртки и вышел из-за кустов.

Яшка появился вовремя. Он посмотрел в сторону "мерседеса". Из машины вылез человек азиатской внешности с забинтованной головой, пискнул сигнализацией и быстрым шагом направился через сквер к крайнему подъезду.

Яшка догнал его на безлюдной дорожке.

— Эй, Умар! — негромко окликнул он. — Привет от Папы!

Забинтованный вздрогнул и обернулся. Такого страха в глазах человека Яшке еще не приходилось видеть. Ужас и мольба одновременно смешались в глазах жертвы. Яшка замер как парализованный. Это едва не погубило все дело. Он чувствовал, что должен стрелять, но не мог и пальцем шевельнуть. Но

и объект его покушения тоже замер словно в оцепенении.

Так продолжалось в течение нескольких секунд. Наконец Яшке удалось справиться с собой. Как во сне он поднял пистолет. Казалось, это длилось целую вечность. Он нажал на спусковой крючок, когда ствол оружия еще смотрел в землю. Первая пуля ушла в щебень дорожки. Яшка как заведенный нажимал и нажимал на спусковой крючок, сбивая выстрелами камешки и ветки кустов. Вероятно он так и не попал бы в свою живую цель, но Умар тоже вышел наконец из оцепенения и рванулся бежать. Споткнувшись, он упал и угодил под очередной выстрел.

Последнюю пулю Яшка всадил уже в мертвое тело. Он швырнул разряженный пистолет в густую траву, повернулся и бросился бежать. С перепугу он потерял ориентацию и устремился в сторону, прямо противоположную тому месту, где его ждал Ибрагим с машиной. Поэтому Яшке пришлось добираться до особняка Папры своим ходом. Там его уже ждали с большим нетерпением.

Яшка не знал, что своей ошибкой спас себе жизнь, так как Ибрагим получил от Папы точные инструкции. Тело убийцы Умара Керимбаева должны были найти неподалеку от его жертвы. По сценарию во время бегства Яшка должен был неловко упасть и свернуть себе шею.

— Ладно, — сказал Папа Ибрагиму, когда Яшка добрался до его дома. — Раз так карта легла, пусть пока поживет.

* * *

В охотничий домик Крюков и Олег поехали на двух машинах, так как Олегу нужно было наутро вернуться в город для заключения договора. Крюкову же машина также могла понадобиться в любой момент.

Они с полчаса двигались по шоссе, затем свернули на грунтовку, которая, в свою очередь, скоро перешла в разъезженный проселок. Дальше дорога пошла лесом. Здесь скорость пришлось сбросить до минимума. Вскоре они выбрались на берег небольшой реки, чуть дальше впадавшей в озеро довольно приличных размеров. Дорога упиралась в крепкие ворота. За высоким забором лаяли собаки и возвышалось двухэтажное бревенчатое строение.

— Ну вот и добрались, — сообщил Олег, вылезая из машины.

Пока комендант базы отдыха — он же сторож, банщик и прочая, и прочая — растапливал баню и разжигал березовые угли в шашлычном мангале, Олег повел гостя искупаться в удивительно теплой для конца лета воде.

Окунувшись и поплавав, оба выбрались из лесной тени на освещенное солнцем место. Крюков оглядел из-под руки заозерные дали и тихо застонал.

— Ты чего воешь? — поинтересовался Олег.

— Ты только посмотри, лепота-то какая! — восхищенно вздохнул Крюков. — Вот она, настоящая посконная Русь!

Ротный усмехнулся.

— Может исконная? Все равно ты лишку хватил, это я тебе как бывший учитель истории говорю. Здесь, за Волгой, Руси не было. Россия — да, была. А Русь на Оке кончалась. Но и у нас места знаменитые. Тут ведь когда-то монголо-татарское иго сбросили.

— Разве? — удивился Крюков. — Его же то ли в Куликовской битве, то ли где-то на Угре скинули.

— Ерунда это все, — авторитетно заявил ротный. — На Куликовом поле до сих пор никаких материальных следов — костей там или оружия — так и не нашли. А здесь копни поглубже — череп найдешь, наконечник стрелы или обломок сабли. К тому же через два года после Куликовской битвы хан Золотой Орды, Тохтамыш, Москву сжег, а на Дмитрия Донского снова дань наложил. А через сто лет все монголо-татарское иго само вдруг взяло и рухнуло. С чего бы это?

— Сложный вопрос, — признался Крюков. — Без бутылки здесь точно не разобраться. Так что тут за битва была?

— Про Тимура слышал? — спросил ротный.

— И про Тимура, и про его команду, — заверил Крюков.

- Так вот, этот Тимур здесь того самого Тохтамыша разбил, а потом и Золотую Орду с асфальтом сравнял. После этого она ослабла и распалась помаленьку. Ну, пошли, что ли? О чем задумался?

Крюков посмотрел на бывшего командира глазами человека, только что открякшего для себя истину.

— Вот где настоящая жизнь, а не в этих бетонных протухших джунглях, — убежденно сообщил он. — Знаешь, надоела мне эта стрельба, драки, насилие всякое. Брошу-ка я все, на хрен, и подамся в фермеры. Буду сено косить, цветы нюхать. Что улыбаешься? Не веришь?

Ротный покачал головой.

— Нет, почему же, верю. Ты и не на такую глупость способен. А улыбаюсь потому, что вообразил тебя на секунду в роли мирного поселянина. Пейзанец, блин. Посмотрел бы ты на себя со стороны. Юлька говорит, что ты — вылитый Антонио Бандерас. Так вот, представь себе, стоит на холмике этакий типичный латинос, небритый знойный мачо в косоворотке. Глядит вдаль, обут в лапти, в руках вострая коса, а за плечами котомка с харчами, из которой торчит бутылка с молоком и перышки зеленого лука. Это ты и есть. Типичный российский крестьянин образца двадцать первого века. Кстати, сенокос уже закончился. Можешь заняться обмолотом зерновых. У меня где-то дома на антресоли старые нунчаки завалялись. Могу презентовать.

— Тьфу! — с негодованием плюнул Крюков. — Взял и все опошлил.

И они принялись одеваться.

После бани за рюмкой водки и шашлыком из молодого барашка Крюков расспросил наконец друга о его делах.

— Дела пока нормальные, — признался Олег. — Я тут с другом несколько заправок купил. Видел может? "ОИЛ-ПЕТРОЛ". Осин Илья и Петров Олег.

— Не только видел, но и заправился сегодня утром, — ответил Крюков. — Кстати, сынка вашего мэра я именно там и отоварил.

— Забудь об этом, ты приехал отдыхать, — напомнил ему Олег. — Еще пару ресторанов прикупил, шашлычную возле рынка.

— Там я тоже немножко наследил, — обрадовал его Крюков. — Но все так, по мелочи. — А ты знаешь, что в "Центральном" ваш местный авторитет — Папа, что ли — настоящую бойню устроил?

— Я в курсе, — нахмурился Олег. — Но это дело не мое. Наши менты с Папой крепко повязаны. А мэр всех покрывает. Я в их разборки не влезаю. И тебе не советую, себе дороже выйдет.

— А кто такой этот Папа? — спросил Крюков.

Олег скривился как от зубной боли.

— Редкостный козел. У него тут все схвачено. Банда у него сборная — цыгане, славяне, кавказцы. Сам — то ли еврей, то ли грузин. А, может, тоже из цыган.

— Он у них за барона, что ли?

— Вроде того, — согласился Олег. — Собирает отверженных отовсюду. Таких отморозков, которых свои же выгнали или кто сам из родного табора, с зоны или из армии сбежал. Они за него в огонь и воду. Помощник у него — Ибрагим — настоящий головорез. Говорят, в Чечне его сам Хаттаб зарезать обещал за беспредел и жестокость, так он к Папе подался, за палача у него работает.

— И где же они все обитают?

— На "Чертовом Таборе". Это поселок такой на горе за городом. Его здесь в войну наши немцы заключенные построили, потом сами же здесь и жить остались. Там на горке немецкая кирха раньше стояла, а сама гора "Фавор" называлась. На немецкий лад она как "Табор" звучит. Папа на том Таборе и окпался. Из немцев, кто там жил, все в Германию уехали от такого соседства, а кто остался, тех просто убили. С тех пор это место "Чертовым Табором" и кличут.

Олег пожевал кусок шашлыка и постарался сменить тему разговора.

— Если хочешь, могу тебя на медведя сводить. Я тут неподалеку полянку держу, овсом засеянную. Только ты не храпишь? А то в прошлом году меня наш мэр, Горкин, с этой медвежьей охотой совсем достал. Пришлось его взять. Сели мы с вечера в засидке, ждем, когда медведь появится. Пока ждали, Горкин заснул как Брежнев на политбюро. Причем сначала только храпел, а потом еще и пердеть начал на весь лес.

— И что же, медведь так и не пришел? — рассмеялся Крюков.

— Почему? Приходил. Мы, когда утром из засидки спустились, под деревьями огромную кучу медвежьего дерьма нашли. А ты ружьишко-то не прихватил с собой?

— Нет, только удочку, — ответил Крюков. — Стрельбы у меня и в рабочее время хватает.

— А у меня целый арсенал, — похвастался Олег. — Если что, поделюсь.

Он посмотрел на часы, достал мобильник и поцелкал кнопками. Послушал.

— Странно, Юлька до сих пор так и не позвонила. И ее телефон отключен. Может карточка кончилась?

Кругом царила первобытная тишина и умиротворение. Но странное тягостное ощущение не отпускало Крюков. Он знал это ощущение. Обычно оно предвещало беду.

* * *

* * *

Звонок на двери Скутера на сей раз не работал и Юлька громко постучала в обожженную окурками и покрытую непристойными надписями дверь. Потом еще раз. Наконец после долгой паузы из-за двери послышались шаркающие

старческие шаги. Это был хозяин притона.

— А где Игорь? — спросила Юлька.

— Там, в комнате, — Скутер, вяло переставляя ноги заковылял по темному коридору.

— Накатились уже? — с подозрением спросила Юлька.

— Да где там, — махнул рукой Скутер. Как вчера продуплились, так ни в одном глазу, скоро кумарить начнет.

— А чем воняет?

— Это мы косячок дури забили. Хочешь курнуть?

— Обойдусь, — отрезала Юлька и вошла в комнату.

Игорь поднял на нее пустые выцветшие глаза. Узнал не сразу.

— А, это ты? Представляешь, купил у цыган дури. Божились, что "чуйка". А оказалось — беспонтовка голимая, бурьян...

Юлька поняла, что это сейчас для Морозенка является главным в жизни.

— Принесла? — спросил он.

— Да, держи, — она протянула ему две упаковки оранжевых таблеток.

Морозенок схватил их, поднес к глазам и долго читал, шевеля губами.

— "Тарен", — наконец облегченно произнес он. — Порядок. Знаешь, от чего эти пилюльки? От радиации. Имей в виду, я только ради тебя "на аптеку" сажусь. Чтобы с иглы спрыгнуть. Сразу ведь в полную завязку идти нельзя. Крышу сорвать может.

Морозенок говорил убедительно, наверно при этом даже сам себе верил. Но Юлька знала, что он врет. Пока он морочил ей голову проектами о том как перейдет на более легкие наркотики, а потом и совсем спрыгнет с них, Скутер высыпал в ложку маленький пакетик белого порошка, плюнул и принялся греть раствор на огне зажигалки. Его руки, сплошь покрытые "дорогами" от множества уколов, тряслись как с похмелья. Наконец он не выдержал и позвал.

— Эй, Мороз, подсоби, а то просыплю. Кумарит меня, сил нет. Давай сам.

Юлька повернулась и пошла к двери.

— Постой! — позвал ее Морозенок.

— Чего тебе еще надо? — не скрывая раздражения спросила она.

Он смотрел на нее умоляюще.

— Понимаешь, под колесами тяга каждый раз другая бывает. Стремно это, загнуться можно. Кто-то один всегда должен сухим оставаться. Подежуришь?

Юлька в ярости швырнула в угол свою сумку и опустилась на табурет. Она дала себе слово, что в жизни больше не переступит порога скутеровой кайф-хаты.

Она видела как сначала Морозенок, а потом и Скутер укололись из одного шприца, потом приняли по десятку оранжевых таблеток каждый. Но этим дело не кончилось. Скутер вытащил из-под матраса неполную бутылку водки и они оба приняли по стакану.

— Теперь порядок, — прохрипел Скутер. — Тяги суток на трое должно хватить.

"Караулить их трое суток? Не дождутся! — твердо решила Юлька. — Часок посижу и уйду".

Она не заметила как задремала и проснулась оттого, что потеряла равновесие и чуть не упала с табуретки. Прошло гораздо больше часа. За окном начи-

нало темнеть. Юлька встала и уже собралась уйти, как вдруг заметила странность в облике Скутера. Глаза его были открыты, причем неподвижно смотрели в разные стороны.

Юлька подскочила к нему, пощупала пульс на шее. Никаких следов. И кожа холодная. Она принялась расталкивать Морозенка. Но тот только пускал слюни и идиотски улыбался.

Юлька раскрыла сумку и лихорадочно выхватила из нее коробочку мобильного. Только тут она вспомнила, что у нее кончилась карточка. Она бросилась к дверям, чтобы позвонить от соседей. На лестничной площадке неожиданно путь ей преградили две разряженные в пестрые одежды цыганки.

— Эй, молодая-красивая! Скутер здесь живет? Позови! Скажи, что Маруся с Настей пришли, крутой цыганский маляс ему подогнали.

— Загибается ваш Скутер, надо "скорую вызвать"! — раздраженно бросила Юлька и хотела пробежать мимо, но одна из цыганок крепко ухватила ее за плечо. Юлька рванулась, но цыганка держала ее крепко.

— Куда торопишься, дочка? Не спеши! Беда на тебе! Постой пять минут, не пожалеешь. А уйдешь — молодая и красивая, удачу и здоровье потеряешь. Вот, погляди сюда!

В руке цыганки на тонкой цепочке закачался блестящий шарик. Юлька взглянула на шарик лишь мельком и вдруг почувствовала, что и в самом деле никуда не хочет спешить. Через секунду на нее навалилась страшная сонливость. Как сквозь толстый слой ваты откуда-то издалека до нее доносились слова цыганки.

— Есть у тебя друг. Ты ему веришь, а он твой враг, злое дело задумал. Подожди, я тебе расскажу как беду отвести, век благодарна будешь. Всю правду скажу.

Цыганка вложила в слабые пальцы Юльки иголку.

— Держи крепко, заговоренная она. Смотри внимательно: если потемнеет, значит порча на тебе!

Юлька уставилась на иголку и вдруг отчетливо увидела как та темнеет прямо на глазах.

Тем временем вторая цыганка забежала в квартиру и уже выскочила обратно.

— Верь Марусе, — затараторила она. — Маруся тебе всю правду скажет, она сильная!

Тем временем Маруся достала откуда-то из складок юбки маленькие ножницы и срезала с головы Юльки три волоска.

— Давай денежку, — потребовала она. — Волосы завернуть надо, чтобы порчу снять. Смотри в зеркальце, пока в нем твой враг не появится.

Юлька механически открыла сумку и достала оттуда кошелек.

— Мало денег, давай все, что есть! — настаивала Маруся. — Не хочешь беды избежать? Почему не все деньги отдала?

— Нету денег, позолоти ручку! — поддержала ее подруга. — А вот колечко с камушком. Ну-ка дай поглядеть. Настоящее?

Не понимая, что делает, Юлька сняла с пальца кольцо с небольшим бриллиантом и протянула цыганке.

Какое-то время она еще находилась в ступоре. Когда же пришла в себя, ока-

залось, что цыганки давно исчезли.

Юлька ощупала свою голову, не соображая, что с ней происходит. Память постепенно возвращалась, наполняя ее сознание ужасом.

Деньги! Она же своими руками выгребла деньги чуть ли не до копейки и отдала мошенникам. А кольцо? Память об умершей год назад матери! Юлька покачнулась, но тут же взяла себя в руки. Догнать!

Про бедного Скутера она в этот момент даже не вспомнила.

Цыганок она увидела как только выбежала из подъезда. Они как раз сворачивали за угол дома. Но когда она догнала их, то в ответ услышала брань.

— Эй, ты кто такая? Иди своей дорогой! Какое кольцо, какие деньги? Первый раз тебя видим!

— Да подавитесь вы деньгами, кольцо отдайте! Это память мамина!

— Отстань, хулиганка! — толстая цыганка так толкнула ее, что Юлька отлетела на несколько шагов и плюхнулась на спину. Когда она вскочила на ноги, обе воровки уже садились в такси. Прежде чем Юлька успела подскочить к ним, машина рванула, окатив растерявшуюся девчонку вонючим облаком.

— Безобразие! — возмущенно воскликнула проходившая мимо женщина. — Куда милиция смотрит?

— Давно бы их поганое гнездо каленым железом выжечь надо! — поддержал ее серьезного вида старичок.

— А вы их знаете? — бросилась к нему Юлька. — Откуда они?

— Откуда же им быть? Ясное дело — с "Чертова Табора", — пожал плечами старичок.

* * *

В кабинете мэра города Вяземска господина Горкина собрались хозяева города. Правда, ни начальника городской милиции полковника Афиногенова, ни местного криминального авторитета Папу, ни самого мэра Горкина в городе не уважали, но боялись. А это почти одно и то же.

Сейчас господин мэр с тоской разглядывал карту вверенной ему территории. Маловат городишко. Скорее напоминает село-переросток. Или поселок городского типа, как это раньше называлось.

Сидевший напротив Папа, казалось, прочитал его мысли.

— Что грустишь, козел безрогий? На твоём месте радоваться надо. Кто ты есть по существу? Глава поселковой администрации. А тебя мэром называют! И благодаря кому? Да благодаря мне, моим связям, моим деньгам наконец! И мне всегда казалось, что я могу рассчитывать на некоторую благодарность. А что на самом деле? Травля, вот как это называется!

— Перестань! — оборвал его гневную речь Горкин. — Ты среди бела дня, прямо в центре города устроил кровавое побоище. Любого другого за такие штучки законопатили бы в тюрьму вместе с помощниками. А ты проходишь свидетелем. И все твои безмозглые обормоты тоже.

— А на меня, между прочим, прокуратура давит, — напомнил о своем существовании молчавший до этого полковник милиции Афиногенов.

— Среди моих безмозглых обормотов находится и твой сынок, — напомнил мэру Папа.

— Об этом я тоже хотел с тобой поговорить, — нахмурился мэр Горкин. —

За Артура ты мне отвечаешь головой и мне не нравится, что ты даешь ему... мм... сомнительные поручения.

"Знал бы ты, что твой сынок у меня палачом подрабатывает, да еще перед телекамерой", — подумал Папа и с трудом удержался от усмешки.

— А сегодня его избил на заправке какой-то заезжий бандит! — возмущенно продолжал мэр. — Полковнику Афиногенову я уже дал поручение разобраться. Ты же провентилируй это безобразие по своим каналам.

— Провентилируем, — согласно кивнул Папа.

— У меня еще проблемы, — снова влез со своими проблемами полковник. — В городе объявился какой-то тип из министерства. Вдруг комплексная проверка? А тут эта бойня в "Центральном". Да еще Будулая какие-то отморозки замочили.

— Да мне Будулай был как отец родной! — начал было Папа.

Мэр предостерегающе поднял руку.

— Давайте вернемся к главному. У меня перевыборы на носу. Нужны деньги.

Он внимательно посмотрел на Папу. Тот возмущенно округлил глаза.

— Опять грабишь? Ты меня по миру хочешь пустить?

— А ты хочешь, чтобы движение ветеранов Петрова в мэры пропихнуло? — злобно зашипел в ответ Горкин. — Да тебя через неделю после этого линчуют, а "Табор" твой спалят дотла.

Папа усмехнулся.

— А кроме Петрова других кандидатов разве нет?

— Другие так, мелочь, — брезгливо сморщил губу Горкин. — А Петрова я всерьез опасаясь.

— Петров в мэры, не потянет, — подобострастно улыбнулся полковник Афиногенов. — Слабоват Петров.

* * *

— Слабоват ты, ротный Петров, — констатировал Крюков. — Слишком железками увлекаешься.

Он обвел взглядом тренажерный зал с выставленными вдоль стен штангами и штабелями гантелей.

— Я слабоват? — возмутился Олег. — Может проверим?

— Давай разомнемся, — согласился Крюков. Я уже три дня не тренировался, это никуда не годится. Сам знаешь — неделя без тренировки — потеря формы. За две теряешь уже капитально, а месяц не позанимаешься — начинай все по новой. У тебя есть во что переодеться?

— Найдем, — заверил его Олег.

Они облачились в новенькие спортивные костюмы. Для начала решили побегать. Крюков отобрал среди спортивного инвентаря два рюкзака покрепче и загрузил в каждый по паре десятикилограммовых блинов от штанги. С таким грузом за плечами они бегали по берегу пруда около часа, меняя темп от равномерного до резких спуртов.

— Еще разок освежимся? — предложил Олег. — Вон до того мыска как раз полста метров, я вымерял. Плыдем под водой. Я плыву, ты проверяешь. Потом наоборот.

— Согласен.

Оба по очереди одним махом пронырнули под водой пятидесятиметровый отрезок.

Затем они пробежались по площадке для отдыха, перепрыгивая высокие спинки скамеек. После этого перешли к отжиманиям. И тут Олег уступил. Он отжался всего сто двадцать семь раз, тогда как Крюков догнал до ста пятидесяти и бросил, хотя мог продолжать еще.

— А ты еще ничего, — бросил он Ротному, прыжком принимая вертикальное положение. — Для твоих лет и комплекции вполне терпимо. Во всяком случае надежда не потеряна.

— Да я и сам не ожидал от себя такой прыти, — признался Олег.

— Как насчет спарринга? — предложил Крюков. — Поддеремся немножко?

Ротный нахмурился.

— Нельзя мне со своими драться, даже в шутку. Крышу перекалинивает, совсем зверею. Последствия той контузии. Ладно, пошли до куреня, смоем пот и за стол. Шашлык доедать надо. Холодный — совсем не то.

И, заглянув в душ, оба направились к столу.

* * *

Юлька ловила машину уже полчаса. Ехать на "Чертов Табор" водители не соглашались ни за какие деньги. А узнав, что денег-то у клиентки и нет, отказывались и подавно. Правда, один решил было, что Юлька предлагает расплатиться натурой и согласился справиться с ней "малую нужду", имея в виду минет. Но тут уж она сама, поняв, что он имеет в виду, решительно отказалась ехать.

Она уже отчаялась, когда рядом мягко затормозил серебристый джип "че-роки". За приспущенным стеклом виднелась толстая физиономия.

— Тебе куда? — спросил толстяк.

— На "Чертов Табор". Только у меня сейчас денег нет. Но я могу мобильник в залог оставить, — предложила Юлька.

— Садись, — скомандовал толстяк.

Когда Юлька забралась на заднее сиденье машины, оказалось, что там уже сидит парень цыганского вида.

— Жорик, подвинься, — полуобернувшись, распорядился толстяк. — У нас гостья.

Цыганистый Жорик повел себя настоящим джентльменом. Он очень подробно принялся расспрашивать Юльку, что она забыла в логове Папы. Она очень подробно рассказала ему свою историю, начиная с последнего визита к Скутеру и встречи с цыганками.

Жорик и толстый водитель, которого товарищ называл Артуром, очень внимательно выслушали Юлькину историю, потом многозначительно переглянулись. Машина вдруг свернула с шоссе на боковую дорогу и затряслась на ухабах.

— Куда это мы свернули? — удивилась Юлька.

— Так ближе, — отрезал толстый Артур.

Он проехал еще немного и затормозил.

— Все, — сказал он. — Приехали. Чуть не опоздали.

— Куда? — не поняла Юлька.

— На еблю. Куда же еще? Выгружайся.

Жорик толкнул Юльку и она вывалилась в раскрытую толстяком дверь. Жорик тем временем выволок из багажника большое грубое одеяло и швырнул его прямо на траву.

— Сексодром готов, — доложил он. — Падай, кукла!

Юлька пнула его ногой и бросилась бежать в сторону дороги. Но толстяк упал ей под ноги и сбил на землю.

— Куда, сучка? А ну быстро в койку!

Юлька вывернулась и попыталась его оттолкнуть, но безуспешно.

— Козлы! Я отцу скажу, он вас убьет! — в ярости рычала она.

— Ха! Это даже интересно, — расхохотался толстый Артур. — А в ментовку заявить не хочешь? А то попробуй. Ну-ка, Жорик, придержи эту кошку! Ноги! Ноги ей раздвинь!

Юлька ударила наклонившегося Жорика пяткой в лоб, а зубами вцепилась в руку толстяку. В тот же момент она получила сильнейший удар по голове и отключилась.

В течение следующего часа она несколько раз приходила в себя и снова теряла сознание. Она ощущала себя сломанной куклой с вывернутыми ногами, которую вертят и так, и этак. Сначала в низу живота она почувствовала взрыв, который перерос затем в огнедышащий пожар. Где-то рядом с ее лицом сопели и пускали слюни омерзительные хари, от которых остро несло едким потом. Она почувствовала, что снова теряет сознание и на этот раз окончательно.

Юлька очнулась от ночного холода. Было темно и сыро. Она постепенно приходила в себя. Вокруг шумели деревья. Где-то вдалеке прошумела машина. Юлька поняла, что ее изнасиловали и вышвырнули в канаву. Она почувствовала себя покрытой грязью, как снаружи, так и изнутри. Жить не хотелось и она твердо решила, что после такого унижения жить не будет.

* * *

После шашлыка Олег торопливо засобиравшись в дорогу.

— У меня сегодня еще в городе дела, — пояснил он.

— За Юльку беспокоишься? — прямо спросил Крюков.

— Да, но не только, — неохотно признался Олег. — Есть и другие дела.

Крюков пожал плечами.

— Я к тому, что мог бы с тобой прокатиться. Может помощь понадобится?

— Нет, не нужно. Оставайся здесь, отдыхай. Утром я вернусь.

И Олег направился к своей машине. Крюков долго смотрел ему вслед, пока не улеглась поднятая "БМВухой" дорожная пыль. Олег гнал машину, словно опаздывал куда-то.

Неожиданно на подъезде к городу он притормозил, а потом и вовсе остановился. Вдоль дороги брела Юлька. Одежда ее была грязная и местами разорвана. Олег посигналил. Она вздрогнула и обернулась.

Он увидел, что глаза у нее ненормальные. Было удивительно, что в таком состоянии ее не прихватили менты или лихие попутчики и не сбило проходящей машиной.

Узнав машину отца, Юлька бросилась к ней, распахнула заднюю дверь, упала на сиденье и зарыдала. Ревела она минут пятнадцать. Олег не мешал ей, сидел и молча курил. Он понимал, что сейчас лучше не вмешиваться.

По виду дочери он догадался о том, что с ней произошло. Как человек действия, он не впал в отчаяние, только немного побледнел и стиснул зубы. План действий у него наметился сразу. Но и суетиться он не собирался, так как был профессионалом.

Дождавшись, пока рыдания Юльки перешли в тихие всхлипы, Олег наконец спросил.

— Ты цела?

Дочь тут же прекратила реветь и поджала губы.

— А что ты имеешь в виду?

— Ну, сама жива, руки-ноги целы?

— Сама-то жива. А вот... вот... Короче, меня изнасиловали, — с вызовом и обидой бросила она отцу и снова собралась разрыдаться.

Но Олег изобразил лицом небрежное недоумение и опередил ее излияние.

— А чего ты еще ждала от дружбы с наркоманом? Разве что только ребенка-идиота от него родить осталось или СПИД подхватить.

— Зачем ты так? — обиженно надулась Юлька.

— Чтобы тебя немного разозлить, — признался Олег. — И не реви. Сейчас в больницу поедем. По дороге все расскажешь.

— Я жить не хочу, — заявила Юлька.

— Не будь дурой, — ответил Олег. — Не с тобой одной такое случилось. В мире каждые тридцать секунд кого-то насилюют. Так что забудь об этом поскорее.

— Такое простить? Никогда! — вспыхнула Юлька.

Олег немного расслабился. Получалось, что ее мысли о самоубийстве не были настолько серьезны. Уже легче. С остальным он справится.

— Я сказал забыть, а не простить, — пояснил он. — Такое, ясный пень, не прощают. Но это уже не твоя забота.

Всю дорогу до больницы Олег внимательно слушал сбивчивый, но подробный рассказ дочери о ее злоключениях. Параллельно с этим он созвонился со знакомым врачом и договорился, что Юльку примут и устроят, не привлекая к этому особого внимания.

Высаживая дочку возле больницы, Олег на прощанье предупредил ее.

— Если врач тебя отпустит, а я к тому времени не объявлюсь, уходи на заимку к Максимычу. Там сейчас Крюков. Все ему расскажешь. Поняла? Тогда двигай. Вон докторша Светлана Павловна уже из дверей рукой машет, она тобой и займется.

Прощаясь, Юлька внимательно посмотрела на отца. Ей вдруг показалось, что она видит его в последний раз.

* * *

Оставшись в одиночестве, Крюков долго маялся от скуки. Максимыч дул пиво и смотрел какую-то белиберду по телевизору. Телевизора Крюков и дома никогда не смотрел, книг на заимке не было. Он прошелся по территории базы отдыха, потом кивнул Максимычу.

— Пойду прошвырнусь до деревни. Может с девчонками познакомлюсь. Или с мужиками подерусь.

Машину Крюков заводит поленился и прогулялся до деревни прохладной лесной дорогой. Через полчаса он остановился на опушке. До деревни оставалось метров сто пятьдесят — двести. Его внимание привлек одинокий дом, стоявший на отшибе. Приличный домик, невысокий, в два этажа, за высоким забором.

Таким забором отгораживаются от жизни с ее грязью, завистью и ненавистью прекрасные люди. Они сидят себе в беседке, пьют чай из самовара, может быть, стихи читают. Цветы нюхают. Что им там еще делать? Не стрелять же друг в друга.

— За забором прогремел выстрел, потом еще один. Выстрелы сменились женским криком, но и он скоро затих. И домик снова погрузился в уютную тишину.

Крюков не то, чтобы бросился бегом, просто ускорил шаг. Куда торопиться? У него даже оружия с собой никакого не было. А зачем тогда пошел? Ну так, посмотреть. Может поддержать что-то надо или скорую вызвать. Глупое любопытство, одним словом.

У ворот дома стояла забрызганная грязью длинная пятидверная "нива". В машине никого не было. Крюков заглянул в салон. Ключи от машины торчали в замке зажигания. Вот люди, не боятся, что украдут! Специфика сельской местности. Так и не сумели большевики стереть границу между городом и их деревней. А Крюков стер одним движением, опустив ключи от "нивы" себе в карман. Знай, деревенщина, наших, городских.

Из дома послышался шум, слышались громкие требовательные голоса. Там определенно кого-то о чем-то спрашивали. Может быть о том, как проехать в библиотеку?

Заинтригованный Крюков вошел в калитку и чуть не споткнулся о труп большой собаки. Почему это некоторые так животных не любят?

Отсюда голоса слышались четче.

— Бабки давай! Куда бабло заныкали? — гремел суровый бас.

— Слышь, Циклоп, давай их децал поджарим, враз расколуются! — гнусно хихикал противный дискант.

Крюков осторожно прошел в полураскрытую дверь дома. Обстановка солидная, на всем ощущались следы вопиющей ампирной роскоши и турецкого евроремонта. Крики слышались из большой комнаты.

Сыщик огляделся в поисках подходящего предмета, способного хоть как-то заменить оружие. Под руку подвернулся какой-то темно-коричневый горшок. Крюков взвесил его в руке. Тяжелый.

"Подойдет", — решил он.

В соседней комнате и в самом деле собрались все, причастные к шуму. Хозяев и гостей было поровну — трое на трое. Гости неловко топтались на ногах, видимо, ожидая приглашения присесть. Но хозяева не предлагали. То есть они, может быть, и хотели бы предложить, но не могли. Рты у всех были плотно заклеены широкими полосами скотча. Их тушки, двое мужчин и женщина, лежали, скрученные все теми же полосами скотча, на красивом ламинатном полу, имитирующем красное дерево.

Главный гость отличался от товарищей высоким ростом, благородной

осанкой и отсутствием одного глаза. Черная пиратская повязка придавала его облику налет романтичности.

— Тащи утюг или хотя бы кипятильник! — распорядился пират.

В его руке Крюков заметил банальный "макар". Как говаривали немцы, "вундерваффе" — "чудо-оружие". От выпущенных из него пуль народу погибло в сто семьдесят шесть раз меньше, чем от удара чугунной сковородкой. Лет двадцать назад Крюков обязательно испугался бы, увидев человека, оснащенного таким пистолетом. Но с тех пор он сильно повзрослел.

— Ага, ща, мигом найдем грелочку для клиентов! — отозвался невзрачный юноша с неопрятными сальными волосами.

И он старательно, как царский жандарм в музей-квартире Ленина, принялся шарить по шкафам и ящикам в поисках подходящих к случаю обогревательных приборов.

Третий соратник стоял с обрезом в руках и целился в лежащих на полу людей. Крюков решил, что из троих он самый опасный.

Крюков хорошо знал ублюдков такого сорта. Они готовы убивать и убивают ни в чем не повинных людей, оценивая чужую жизнь в гроши. Когда милиция вешает им хомут, они сдаются сразу, так как очень трепетно относятся к собственной жизни.

На следственном эксперименте они старательно демонстрируют как набрасывали удавку, куда били ножом, где зарыли трупы своих жертв. Простые пареньки с лицами, не обезображенными следами совести и интеллекта.

Крюков был убежден, что таких следует уничтожать без очереди, даже прежде, чем маньяков и наемных киллеров. И без всяких бюрократической волокиты на предмет отмены или введения смертной казни. Ибо на месте виднее.

Потому без малейшего сомнения сыщик размахнулся и запустил горшком в голову парня с обрезом. Он целился в висок и не промазал. С глухим стуком увесистый горшок врезался в череп налетчика. Не выдержали обе соприкоснувшиеся поверхности. С жутким хрустом ребро горловины горшка вмялось в висок, тут же само треснуло и распалось черепками. Бандит рухнул без звука. С такими травмами долго не живут.

Гибель напарника на секунду отвлекла внимание одноглазого. Но уже на второй секунде Крюков приблизился к главарю вплотную и плотно захватил его вооруженную пистолетом руку.

Каждый прием обезоруживания начинается с удара милицейским сапогом в пах. Крюков хорошо усвоил этот тезис. Он нанес сильный удар коленом своему противнику чуть повыше, в область желудка. Тот издал икающий звук и согнулся пополам. Крюков повторно ударил его все тем же коленом в сгиб локтя, отчего рука бандита сломалась в обратную сторону. Не обращая внимания на его дикие вопли, Крюков сгреб его за вооруженную кисть, повернул ствол в сторону чахлого паренька с сальными патлами и прижал парализованный болью палец одноглазого к спусковому крючку его пистолета.

С первого выстрела ему, конечно, попасть не удалось. Но, расстреляв весь магазин, одной-двумя пулями цель удалось накрыть. Чахлый даже не успел выбраться из глубокого сундука, над которым склонился в момент внезапного нападения опера. Пуля вошла ему в задницу и прошла организм параллельно позвоночнику. Может быть дошла до черепа, вскрытие покажет. Но Крю-

ков на это не надеялся. Он был очень низкого мнения относительно "макаровских" боеприпасов. Скорее всего пуля застряла где-нибудь недалеко, в ливере.

Одноглазого бандита Крюков с понятным удовольствием воткнул головой в стену. Хрустнули шейные позвонки. На этом противники кончились. Крюков внимательно оглядел поле битвы. Тройка гостей признаков жизни не подавала. Уши не прижаты, зрачковый рефлекс отсутствует, со спины видно. Трое хозяев еще брыкались и издавали из-под слоя клейкой ленты невнятные звуки. На лице женщины был написана смесь нетерпения с чувством невыразимой благодарности.

Крюков как учтивый джентльмен занялся дамой в первую очередь. Он разрезал ее путы, после чего перешел к мужчинам. Женщина сама сорвала с себя остатки веревок и полосу скотча, заклеивавшую ее рот. Теперь ничто не мешало ей обрушить на спасителя лавину признательности. Крюкову в ожидании ее излияний даже неудобно стало.

— Моя керамическая китайская ваза эпохи Мин! Шестнадцатый век! — завопила хозяйка, склонившись над черепками горшка.

Крюков, слегка опешив, пожал плечами.

— Скажите спасибо, что не фарфор эпохи Сун или, не дай бог, Тан! Пятьсот лет для Китая — не древность, — пробормотал он.

— Не позорься, дура! Он тебе жизнь спас, а ты все о посуде!

Это один из мужчин, вероятно муж, также обрел дар речи. Женщина и в самом деле опомнилась и покраснела. Тем временем Крюков освободил и третьего из хозяев дома, похожего на отца кого-то из супругов.

— Спасибо тебе, мил человек, — с чувством произнес тот. — По гроб жизни мы у тебя теперь в долгу.

Крюков только руками развел. Какие, мол, счета? Спросил только.

— Вы знаете, кто эти орлы?

Мужчина помоложе сплюнул через разбитую губу.

— Как не знать? Это Папа так своих отморозков на промысел посылает. Он нам давно угрожал.

Он с ненавистью посмотрел на разбросанные по полу тела бандитов.

— А что мы с мертвяками делать будем? — спросила женщина.

— Что же теперь с ними делать? — покачал головой старик. — Погрузим в их же машину, и в лес. Я такой овраг знаю — всю нашу мафию закопать можно. Вовек не найдут.

Крюков решил, что миссию свою выполнил и направился к дверям. Услышав про заповедный овраг, он задержался и повернулся к старику.

— Мне это местечко покажите — в расчете будем. Договорились?

— Да никаких проблем, — старик хитро подмигнул сыщику.

* * *

По улицам Вяземска двигался небольшой кортеж из трех машин. Колонну открывали и замыкали пара массивных джипов. В середине двигался не менее мощный "мерседес". Папа продолжал мысленно дискутировать с мэром Горкиным. В качестве спарринг-оппонента выступал Ибрагим.

— Что за хмырь Артурчика на заправке избил? — строго спросил Папа.

— Эту жирную свинью и ребенок избьет, если не будет знать, кто его папа-

ша, — отмахнулся Ибрагим.

Папа неуверенно оглянулся.

— А если наоборот — знал и потому, именно потому, наехал? А ведь с Артуром был Жора. Он же у нас боксер, правда бывший. Но и ему тоже отломилось как богатому. Боюсь, это еще только цветочки, а ягодки впереди. Свяжись-ка с этими орлами.

Ибрагим набрал номер Жоры по мобильнику. После первых же фраз его лицо помрачнело и чем дальше он говорил, тем больше его мрачность усиливалась. Наконец он сложил трубку и в упор взглянул на своего босса.

— Папа, у нас новая проблема. Эти мудаки, Жора с Артуром, изнасиловали дочку Петрола. Говорят — не хотели, но так получилось... Они сидят у тебя дома в ожидании сурового наказания. Жора очень расстроен.

— Расстроен? — Папа едва не задохнулся от возмущения. — Ну погоди! Вернемся — он еще больше расстроится. Значит они развлекались на пару с Артуром?... И Жорик так запросто раскололся?

Ибрагим ухмыльнулся.

— Он ведь не дурак, понимает, что ты все равно узнаешь. Говна в дырявом мешке не утаишь. А если сам не признается, ему же хуже будет. Так — просто убьют, а если упираться начнет — тоже убьют, но особо мучительным способом.

— Что с девчонкой Петрола? — оборвал его рассуждения Папа.

— Выкинули в лесу. Сейчас она уже, наверно, дома. Или в больнице.

Папа вздохнул шумно и печально, как больной носорог.

— Так, мало было нам забот, теперь еще эта история с изнасилованием! Ну что им, уродам, баб мало, что ли? Петрол не тот человек, чтобы такое прощать. А отпустили его соплячку зачем? Убивать надо было. Не нравится мне все это, ох не нравится! Одно радует — что сынок Горкина снова замазался. Теперь товарищ мэр у меня в руках.

— А какие будут указания насчет петроловой пацанки? — напомнил Ибрагим.

Папа подумал секунду.

— Надо будет ее по тихому убрать. Или отловить и в турецкий бордель отправить. Но это не сейчас. Ты говорил, она может быть в больнице? Порезвились, идиоты! На время оставьте ее в покое. На недельку, не больше. Пусть подлечится, да и шум вокруг пока поутихнет. А сейчас едем домой.

* * *

Олег Петров вычленил из рассказа дочери главное. Ее изнасиловали шестерки Папы. Один из них был сыном мэра, другой — цыганский парень с фиксой.

Олег вернулся в свою квартиру и принялся вооружаться. Делал он это не спеша, с невозмутимостью профессионала. Он не имел конкретного плана предстоящего сражения, поэтому постарался учесть разные варианты..

На случай, если придется открывать огонь с дальней дистанции, Олег вооружился охотничьей винтовкой "тигр". По сути это была та же немного укороченная и упрощенная снайперская "СВДшка".

Для ближнего боя он выбрал дробовик "Бенелли" со сменными стволами,

из которого в автоматическом режиме успевал поразить дробью на стенде семь одновременно запущенных тарелочек. Сейчас он установил на ружье короткий ствол цилиндрической сверловки для стрельбы пулей.

А для интимных разборок "тет-на-тет" прихватил "ТТшник" со спиленным номером в плечевой кобуре и сунул в сапог нож "оборотень", к которому привык еще на войне. К поясу подвесил пару приобретенных по случаю светошумовых гранат "Заря".

В качестве боевой машины десанта Олег выбрал старый "лендкрузер", на котором в последнее время ездил разве что на охоту или рыбалку. Загрузив оружие, он на умеренной скорости, чтобы не дразнить ГАИшников, направился в сторону "Чертова Табора".

До особняка Папы Олег добрался без осложнений. Внутри ему раньше бывать не приходилось. Снаружи виднелась только крыша дома. Участок по периметру был обнесен бетонным забором. О толщине плит можно было только догадываться, поэтому Олег решил действовать с максимальной простотой, как учил в свое время Крюкова.

Он с разгона ударил "кенгурятником" джипа в ворота особняка. Створки распахнулись и Олег ворвался во внутренний двор.

Охранник в воротах спал. Ему и в голову не могло прийти, что в городе найдется идиот, способный наехать на Папу. Да еще пойти на штурм его цитадели. Перепуганный жутким грохотом он выскочил из своей будки и в недоумении уставился на агрессора.

Олег, не глядя, пальнул в его сторону из дробовика круглой пулей. Она угодила в окно будки. Охранник тут же залег, предвкушая следующий залп. Но Олег рванулся к крыльцу дома. Оттуда навстречу ему выскочили двое бойцов Папы в бронежилетах и с автоматами в руках. В отличие от сторожа на воротах эти знали свое дело куда лучше. Одна очередь прошила лобовое стекло, другая вспорола решетку радиатора.

Припасенным заранее ломиком Олег подпер педаль газа, а сам выкатился из машины с ружьем в одной руке и снайперским карабином в другой.

Он с одной руки шарахнул из дробовика свинцовой пулей в крайнего из автоматчиков. Тяжелый тридцатиграммовый жакан ударил в титановую пластину бронежилета и расплющился об нее. Но сила удара, сравнимая с пинком лошадиного копыта, отшвырнула его обладателя на стену дома как лягушку. Он упал и больше не поднялся.

Второй боец по инерции дал еще одну длинную очередь по пустому "лендкрузеру". Он попал в колесо. Машина дернулась, сбилась с курса и поперла прямо на незадачливого стрелка. Тот поспешно бросился в свою караулку и укрылся внутри. Через секунду джип буквально вломился в опору крыльца. От удара дом содрогнулся, посыпались кирпичи и доски.

Олег приблизился к окну караулки, из которого слышалась яростная брань охранников, не успевших принять участия в битве, и забросил в него светошумовую гранату "Заря". В комнате адски грохнуло и она осветилась изнутри яркой как молния вспышкой.

Олег ворвался в караульное помещение в тот миг, когда яркий свет сменился, по контрасту, кромешной темнотой. Пользуясь замешательством троих полуослепших и оглушенных охранников, он обрушил на них приклад своего ружья. Двое вырубались начисто, один неуверительно изобразил отключ-

ку. Олег сунул ему под нос дуло ружья, остро пахнувшее горелым порохом. Симулянт обреченно открыл глаза.

— Где Папа? — рявкнул Олег.

— Его здесь нет, — поспешно признался боец. — Он в город уехал с Ибрагимом.

— А где эти ублюдки?

— Кто? — безнадежно попытался уйти от ответа охранник.

— Два дебила, которые изнасиловали мою дочь! Фиксатый цыган и жирный ублюдок, сынок мэра! — прорычал Олег. — Только не делай вид, что не въезжаешь в тему. У меня сейчас не то настроение!

— Жора и Артур? Они та-там, в до-доме! — проблеял раненый.

— Спасибо, — Олег ударом приклада отправил его к товарищам и бросился внутрь особняка. Здесь он на всякий случай бросил еще одну "Зарю" в коридор, где также могли прятаться боевики. Влетев следом, он обнаружил, что коридор пуст.

На втором этаже осажденного особняка в бильярдной Бледный Артур с трясущимися губами метался из края в край зала как стадо вспугнутых павианов.

— Что скачешь, жирдяй? Уже обосрался? — злобно поинтересовался у него сидящий на столе Жора.

— Он же нас ищет! — воздел пухлые руки к потолку Горкин-младший.

— А ты бы чего хотел? Сучка нас честно предупредила, что батя у нее крутой, убить может. Вот сейчас и убьет. Тут как при социализме — каждому по труду! Заработал маслину в лоб — получи. Головой надо было думать, а не елдой.

— Да как ты можешь издеваться надо мной в такой момент! — завопил толстый Артур.

— Заткнись, придурок, это я над собой издеваюсь! — оборвал его Жора. — Бери ствол!

Он подошел к стойке с бильярдными киями и нажал скрытую пружину. Стойка повернулась, открыв просторный шкаф, утопленный в стену. Здесь, укрепленные специальными зажимами, хранились ручной пулемет и два автомата Калашникова. Тут же стопкой лежали снаряженные патронами магазинные рожки.

— Тебе какой? — спросил он, не глядя на Артура.

— Что какой?

— Я беру ручняк, а тебе автомат. Согласен?

— Да пошел ты! — вдруг взъярился Артур. — Я пойду и скажу ему, что не виноват. Ну, не совсем виноват... Так получилось. Ну за это же не убивают! Я заплачу, сколько он скажет!

— Кончай истерику! — заткнул его изливания Жора, извлекая ручной пулемет. — Не будет он с тобой торговаться. Завалит как барана. Хочешь сам убедиться — сходи к нему. Он как раз тебя и ищет.

— Нет! — взвизгнул Артур.

Он выхватил из тайника автомат, бросил его на пол, а сам полез в освободившуюся полость.

— Закрой меня здесь! — прорыдал он.

Жора пожал плечами. Пожалуй, от этого трясущегося куска студня и в самом деле нельзя было ждать проку. Он налег на стойку с киями. Она с чавка-

ньем захлопнулась. Толстяка прищемило так, что он громко вскрикнул и еще громче испортил воздух.

"Задохнется на хрен, — подумал Жора. — А ведь если его, Жору, убьют, никому и в голову не придет искать Артура в тайнике. Интересно, сколько он там протянет с его-то запасами жира? Да и хер с ним, туда и дорога."

С пулеметом в руках он выбежал в холл второго этажа. Внизу, под широкой лестницей, он заметил мелькнувшую тень. Свой? Чужой? По барабану! Жора направил ствол вниз и дал очередь по неясному силуэту.

Олег вовремя заметил появление нового противника. В ответ на его бестолковую очередь он сделал несколько прицельных выстрелов из "тигра". Жора в ответ выmaterился. Пуля Олега задела его плечо. Он выронил пулемет и тот с грохотом покатился вниз по ступенькам. Сам же незадачливый пулеметчик укрылся за небольшим выступом стены.

Олег переступил через пулемет и медленно, с осторожностью двинулся вверх по лестнице. Жора почувствовал как его черные кудри распрямляются и встают дыбом. Неторопливо ступая, к нему поднималась сама смерть. О том, что это лишь справедливое возмездие, он старался не думать.

Жора вжался спиной в стену холла. Сейчас он с удовольствием поменялся бы местами с Артуром. Как было бы славно очутиться в тесном, пробдетом пенале, где смерть от духоты или голода придет еще очень нескоро. А тут — вот она. В пяти ступеньках... В четырех... В трех... В двух...

Жора принялся истово молиться, чего не позволял себе ни разу в жизни. Он клялся, что если останется жив, то начнет жить заново, с чистого листа. Он исправится, загладит и замолит все свои грехи, только бы остановились неумолимые шаги. И они остановились буквально в двух ступеньках от него.

С улицы послышался шум двигателя. Кто приехал, Папа или менты? Жоре это было без разницы. Главное, что теперь его спасут. Машина остановилась и во дворе прогремел голос Папы.

— Что у вас тут творится, мать вашу?!

Сейчас этот грозный бас показался Жоре милее райских трелей. Шаги по лестнице вновь застучали, но теперь они удалялись. Жора чувствовал как по ногам льется горячий поток, но при этом почему-то испытывал глубокую радость.

По звуку подъехавших машин Олег на слух определил, что их не меньше трех. В каждой может быть в среднем по три-четыре человека. В любом случае противник получил серьезный численный перевес. Кроме того, взрывы и выстрелы могли привлечь внимание соседей. И хотя выстрелы на Чертовом Таборе не были редкостью, те уже могли вызвать милицию. Попадать в руки людей полковника Афиногенова также не входило в планы Олега.

Он щелкнул зажигалкой и поднес пламя к тяжелой шторе. Пламя устремилось вверх, черный дым повалил через форточку на улицу. Надо было срочно уходить. Он до конца разрядил в окно магазин дробовика. Жалко бросать, "бенелли" машинка дорогая, но ничего не поделаешь.

С винтовкой в руках Олег добежал до конца коридора. Ему приходилось заниматься строительством особняков в районе, поэтому он знал, что где-то здесь должен быть черный ход. Дверь нашлась сразу.

Он осторожно выглянул во двор. Как и предполагалось, внимание прибывших было привлечено к окну, из которого валил дым. Человек пять целились

в окно из автоматов, ожидая появления там цели.

Из-за противоположного угла дома выбежали еще трое, тоже с автоматами. И куда только милиция смотрит? Впрочем, ясно куда — Папе в карман. Похоже, ребята решили зайти ему в тыл через ту же самую дверь. Олег прицелился навскидку и выпустил по ним несколько пуль. Один из нападавших упал, второй залег за ним, а третий рванул обратно за угол.

Короткой перебежкой Олег преодолел открытое расстояние до обширного хозяйственного двора и приткнулся за ближайшим углом. Построек здесь возвышалось много, среди них легче было затеряться.

Боевики Папы услышали стрельбу и бросились на звук. Атакующих было пятеро, может больше. Наступали они грамотно, словно у самого Олега учились. Впрочем, и здесь все ясно — одна школа. Убивать папиных быков ему не хотелось. Среди них помимо отпетых бандитов и отморожков встречались и нормальные ребята, не сумевшие после армии устроиться на приличную работу или войти в мирную жизнь. Но их численный перевес вынуждал применять жесткие меры.

Вперед вырвался бритоголовый браток. Дерзкий, видно под настоящим огнем не бывал. Олег снял его выстрелом в ногу. В ответ получил как минимум три коротких автоматных очереди. Надо было подыскать укрытие получше. Он огляделся.

Особняк был обнесен бетонным забором. Он выглядел чуть повыше кремлевской стены. Не перескочить. Олег короткими перебежками стремительно двинулся вдоль забора. Миновав несколько непригодных для обороны хозяйственных строений, Олег приметил подходящее. Один из лабазов стоял немного в стороне от остальных. Стены толстые, вместо окон небольшие отдушины, которые могли сыграть роль бойниц.

Олег сбил замок с двери и забрался внутрь. В нос ему ударил острый дурманящий запах. Все помещение было забито пластиковыми мешками с чем-то вроде сена. Олег забрался на мешки и примерился к импровизированной бойнице. Обзор нормальный и защита надежная. Такую стену разве что из противотанкового гранатомета возьмешь.

Папа в сопровождении Ибрагима в нетерпении прохаживался позади хозяйственных построек. Ибрагим выслушивал донесения бойцов осадной группы. Наконец Папе надоело ждать.

— Так где Петрол заховался? — спросил он Ибрагима.

— На третьем складе, — проворчал тот без всякого энтузиазма. — Блин, там стены в руку толщиной, это бункер Гитлера, а не сарай! И товар там хранится!

— А что ты предлагаешь? — вышел из себя Папа. — Сюда уже менты едут. С Петролом надо кончать до их приезда. Что у нас на этом складе?

— Трава. Правда, дерьмо, беспонтовка. Старые неликвиды.

— Много?

— Не очень. Может вагон-два. Мы только вчера начали все оттуда вывозить. Готовили помещение под новую партию. Чучмеки обещали реальной чуйки подогнать.

Папа плюнул и махнул рукой.

— А, хрен с ним со всем! Банкуйте! Давай, Ибрагим, врежь по форточке из "шмеля". Пусть горит синим пламенем.

Ибрагим ухмыльнулся и бегом пустился в дом. Через минуту он появился

оттуда, сжимая в руках трубу гранатомета "шмель". Укрываясь за штабелем кирпича, он тщательно прицелился и нажал на спуск. Огненная капсула ушла точно в узкую форточку-бойницу.

Олег заметил манипуляции Ибрагима с гранатометом, но помешать ему не успел. Все, что он сумел сделать, это выскочить из ловушки за секунду до того как огненный шар разорвался внутри комнаты и брызнул горящими каплями из окон и дверей.

Боевики не дремали и встретили его очередями. Правда взрыв помешал им прицельно изрешетить Олега, но несколько пуль ему все же досталось. Он рухнул без признаков жизни. Из-под неподвижного тела расплывалась лужа крови. Но как только один из боевиков попытался приблизиться, его сразил пистолетный выстрел в упор. После этого Олег вытянулся и замер.

Ибрагим сумрачно взглянул на вытянувшееся тело бизнесмена и досадливо сплюнул себе под ноги.

— Я бы его добил.

Папа раздраженно дернул подбородком.

— Так добей! Нет, погоди...

Во двор, гудя сиренами, влетели машины милиции и "скорой помощи". Папа снова досадливо сплюнул сквозь зубы.

— Раньше надо было мочить, пока никого не было. А теперь вон — и доктора, и менты. Сейчас пожарные подгребут. Даже вон соседи-бездельники собрались, зевальники раззявили. Ладно, авось сам подойдет. Да и доктора-лепилы его вернее киллеров доконают.

— А если не подойдет? — гнул свое Ибрагим.

Губы Папы вытянулись в тонкую ниточку.

— Вот тогда ты ему поможешь. Его же не в "Кремлевку" повезут, а в обычную местную больничку. Палату, разумеется, выделяют отдельную. Так там его проще будет достать.

Ибрагим обвел взглядом живописную картину разрушений. Дымил особняк Папы, ярко пылал сарай, распространяя удушливую вонь дури.

— А за чей счет ремонт делать будешь? Если Петрола мочить, с него и рубля не слупишь. Кто убытки возместит?

Папа самодовольно ухмыльнулся.

— Ничего, я с Горкина я за все спрошу. До последней копейки сдеру, чтобы лучше своего ублюдка воспитывал. А Жора свою долю горбом отработает. Для начала найди его и, если он живой, передай — пусть дует в больницу и узнает, куда Петрола положат.

— Куда же еще? В реанимацию, ясный пень, — проворчал Ибрагим. — Если, конечно, доведут.

ГЛАВА 3

Как только утихла стрельба, Жора первым делом сменил штаны и только после этого освободил из заточения стонущего и хнычущего Артура. В особняке Папы толпились пожарные и милиция. Во дворе особняка суетились медики.

Жора потянул Артура за собой.

— Едем в больницу, Папа велел.

Артур моментально завел свой "чероки", оставленный им в гараже. Сейчас он мечтал об одном — лишь бы убраться с Чертова Тора как можно дальше и скорее. Только когда крыша папиного дома скрылась за деревьями, он смог перевести дух.

— Ну, кажется порядок. Сейчас найдем эту сучку и заткнем ей пасть.

Жора не согласился.

— Папа не велел ее пока трогать. Он приказал узнать, куда положили Петрола, если тот еще живой.

Артур прямо на глазах стал краснеть от праведного гнева.

— А мне плевать! Я в этом гребаном шкафу только потому и не сдох, что представлял как петроловой суке шею сверну! И Папа мне не указ.

— Полегче насчет Папы. Узнает про твои базары, Ибрагиму отдаст.

— А откуда узнает, если ты не скажешь? — подозрительно прищурился толстый Артур. — Ты, Жорик, определись — со мной ты или с кем?

Теперь и Жора почувствовал себя неудобно. Во всяком случае ссориться с сыном всесильного мэра он не собирался.

— А чего определяться? — нарочито бодрым тоном заявил он. — Мы с тобой до конца. Одну дырку по братски делили, от одной пули чуть не погибли. Если Папа что и узнает, то не от меня, будь уверен.

До больницы они доехали быстро. Здесь друзья разделились. Жора направился в приемный покой узнать куда поместили Олега, а Артур прямым ходом двинулся в гинекологическое отделение. Когда Жора разыскал его, тому явно требовалась помощь. Рослый охранник прижал толстяка к стене и готовился отходить по бокам резиновой дубинкой.

Жора пришел другу на помощь. Он уже собрался врезать больничному стражу ногой по почкам, когда за спиной услышал строгий женский голос.

— Что здесь происходит?

Все обернулись. Перед ними стояла молодая красивая женщина в белом халате.

— Я заведу этим отделением. Зовут меня Светлана Павловна, — представилась она. — Что вам здесь надо?

— Он сеструху проведать хочет, а его не пускают, — нашелся Жора.

— Сестру? — переспросила докторша. — Как ее зовут?

Жора и Артур растерянно переглянулись. Свою жертву они иначе как "петроловой сучкой" не величали.

— Ну не сеструху, а знакомую, — постарался выкрутиться Жора. — Она недавно к вам поступила.

Ничем не могу помочь, — строго сказала докторша. — Немедленно освободите отделение, иначе у вас будут крупные неприятности!

Тут у Артура наконец прорезался голос.

— Это у тебя сейчас будут неприятности, мышь белая! Ты знаешь, кто мой отец? Про мэра Горкина слышала? Так вот, если сейчас нас не пропустят в палату, завтра тебя уволят! И в нашем районе работу ты не найдешь, это я тебе обещаю.

Докторша, похоже, испугалась и пошла на попятный.

— Может быть я смогу вам помочь, если вы объясните, что хотите.

Жора подмигнул приятелю.

— Мы ничего особенного не хотим, только поглядеть, в какой палате лежит наша знакомая.

Он повернул голову к Артуру и прошептал сквозь зубы.

— Не возникай, мы ее потом грохнем, вместе с Петролом.

Артур поворчал и нехотя согласился. Но путешествие по палатам отделения прошло даром. Ни в одной из них искомой больной не было.

— А здесь точно все? Может кто отлучился? — Допытывался Жора.

Артур только возмущенно сопел. На всякий случай он заглянул и в женский туалет, но там было пусто.

— Молодой человек, это не бордель, а больница, — сурово проговорила докторша. — Вы осмотрели все палаты, включая подсобные помещения. Может быть вам мой кабинет показать? Кстати, в отдельной палате, куда вы влезли, лежит жена начальника милиции Афиногенова. Не знаю как ваш отец, но полковник будет очень недоволен. Я обязана буду сообщить ему о вашем... визите.

Жора потянул Артура за рукав.

— Ладно, сваливаем. Нет ее здесь.

— Как нет? А где же она тогда? — не унимался толстяк.

Ему трудно было смириться с неудачей, когда добыча казалась так близка.

— А я почему знаю?! — разозлился Жора. — Может дома сидит, может на даче! Кто тебе сказал, что она должна быть здесь? Это же только версия. Гипотеза, блин! Погнали к Папе, я ему насчет Петрола стукнуть должен.

Когда они вышли на улицу, доктор Светлана Павловна прошла в свой кабинет.

— Это я, — предупредила она.

За дверью стояла Юлька. Трясуцимися руками она сжимала огромный проекторский скальпель. Светлана Михайловна забрала у нее грозное оружие и положила на стол.

— Останешься пока здесь, — сказала она. — А там посмотрим.

Юлька посмотрела на нее тревожным взглядом.

— Надо отца спрятать. Они его убьют.

— Ладно, что-нибудь придумаем, — обнадежила ее Светлана Михайловна. — Сейчас, пока он в реанимации, его все равно еще нельзя трогать.

* * *

Выслушав доклад Жоры, Папа задумался.

— Говоришь, Петрол в реанимации, а его девчонки нет в больнице? Это странно, а я не люблю непоняток. Ее надо немедленно найти. Ты, Жорик, бери Артура и двигай на квартиру к Петролу. Посмотрите там аккуратно, ничего не ломайте. Если она дома, тут же звони мне.

После этого Папа вызвал к себе одного из бригадиров. Парень был из цыган и отличался гигантским мясистым носом, за что и получил свою кличку.

— Слушай, Нос, — приказал Папа, — ты знаешь, где находится загородная резиденция Петрола? Да, бывшая база отдыха "Пищевик". Возьмешь с собой Амбала, Пенька и этого, новенького рома. Его Яшкой зовут. Пацан проверенный. Это он Умара Керимбаева завалил. Но особо с ним не откровенничай. Все-таки он у нас человек новый. И вот еще что. В тех краях бригада Циклопа должна ошиваться. Они там децал буржуев потрясти собирались, но куда-то пропали. На голосовую не отзываются, может мобилу потеряли? Если встретишь, задействуй их по полной программе.

— Сделаем в лучшем виде, — Нос обнажил в ухмылке кривые редкие зубы и отправился исполнять приказ шефа.

* * *

С прогулки в деревню Крюков вернулся на заимку если и не встревоженным, то, во всяком случае, слегка обеспокоенным. Олег на звонки не отвечал, Юлька так и не показалась. Домашний телефон Петрова тоже молчал.

Крюкову в тихом городке Вяземске с каждой минутой нравилось все меньше и меньше. Судьба снова ткнула его носом в кровавый след Папы. Сыщик уже почти жалел, что не позаимствовал у Ермака половину его арсенала. Из трофеев, захваченных в доме любителей китайского антиквариата, он не взял ничего. Пистолет и обрез оставил хозяевам для самообороны.

Крюков проверил свой боезапас к "перначу". Три магазина по восемнадцать патронов и еще около сотни россыпью. Из багажника он извлек подарок старого друга, американского полицейского Мерфи — пуленепробиваемую куртку из тварона, материала, на вид и на ощупь неотличимого от обычной плотной ткани.

Крюков решил ждать до следующего дня и, если Олег или Юлька не появятся, самому наведаться в город. Но события заставили его изменить планы.

Гости появились неожиданно. Если бы не предыдущая стычка, Крюков наверняка проморгал бы их. Но теперь он был начеку. Их "девятка" забуксовала на лесной дороге и натужный рев ее двигателя заставил опера насторожиться.

Первым делом Крюков попытался предупредить Максимыча, он опасался, что старик может попасть под пулю. Но тот куда-то запропастился. Оставалось одно — выяснить, зачем приехали незваные гости. Но что не гуманитарную помощь привезли — в этом Крюков не сомневался.

Он направился на шум двигателя, стараясь держаться за деревьями. Вишневая "девятка" села капитально. Водитель и трое пассажиров пытались вытолкнуть ее из большой грязной лужи. Совместный труд сблизил их — дальше некуда. Поэтому они не стеснялись в выражениях и не таили друг от друга секретов.

— Еканые бабаи, Артур с Жорой! — ругался на чем свет стоит брюнет с носом, похожим цветом и размерами на баклажан. — Они петролову дочку трахать будут, а мы в тут грязи пачкайся!

— Слышь, Нос, а я в непонятке, чо мы ваще сюда забурились, — поддержал его напарник с головой в форме древесного обрубка. — Может она в больнице прячется, в той, куда Петрола отвезли, а мы тут напрасно в грязи валандаемся.

— Ты, Пенек, меньше думай, а то Амбалу одному толкать приходится, — носатый кивнул на молчавшего до тех пор гориллоподобного брата.

Но даже такому гиганту оказалось не под силу справиться с трудной задачей. Да, не оскудела земля русская на ямы и рытвины. В таких вот колеях вязли целые вражеские нашествия, а не то что наезд какой-то мелкой бандитской шелупони.

— Эй, Яша, тебе там за рулем не скучно? — обратился к водителю носатый. — А то иди, разомнись.

Но тут совместными усилиями Амбала и Пенька машина, наконец, вырвалась на сухое место. Чтобы гости не уехали, Крюков решил им показаться. Он вышел из-за кустов и помахал им.

— Привет, пацаны! Вы местные? А я из милиции. У вас закурить не будет?

Хорошо в лесу! Это вам не в городе. Тут сначала стреляют, потом спрашивают. Пенек по совету бригадира не стал думать, а сразу потянул ствол из-за ремня. Крюков всадил ему пулю в его странную голову, которой тот так и не научился работать. Нос успел выхватить новенький "ТТ", получил пулю в плечо, вторую в горло и рухнул на тело товарища.

Амбал, при его могучей комплекции, двигался на редкость быстро. Крюкова спасло то, что свой автомат здоровяк снял с плеча и положил на травку. Чтобы не мешал толкать тачку. Амбал успел подхватить его с земли и даже начать стрельбу.

Оружие у него всегда было на боевом взводе, а патрон в патроннике. Нос, при жизни, не раз орал на него, типа: "Ты так нас всех, блин, замочишь!" Амбал в ответ только ухмылялся: "Не бойсь, сама не выстрелит. Я вам этим еще жизнь спасу". Не спас, не успел. Крюков перечеркнул его двумя короткими очередями из своего "пернача".

Тем временем водитель, молодой цыган, дал газ. "Девятка" рванулась вперед и запрыгала по ухабам лесной дороги. Машина уходила в сторону заимки. Неожиданно с той стороны, куда скрылась, послышалась длинная автоматная очередь. Крюков готов был поклясться, что стреляли не из "калашника". Он галопом бросился вслед за исчезнувшей за деревьями машиной.

Пробежав метров двести, Крюков заметил впереди вишневый кузов. Он перешел на осторожную рысь. Возле машины кто-то стоял. Когда Крюков подошел ближе, то с удивлением узнал в человеке Максимыча. Старик чесал затылок. В руке он сжимал старый фронтальной автомат "ППШ". Весь правый бок "девятки" был прошит аккуратной строчкой пуль.

— Дед, ты живой? — поинтересовался Крюков.

— Дык, что мне сделается? — он сам, в свою очередь, с интересом оглядел опера. — Я слышу — стрельба. Ну, вышел поглядеть. А тут этот прямо на меня летит. Я маленько в сторону отошел, да и стрельнул раз. Для острастки, значит. А оно вон как вышло.

— Хороша острастка, — покачал головой Крюков. — Интересно, как же ты на поражение стреляешь. А водила-то где?

И сыщик пошарил глазами вокруг в поисках трупа.

— Дык, я же говорю, стрелил для острастки, — снова как бестолковому пояснил Максимыч. — А водила, знамо дело, утек. Я же не варвар-вандал какой, чтобы человека убивать.

Крюков подивился начитанности старика и усмехнулся.

— Вандалы, отец, они не столько людей убивали, сколько вещи портили. Выт примерно как ты сейчас. Взял, и поломал хорошую машину.

Максимум обиженно надулся. Потом любопытство взяло верх и он спросил.

— А что там, значит, за стрельба была?

Крюков нахмурился.

— А это я там тоже кое-что попортил. Тут, говорят, где-то овражек есть, куда все испорченное спрятать можно. Машину там, людей пару-тройку...

Максимум испытующе посмотрел на сыщика.

— Знаю я тот овражек. Не твоя об этом печаль. Ты не тяни, говори. С Олегом Иванычем что-то случилось?

Крюков пожал плечами.

— Я толком не понял, о чем они базарили, но похоже, что он и Юлька в больнице. Ты адрес знаешь?

— Как не знать? — Максимум покачал головой. — Папины это дела. Я от него давно подлости ждал. Ты давай, двигай в больницу, там, может, что выяснишь. А я твоих крестников приберу. Да и машину эту оприходу. Только будь осторожен, тут менты и мэр, все с Папой в одну дуду дудят.

Несмотря на полученные повреждения, "девятка" еще могла двигаться своим ходом. Крюков помог Максимуму затолкать в нее убитых. После того как старик укатил в сторону заповедного оврага, Крюков собрался ехать в город. Поскольку ему предстояла разведка на незнакомой местности, свой пистолет с боекомплектом он закопал на лесной поляне, с собой же прихватил "ТТШник" Носа. В магазине было только семь патронов. Аккуратный Нос нарочно не снаряжал его полностью, чтобы не сажать подающую пружину.

Остальное оружие Крюков оставил Максимуму, на случай, если его антикварный раритет даст осечку. Затем опер вывел из гаража свою "рябуху" и двинулся по направлению к городу.

* * *

Партнер Олега по бизнесу Илья Осин нервничал. События последнего дня перепугали его больше, чем известие об очередном дефолте. Он уже знал, что Олег находится в больнице, в тяжелом состоянии. С какой стати его понесло разбираться с Папой, да еще устраивать погром в его особняке?

Шум в вестибюле заставил его вздрогнуть. Он рассердился на себя. С чего вдруг паниковать? К тому же второй день как перед кабинетом дежурили охранники-каратисты, присланные Петрову из его ветеранской ассоциации.

Осин хотел было узнать в чем дело, но тут дверь открылась и в кабинет вошел новый охранник. Он был подозрительно бледноват. За ним следовал молодой цыган с золотой фиксой во рту. В руке фиксатого чернел пистолет.

Охранник виновато посмотрел на Илью и развел руками. Каратэ вещь хорошая, но на пулемет с голой пяткой не попрешь. И против пистолета кулаками не пофехтуешь.

— Что, не ждал?

За фиксатом в кабинет вошел — какая честь — сам Папа. Шествие замыкал весело скалящийся бритоголовый кавказец. Он прямо-таки навис над бизнесменом, поигрывая жутким кинжалом.

Папа без приглашения уселся в кресло и требовательно заявил.

— Ты уже, конечно, слышал, что твой партнер в припадке безумия напал на мой дом и нанес мне серьезный ущерб. В суд я подавать не собираюсь. Хочу сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Нанесенный мне ущерб будет покрыт, как ты сам догадался, за счет вашей фирмы, которая принадлежала тебе и Петролу. Петрол из бизнеса, понятное дело, вылетает. Ты же можешь сохранить свою долю, если будешь мне помогать. Если нет, скатертью дорога, вылетишь вслед за своим напарником. Даю сутки на размышление. Определись на будущее, с кем ты — с ним или со мной.

Илья заметно струхнул, хотя и пытался бодриться.

— Не пугай... — начал было он.

Но Папа тут же перебил его.

— А я не пугаю. Только ты на ветеранский союз особо не надейся. До сих пор сильно они вам помогли? То-то и оно. У них своих проблем хватает. К тому же без Петрола ты для них никто. Лох для стрижки. Они ведь благотворительностью не занимаются, из них дед Мороз такой же как и из меня. А я тебе предлагаю сотрудничество. Партнерство на равных.

Осин скис. Перспектива получить Папу в партнеры не радовала. Это было сотрудничество волка с ягненком. Но и терять все за просто так не хотелось. По крайней мере предложение Папы позволяло выиграть время.

— Хорошо, я подумаю, — буркнул Осин. — О решении завтра сообщу.

Ибрагим резко приподнял его голову, уколов снизу в подбородок концом огромного кавказского кинжала. Папа заглянул бизнесмену в глаза с невыразимым презрением, спасибо не плюнул, и глумливо произнес.

— Интересно, каким же будет твое решение?

Осину было больно и обидно. Хотелось разрыдаться, но он сдержался.

* * *

Больницу Крюков нашел быстро, но самого Олега обнаружить в ней оказалось не просто. Из реанимации его перевели в отдельную палату платного отделения. Крюков нашел это отделение по запаху. Здесь можно было дышать. Ему сразу бросился в глаза контраст с переполненными палатами и коридорами остальной больницы.

Но Олега не было и в частном секторе. С помощью красной книжицы Крюков обошел дважды все платное отделение, и все без результата. Оставался старый проверенный способ — подобрать стукача из персонала и получить у него, а скорее у нее, нужную информацию.

Неожиданно двери в отделение распахнулись и в коридоре показались старые знакомые Крюкова. Высокий бритоголовый кавказец, а с ним толстяк и кучерявый цыган с золотым зубом, которых опер немного погонял на заправке. В опущенных руках цыган и толстяк держали пластиковые пакеты, чуть ли не надев их на руку как перчатки. Сквозь пакет угадывались очертания пистолетов. Кавказец поигрывал рукояткой кинжала.

Крюков припомнил разговор бандитов в лесу. Похоже, толстяк и фиксатый имели отношение к исчезновению Юльки. Фиксатый тащил за руку молодую женщину в белом халате, вероятно врача.

— Давай, курва, колись! — орал он на нее. — Ты нам сегодня уже второй раз

пургу гонишь! Девчонки, может, и не было, но Петрол-то у вас в реанимации лежал. Показывай, куда вы его заныкали!

Женщина упиралась и твердила.

— Прекратите хулиганство! Имейте в виду, я уже вызвала милицию!

О цели их визита можно было не гадать. Крюков отвернулся к окну, чтобы его не сразу узнали, и приготовил трофейный "ТТ".

Кавказец прошел мимо, внимательно оцупав его взглядом с головы до ног. Крюков ему не понравился, но сейчас он искал Петрола.

Учитывая, что Кавказец уже прошел и сыщик у него в тылу, а фиксатый цыган занят пленницей, Крюков начал с толстяка. Тот как раз начал приглядываться к подозрительному незнакомцу и даже подошел поближе.

— Эй, мужик, а я тебя зна... — окликнул Артур сыщика.

На беду Артура тот обернулся. С разворота Крюков заехал ему рукояткой пистолета прямо в солнечное сплетение. А еще жалуются, что у "ТТ" рукоятка слишком маленькая! В другое время толстяк и до ширинки-то толком не мог дотянуться, а тут согнулся пополам так, что носом уткнулся в коленки. Сложился как перочинный ножик. Падая, он непроизвольно нажал на спусковой крючок своего пистолета и с грохотом засадил в пол три пули подряд.

Под шумок Крюков догнал ребром подошвы затылок кавказца. Связки захрустели, но выдержали. Резкий удар в основание черепа способен вызвать нокаут. От удара тот упал носом вперед, прямо на свой страшный ножик.

"Не порезался бы, — машинально отметил про себя Крюков. — А то будет фальцетом петть".

Фиксатый цыган, как и ожидалось, замешкался и не справился со своей обузой. Докторша от выстрелов шарахнулась в сторону и целиком отвлекла его внимание. Крюков ни на секунду не выпускал из виду его руку с пистолетом. Как только опер увидел, что пакет, внутри которого топорщился пистолет, разворачивается в его сторону, он выстрелил сам. При этом главной целью его было не задеть докторшу. Та же, вырываясь и бросаясь из стороны в сторону, казалось, делала все, чтобы попасть под его пулю.

Вероятно Крюков все-таки подстрелил бы докторшу, если бы снизу по лестнице не затопали тяжелые башмаки.

— Всем на пол, бросай оружие! Милиция!

Парни с автоматами в шапках-масках заполнили коридор. За мгновение до их появления Крюков успел выбросить свой пистолет в форточку. У толстяка Артура и фиксатого Жоры изъяли стволы, у кавказца громадный кинжал. Тем не менее всех троих после недолгого разбирательства отпустили, а Крюкова окольцевали наручниками и вывели из здания больницы.

Когда Крюкова уводили, дверь кабинета заотделением приоткрылась и оттуда выглянула Юлька. Она внимательно проследила за тем, как ругаясь и озираясь из больницы вышли трое бандитов. После этого Юлька сказала что-то доктору Светлане Павловне и выскользнула следом за ними.

Светлана Павловна разыскала полковника Афиногенова. Тот был явно испуган. Только убедившись, что его жена не пострадала, он немного успокоился.

Светлане Павловне не пришлось долго уговаривать полковника, чтобы тот оставил в больнице усиленный наряд милиции. Теперь пару дней за жизнь Олега можно было не беспокоиться.

Тем временем Афиногенов вызвал к себе дознавателя Зими́на.

— Вот что, Зимин. Прокуратура весь материал передала нам. Это не больница, а пиратский бордель. У меня жена тут лежит, жалуется, что никакого покоя. Какие-то уголовные морды все время крутятся. По стрельбе напишешь отказную. Учить тебя, что ли?

Но дознаватель почему-то заартачился.

— Нет, я должен разобраться. Что эти уголовные морды ищут в больнице? К тому же наши ребята кого-то задержали...

— Кого надо, того и задержали, — перебил его Афиногенов. — С ним без тебя разберутся. Твоя задача — дело закрыть.

Зимин покачал головой и направился к выходу. Афиногенов с подозрением посмотрел ему вслед. Зимину он не доверял. Считал, что тот корчит из себя слишком умного и честного. Но выбирать не приходилось. Надежные люди — кто болел, кто был в отпуске. Афиногенов решил лично проконтролировать Зими́на.

* * *

Перед тем как отправить Крюкова в камеру, дежурный посмотрел на него с нескрываемым сочувствием. Так смотрят неопытные доктора на безнадежно больных пациентов.

Крюков не сразу понял причину его грусти. Озарение пришло позже, когда сыщик увидел загоревшиеся детским счастьем глаза своего старого знакомого — сержанта Красномырдина.

— Ну вот и свиделись, — обрадовался тот. — Не забыл как предлагал мне попрыгать? Ща ты у меня и попрыгаешь, и побегаешь.

Крюков прикинул шансы. Оказаться в крепких руках сержанта или быть придушенным ночью в камере отморозками, а возможно оба варианта вместе. Как говорили древние мудрецы времен перестройки: "Другой альтернативы нет".

— Эй, Кряч! — позвал Красномырдин.

Из боковой двери вышел совершенно квадратный тип в расстегнутом мундире. Невысокий, но очень широкий. Такого легче перепрыгнуть, чем обходить.

— Слушай, Крячкин, подбери моему другу камеру потеплее, — расплылся в улыбке Красномырдин. — А я с ним пока потолкую за наши незабываемые встречи.

Крюков догадался, что терять ему больше нечего. Стало до слез обидно, что мало успел. И он решил поспешить. Красномырдин никак не ожидал, что обидчик снова воспользуется привычным, оскорбительно-болезненным ударом в пах. Но тут в Крюкова вцепились доставившие его патрульные и оттащили от жертвы.

Кое-как оправившись, Красномырдин призвал в помощники Кряча. Вдвоем они так отходили сыщика дубиной, что у того каждая клеточка в организме застонала от малейшего движения или прикосновения. И в то же время никаких следов. Хоть сейчас вези на осмотр в комиссию по правам человека.

После этого Крюкова отволокли в пустую камеру. По многообещающей прощальной улыбке Красномырдина Крюков понял, что пока он получил цветоч-

ки. Пришла очередь и ягодок.

Ночью он не спал, обдумывая свое безрадостное и безвыходное положение, поэтому услышал как открылась дверь. К нему в камеру осторожно вошел человек. Он прошел к свободным нарам и опустился на них.

Подождав немного, Крюков медленно повернул голову в его сторону. В свете дежурной лампочки он разглядел новосела. Это был сутулый тип с перебитым носом. Один из налетчиков, которых он так знатно отоварил в шашлычной возле рынка.

"Куда ни плюнь, попадешь в знакомого. В этом и есть специфика маленьких городков," — философски отметил про себя Крюков.

Сутулый тоже разглядывал опера. Некоторое время они смотрели друг на друга, потом гость проговорил.

— Не спишь? Правильно делаешь. Знаешь, зачем меня на эту хату подняли? Чтобы я тебя замочил.

Превозмогая боль во всем организме, Крюков сел. Драться сейчас было для него равносильно мучительному самоубийству. Он не был мазохистом и предпочел бы быструю смерть от удувки.

— Только я тебя валить не буду, — сообщил сутулый.

— Почему? — удивился Крюков. — Принципы не позволяют?

— Какие, на хер, принципы! — хрипло рассмеялся сутулый. — Я же помню как ты нам в шашлычной всю малину обломал. За такие примочки я бы тебя в лучшем виде завалил, да вот братишка мой за тебя слово замолвил. Маляву подогнал, просит тебе помочь, если что. Ты по каким делам его знаешь? Его Морозенком дразнят. А мое погоняло — Отмороз. Может слышал?

— Может и слышал, — уклончиво ответил Крюков. — А вот с братом твоим точно не пересекался.

— Не хочешь, не говори, — пожал плечами Отмороз. — Тут, в камере, чем меньше базарить будешь, тем раньше выйдешь. Если вообще выйдешь.

Отмороз он растянулся на нарах и с хрустом потянулся.

— Что дальше делать будем? — спросил Крюков.

— А что делать? Спать, — отозвался Отмороз.

Он принялся укладываться поудобнее и при этом тихо ворчал.

— Зря ты на нас тогда наехал. Мы с пацанами — честные бандиты. А все остальные у Папы на подсосе сидят. В рот ему смотрят. У него тут и менты все куплены, а мэр без его разрешения и срать не сядет. Видно крепко ты его достал, если за тебя бабки нехилые обещают.

— Много?

— Не так, чтобы очень. Но Папу знать надо, он за копейку удавится. Ты вот что, если я раньше тебя выйду, может передать чего?

— Благодарю, не надо.

— Ну гляди.

И они заснули сном невинных младенцев.

Наутро Крюкова выдернули на допрос. За столом следователя сидел невысокий худощавый человек, ровесник Крюкова.

— Присаживайтесь, — предложил он. — Моя фамилия Зимин. Вы задержаны по подозрению в незаконном ношении огнестрельного оружия.

— Я являюсь действующим сотрудником оперативного подразделения, поэтому имею разрешение на ношение огнестрельного оружия. Можете прока-

чать по учетам, — сказал Крюков и сел на предложенный стул.

Честного мента Крюков определял интуитивно. У него и уши не торчат, и глаза не бегают. Одного взгляда на Зимина было достаточно, чтобы поставить диагноз — это честный мент и тут уже ничем не поможешь.

Поэтому Крюков не стал ходить вокруг да около, а рассказал почти все, что знал по поводу конфликта, случившегося между бывшим ротным командиром Олегом Петровым и криминальным авторитетом Папой. Зимин выслушал все это очень внимательно. При этом он делал карандашом какие-то записи или пометки, но не в протоколе допроса, а на отдельном листке.

Наконец дознаватель потер лицо ладонью, словно стирая с него невероятную усталость.

— Я постараюсь вам помочь, — сказал он. — Но вы должны помочь мне.

— Отсюда? Из камеры? — усмехнулся Крюков.

— Я закрываю дело по причине отсутствия события преступления, — принял решение Зимин. — Никто ни в кого не стрелял. Но вам необходимо срочно исчезнуть. Здесь вашей жизни угрожает опасность.

— Спасибо, я уже в курсе, — улыбнулся Крюков.

— И что? — напрягся Зимин.

— Пока живой. Вы-то понимаете, где работаете? У вас здесь не городская власть, а организованная преступная группировка. И милиция — ее составная часть.

— Знаю, — помрачнел Зимин. — Я знаю гораздо больше. Я знаю пути перевозки и места хранения наркотиков, знаю кто и когда будет их передавать. Но сделать ничего не могу. Поэтому и прошу вашей помощи.

Крюков понизил голос и перешел на "ты".

— Слушай, Зимин, здесь не место обсуждать такие темы. Если у тебя есть какие-то доказательства, тащи. Оставь мне свой номер телефона, как окопаюсь, позвоню.

— Договорились, — Зимин пожал Крюкову руку. — А теперь быстро уходи.

* * *

Крюков расслабленным, но быстрым шагом удалялся от милиции. Хвост он заметил сразу. В привычной обстановке он сбросил бы его в пять секунд, но здесь все было чужим и незнакомым.

Крюков понимал, что его выход на свободу — это результат плохой информированности и несогласованной работы разных звеньев подчиненной Папе преступной организации. Ребята мало знают, но быстро учатся. Пока они только пасли его, но в любой момент могли получить команду на задержание.

Крюков прибавил шаг. Преследователи тоже заторопились. Теперь они уже не прятались. Значит команда "фас" прозвучала, дело за исполнением.

Крюков свернул за угол и почувствовал сильный рывок за руку. Реакция не подвела. Он автоматически прыгнул в ту сторону, откуда пришла опасность и оказался в щели между двумя киосками. Перед ним была девчонка лет пятнадцати.

— Дуй за мной, — прошипела она и протиснулась дальше в щель.

Крюков автоматически двигался за ней следом. Девчонка открыла дверцу одной из палаток, затащила Крюкова внутрь и захлопнула дверь за ним. По-

том сдвинула в сторону большую коробку.

— Поднимай!

— Что? — не сразу понял он.

Но тут же догадался. Палатка стояла над люком канализационного колодца. Крюков откинул его крышку, девчонка скользнула вниз. Ну прямо радистка-пианистка Кэт. Он последовал за ней. Спускаясь по скобам колодца, он услышал как крышку сверху поставили на место.

Внизу оказался сухой коридор, вдоль которого тянулись трубы и кабели. Потолок был достаточно высок, чтобы идти не горбясь.

— Система гражданской обороны, — объяснила девчонка.

Она уверенно вела сыщика по лабиринту ходов. Потом также уверенно остановилась и указала вверх.

— Лезь, открывай.

Крюков подчинился.

— Надеюсь мы вылезем не посреди проезжей части? — поинтересовался он сам у себя.

Похоже было, что девчонка знала, что делает. Так и оказалось. Они выбрались из люка в глубине тенистого дворика. Опер воодрузил люк на место и перевел дух. Девчонка тоже, видимо, устала. Она уселась на штабель забытых строителями труб. Теперь Крюков смог рассмотреть ее.

— Ты Юлька? — спросил он.

— Да. А откуда вы меня знаете?

— Встречались когда-то. Ты была вот такой, — опер развел большой и указательный пальцы, обозначив вершок. — С тех пор ты немного выросла. Я тебя сразу не узнал. Как ты меня нашла?

— Я пряталась в больнице у Светланы Павловны.

— Это не та молодая красивая докторша, которую я чуть не подстрелил? — уточнил Крюков.

— Она самая. Мы с ней вместе отца прятали.

— И где он теперь?

— В гинекологии. В отдельной палате.

— А его там не найдут?

Юлька отрицательно покрутила головой.

— Исключено. Они там еще раньше все перерыли. А потом рядом с ним в соседней палате жена нашего главного мента лежит. Тот возле нее милицкий пост поставил. Хватит сидеть, пошли. Вас...

— Давай на "ты". Не люблю неточных формулировок, — поправил ее Крюков.

— Хорошо. Тебя везде ищут. Я нарочно возле ментовки околачивалась. Когда вас... тебя увели из больницы, я дозвонилась до Морозенка и заставила его кинуть маляву брату. Тот как раз в ментовке парился. Это помогло?

— Я тебе жизнью обязан, — признался Крюков, но Юлька, похоже, не поверила. — А куда мы сейчас идем? — спросил опер.

— Есть тут одно тихое место.

Тихим место поразило Крюкова вонью мочи и уксуса. Наметанным глазом он сразу определил, что за дверью Скутера скрывается притон наркоманов.

Дверь открыл хозяин. Юлька не видела его с тех пор, когда оставила бездыханным на полу. Отсюда и начались ее злоключения.

— Ты живой? — поинтересовалась она.

— Хрена ли мне будет, — проворчал Скутер. — Я бессмертный. А это кто с тобой?

— Друг, — отрезала Юлька. — Ему пару дней перекантоваться надо. Морозенок все еще у тебя?

Скутер отодвинулся в сторону, освобождая проход.

— Здесь он, куда денется. Третий день зависает. Кумарит его сейчас. Слышь, друг, у тебя как с бабками? А то мы сухие как две жопы младенцев в памперсах.

Крюков полез в карман.

— На марафет не даю принципиально, только на выпивку.

— Бычий кайф, понимал бы что-нибудь, — презрительно скривился Скутер, но деньги взял, ушел в комнату и там принялся орать.

— Подъем, Морозило, тебе идти за "Клинским"! Возьмешь литр "Мэрской" и пожрать. У нас гости.

Юлька провела Крюкова в дальнюю комнату. Здесь было почище, на обшарпанной полке чудом сохранились книги — "Мать" Горького, "Приключения Карика и Вали" и восемнадцатый том из собрания сочинений Ленина.

Юлька вышла в коридор и вполголоса давала инструкции Морозенку. Крюков полистал труды "самого человеческого человека": "Успехи американских рабочих", "Обновленный Китай", "Русские и негры", "Свободная личность". За девяносто лет ничего не изменилось.

Проинструктивровав Морозенка, Юлька вернулась в комнату и оторвала сыщика от статьи, в которой вождь мирового пролетариата доказывал, что в русских больше рабства, чем в неграх. Крюков отложил книгу.

— А теперь рассказывай все подробно, — велел он.

И Юлька рассказала. Начала с того, что знала, потом перешла на несчастья, которые приключились с ней самой. Рассказывать почему-то было легко. Крюков слушал внимательно, иногда переспрашивал. Скутер не показывался. Вскоре вернулся Морозенок. Он принес выпивку и новости.

— Вас ищут, — сообщил он. — Тебя, Юлька, твоего пахана и этого, — он кивнул на Крюкова. — Большие бабки предлагают. Неделю зависать можно.

— И ты не заложил? Презрительно прищурилась Юлька.

— Да пошла ты! — обиделся Морозенок и ушел к Скутеру пить водку.

На столе он оставил колбасу и батон хлеба. Крюков разломал все пополам и они с Юлькой принялись жевать.

— Мне надо увидаться с твоим отцом, — сказал сыщик.

— А что толку? Он больной и нам сейчас не помощник. Мы же в бегах, а людям в бегах нужно много денег, — Юлька поразила Крюкова своей несокрушимой логикой. — Нам поможет Илья Осин.

— Кто это?

— Компаньон отца. Потом следует связаться с "Союзом ветеранов".

Через некоторое время к ним в комнату ввалился Морозенок. Водка немного облегчила его болезненное состояние, но с каждой минутой его потребность в дозе все увеличивалась.

- А где Скутер? — поинтересовалась у друга Юлька.

— Пошел за товаром, — буркнул Морозенок.

Про свое желание завязать с наркотой он больше не упоминал.

— У Скутера кончился товар? — удивилась Юлька. — Никогда бы не поверила.

— А зачем, по-твоему, он сорвался? Его кроме как дозой ничем из дома не вытянешь.

Крюков задумчиво крутил в пальцах бумажку с номером телефона Зимина.

— Отсюда можно позвонить? — спросил он.

— Телефон в коридоре, — ответил Морозенок.

И Крюков отправился звонить Зимину.

* * *

Зимин назначил встречу в скверике неподалеку от отдела милиции.

— Я понимаю, что для тебя это опасно. Но меня опекают и я не смогу надолго оторваться с работы, — сообщил он.

У Скутера на стене нашлась прожженная окурками и местами рваная карта города. На месте сквера как раз была большая дыра, но Крюкову и этого было достаточно.

Он вышел заранее, чтобы иметь возможность попетлять и хотя бы немного познакомиться с городом. Для начала он обошел вокруг сквера, оглядывая издали пути подхода и отхода.

Сквер оперу понравился. Он напоминал заброшенный пустырь. На его периферии маячили редкие фигуры, в основном по трое. Крюков прикинул — нет ли среди них бойцов из группы захвата. Вроде не было. Конечно, опытных наружников-профессионалов он бы не смог вычислить. Но откуда в сраном Вяземске взяться опытным наружникам?

Зимина тоже не было видно. Не мог же он зашифроваться до неузнаваемости? Оказалось мог.

Крюков нашел его за мусорной кучей. Узнать Зимина было трудно. Почти невозможно. Он неподвижно лежал на спине и слепо таращился в небо пустыми черными глазницами.

Сыщик как ни в чем не бывало прошел мимо тела и удалился в направлении, противоположном дому Скутера. По дороге он несколько раз проверился. За ним никто не шел и это было подозрительнее всего.

Ответ он нашел, вернувшись на кайфхату. Подойдя к обшарпанной двери Скутера, опер понял, что в квартире гости.

* * *

Присутствие гостей Яшка определил, когда вернулся на Чертов Табор с заимки Петрола один из всей группы Носа. Возле особняка Папы он заметил сверкающую черным лаком "ауди". Похожая тачка была у младшего брата барона и убитого Яшкой Степана. Звали его, кажется, Семеном.

Он не ошибся. Семен и двое его шестерок сидели в это время в мраморной раззолоченной гостиной Папы и пили коньяк из больших подогретых бокалов. Ибрагим молча стоял в стороне и поигрывал своим кинжалом.

— Тебя, Папа, все знают и уважают, — говорил Семен. — И все знают, что ромалы, которые нуждаются в защите, всегда могут найти у тебя приют. И это, наверно, хорошо.

— А ты сомневаешься? — гневно прищурился Папа.

— Нет, что ты! — засуетился Семен. — Я так не говорил. Конечно, каждый человек имеет право на защиту. Но иногда можно сделать исключение.

— И кто это решает? — снова сдвинул брови Папа.

— Решать можешь только ты сам. Но бывают случаи, когда один уважаемый человек может попросить другого уважаемого человека. И отказать ему было бы неразумно.

— Слушай, ты, мальчишка! Ты меня в моем доме собираешься уму-разуму учить? Да я не вышвырнул тебя за порог только из уважения к твоему брату и потому, что чту обычай гостеприимства. Говори, о чем ты меня хочешь попросить и убирайся.

Смуглое лицо Семена посерело. Он понял, что наговорил глупостей и за это придется ответить. Поэтому проговорил быстро.

— Яшка и Кармен убили моего брата, брата барона. Говорят, их здесь видели. Отдай их или убей сам. Мой брат, барон, просит тебя оказать ему это уважение.

Папа задумался, встал из кресла и подошел к окну. Внизу он увидел бредущего через двор Яшку. Он сразу понял, что с бригадой Носа что-то случилось. Что ж, дальнейшая судьба Яшки будет зависеть от него самого. И от его подружки.

Папа повернулся к Семену.

— Передай своему брату, что я его уважаю и постараюсь помочь. Остаться не приглашаю, меня могут неправильно понять. Если будут новости, позвоню на мобильный.

Посланцы барона поднялись и молча направились к выходу. Папа с ненавистью смотрел им вслед. Ибрагим ухмылялся, поигрывая кинжалом.

* * *

Отправив брата барона, Папа вызвал к себе Яшку. Он внимательно выслушал его сбивчивый рассказ о том как на лесной дороге их расстрелял неизвестный.

— Группа Циклопа тоже исчезла, — размышлял вслух Папа. Не его ли рук и это дело? А может это тот ковбой, что устроил шум в больнице? Он что, хочет меня совсем без людей оставить?

Ибрагим вышел из кабинета, чтобы ответить на звонок мобильного. Вернулся через минуту.

— Папа, только что звонил Скутер. Дочка Петрола сейчас у него на хате. С ней какой-то фраер. Не наш ли это ковбой?

Папа напрягся.

— Хорошо. Сделаем так. Ты, Яша, с бригадой Рыжего поедешь на хату к Скутеру. Постарайся убить этого ковбоя. Ты его должен был хорошо запомнить. Дочку Петрола привезешь ко мне. И запомни, от твоих успехов будет зависеть твое будущее.

Яшка спустился вниз. В особняке всюю шел ремонт, но еще пованивало гарью. Братва уже рассаживалась по машинам. Яшка едва успел заскочить на сиденье, как три "девятки" сорвались с места и помчались по улице, наводя страх на встречных водителей.

Дверь им открыл сам Скутер. Из-за его спины доносились звуки тяжелого металлического рока.

— Что у тебя за тусня? — спросил Рыжий.

— Да так, народ зависает.

— Сколько вас?

— Семь человек.

— А дочка Петрола?

— Она с Морозенком в дальней комнате, — Скутер криво усмехнулся. — Между прочим, за мои сведения премия полагается. Вы бабло подогнали?

— А как же? Получи!

Рыжий щелкнул клинком выкидного ножа и наискось, снизу вверх ударил Скутера в живот. Тот растерянно опустился на пол, придерживая руками выползающие наружу кишки. На лице у него была написана не боль, а, скорее, недоумение.

Рыжий, а за ним и его братва, ворвались в квартиру. У двоих были стволы с глушителями, остальные действовали бейсбольными битами, ножами и арматурой. Через минуту в большой комнате хрипели умирающие.

Рыжий и Яшка прошли к двери в маленькую комнату. Дверь распахнулась, видимо на шум, и из нее выскочил Морозенок. Он успел покурить травки и действовал на автопилоте. В руках он держал обрез. Грохнул залп. Первый заряд картечи достался Рыжему. Второй просвистел мимо плеча Яшки и проредил братву. Послышались стоны и проклятья.

В ту же секунду над ухом Яшки шлепнули два выстрела из пистолета с глушителем, а следом за ними просвистел заточенный арматурный прут.

Морозенок не упал только потому, что стальной дротик пригвоздил его к дверному косяку. Во лбу его чернели два отверстия от пуль.

Яшка бросился мимо него в комнату и выволок оттуда Юльку.

— Ковбоя нет? — спросил он у пацанов, все еще не пришедших в себя после короткой стычки.

— Вроде нет, — ответил кто-то. — Подождем?

— Сдурели? Тут через пять минут менты будут. У Папы бабок не хватит всех с кичи выдернуть. Забираем Рыжего, девку и уходим. Помогите раненым!

Крюков подошел к дверям квартиры Скутера ровно через десять минут после отъезда папиных быков. Вопреки их опасениям, соседи и не думали вызывать милицию. Они давно привыкли к шуму и грохоту, доносившемуся из скутера притона.

Сыщик осторожно толкнул дверь. Она медленно открылась. В нос ударила крепкая смесь знакомых запахов — крови и пороха. Крюков быстро прошел по квартире, заглянул во все комнаты. У нормального человека волосы встали бы дыбом при виде картины кровавого побоища, но Крюков только недовольно повел носом. Привык. Профессиональная деформация. Его сейчас интересовало только одно — где Юлька. Не обнаружив ее в квартире, он вздохнул с облегчением. Значит пока ничего непоправимого для него не случилось. Следовало немедленно разыскать олегова компаньона Илью Осина.

* * *

Яшка доставил Юльку к Папе. Тот лишь мельком глянул на нее и с нетерпе-

нием спросил.

— А что с ковбоем?

— Его там не было, — доложил Яшка.

— А засаду не оставили?

— Морозенок устроил шум. Выстрелил из обрезка. Рыжему живот разворотил, несколько пацанов поцарапал. Пришлось срочно уходить.

Папа был недоволен. Собственно, Юлька была ему не особенно нужна. Но раз уж ее привезли...

— Куда нам ее девать? — спросил себя Папа.

— Может в подал закроем? — предложил Ибрагим.

Папа перехватил его похотливый взгляд.

— С Артуром и Жорой породниться хочешь? Перебьешься. Некуда ее тут прятать. У меня и так полдома из-за ваших подвигов разнесли. Знаешь что, Яша? Отвези-ка ее к Горкину. У него на даче места много и подвалы надежные. К тому же им обоим так спокойнее будет. Они же почти родственники. Может скоро внук или внучка родится. А может подфартит и двойню. Только вот знать бы от кого — от Артурчика или от Жоры? Ха-ха!

Яшка ушел, подталкивая впереди себя Юльку. Папа пристально посмотрел на Ибрагима.

— У тебя нет чувства, что все мы катимся в пропасть?

— У меня такого чувства нэт, — поигрывая по привычке кинжалом ответил Ибрагим.

— А мне временами кажется, будто на меня уже накинули петлю и медленно ее затягивают.

Папа зябко передернул плечами.

— Приведи сюда Кармен и катись отсюда до утра, — распорядился он.

С непроницаемым лицом Ибрагим вышел и вернулся через пару минут. Он пропустил в комнату красавицу Кармен, а сам бесшумно скрылся в коридоре.

Папа прямо-таки источал радушие.

— Присаживайся, девочка, — пригласил он. — Что будешь пить?

Не дожидаясь ответа, он плеснул ей коньяка в подогретый бокал.

— Как вы устроились? Может быть тебе чего-то не хватает?

— Я бы хотела иметь возможность бывать в городе, — ответила Кармен и сделала глоток.

— О чем речь? Ты же не в тюрьме! Можешь выходить и входить в этот дом в любой час дня и ночи. Просто я беспокоюсь о тебе. Ты знаешь, что в городе появился Семен, брат барона и убитого вами Степана?

— Нет! — она всерьез испугалась.

— Не бойся, в этом доме и в этом городе ты находишься под моей защитой. К тому же Яшка твой — парень толковый. Если так и дальше будет работать, глядишь, в люди выбьется. Вместо Носа бригадиром его сделаю. Но это будет зависеть не только от него, но и от тебя. Поняла?

Рука Папы скользнула по колену Кармен. Та вспыхнула и автоматически занесла руку, чтобы отвесить ему пощечину. Но удержалась. Только вскочила с дивана, опрокинув бокал, и отбежала к двери.

— Отстань! — Кармен резко обернулась в ожидании взрыва.

Но Папа не рассердился. Ему понравилась ее строптивость. В том, что он овладеет красавицей, Папа ни на грамм не сомневался. Гордая, горячая, а не

ударил, потому что боится. Он уже давно встречал в глазах женщин только угодливую покорность и это стало надоедать. Вот о такой подруге, в меру упрямой, в меру разумной, он и мечтал.

— Куда ты? — усмехнулся он.

— В город. Прогуляться.

— Ха-ха! Кто же гуляет без денег?

И Папа небрежно бросил ей три зеленые сотенные купюры с портретом Франклина. Кармен замялась на мгновение, но тут же подобрала деньги и исчезла за дверью. Папа и это принял за хороший признак. Зачем уговаривать или подстегивать красавицу? Сама прибежит. Но и совсем пускать дело на самотек он не собирался. Немножко попутать ее не мешало.

Папа поглядел ей вслед и облизнул враз пересохшие от похотливого желания губы. Потом взял трубку мобильного и набрал номер, оставленный бароновым братцем.

— Семен? Здравствуй, рома. Хорошую новость для тебя имею. Видел я ту сучку. И хахеля ее тоже. Если поймаешь, они твои. Советую поискать по кабакам в районе центра. Удачи тебе!

* * *

Крюков договорился с Осиным встретиться в ресторане "Центральный". Он подъехал к нему на своей "рябухе". С радостным удивлением сыщик обнаружил, что все такси в городе выкрашены в "тот самый цвет" салатовой краской, какой некогда красили такси в столице. То ли в Вяземске ее выпускали, то ли просто здесь сохранились ее стратегические запасы. Но, как бы то ни было, его "рябуха" совершенно терялась на улицах города среди местных таксомоторов.

Крюков и Осин уселись за угловой столик в общем зале. От банкетного у опера остались не самые лучшие воспоминания.

Сыщик вкратце рассказал партнеру Олега о последних событиях. Тот слушал его с убитым выражением лица.

— Нужны деньги, — закончил свою историю Крюков.

Осин покачал головой.

— У меня сейчас серьезные проблемы. Из-за этих дел с Олегом на меня наехал Папа. Натравил милицию — ОБЭП — и налоговую инспекцию. Я, конечно, постараюсь тебе помочь, но мне потребуется время.

— Помочь нужно не мне, а Олегу, — поправил Крюков. — Мне бы ты помог, если бы подыскал приличное жилье на несколько дней.

— Жилье? Ах, ну да, конечно... — бизнесмен порылся в кармане и достал ключи. — Это от квартиры Олега. Он ее на всякий случай купил. Ну, мальчишник там устроить, оттянуться. Сам понимаешь. Я тут брал, но раз тебе нужно...

— Адрес.

— Что? Ах, адрес?

Осин назвал сыщику адрес квартиры. Крюков запомнил. Илья стал суетливо собираться.

— Я пойду, мне пора. Ты не волнуйся, столик оплачен. Ешь, пей. Ты наш гость. А я пойду.

И он исчез. Нет, не понравился Крюкову деловой партнер его старого друга.

Бздиловатый какой-то.

От нечего делать сыщик по профессиональной привычке принялся осматривать зал. Пить одному было скучновато. Подраться, что ли? Подходящие кандидатуры нашлись неподалеку, буквально через столик. Трое цыган приставали к настоящей красавице-брюнетке. Кажется, тоже цыганке. Но красота, как и хамство, национальности не имеют.

К тому моменту, когда Крюков заметил хулиганов, они чуть ли не силой выволакивали брюнетку из зала. После того, что опер уже натворил в городе, возможность отбить красивую девчонку у троих подонков показалась ему забавной детской шалостью.

— Эй, козлы! — позвал хулиганов сыщик. — Отстаньте от барышни. Не то рога поотшибаю!

— Что сказал? Сам ты козел!

Хулиганы, казалось, даже обрадовались. Может быть им скучно было возиться с одной девчонкой и они тоже искали противника в своей весовой категории?

- Господа хулиганы, — обратился к ним Крюков. — Предупреждаю, что против вас могут быть применены спецприемы борьбы баритсу!

— Что сказал, козел? — повторил один, тот что помоложе.

То ли хулиганы попались тупые, то ли просто неразговорчивые. Сильные и молчаливые.

"Сейчас проверим", — решил Крюков.

Один из парней остался держать девушку, двое других с угрожающим видом двинулись к столику Крюкова. Он продолжал сидеть, небрежно поигрывая вилкой.

— Что, обоссался? — участливо поинтересовался косматый и толстый как медведь мужик. — Сейчас на лапшу тебя раскатаем.

Крюков легко уклонился от его размашистого удара. Зазвенела бьющаяся посуда. Но ведь Илья сказал, что за все "уплочено". Значит и за драку тоже.

Медведь ударил снова. На этот раз Крюков решил не допускать битья посуды. Он перехватил его толстую как корневище лапу на замахе и заломил за шею, ударив одновременно локтем в челюсть. Медведь стоял неколебимо. Сыщик ударил его ногой в подколенный сгиб. На этот раз гиганта повело в сторону и он завалился как небоскреб. И, конечно, прямо на столик.

Его приятель с щегольскими усиками сунул руку в карман и извлек узкий изящный ножичек с клинком длиной в полруки.

— Все, биздец, — сообщил он Крюкову. — Сейчас я тебе ногу проткну.

— Нет, я тебе.

Сыщик подхватил с полу вилку и воткнул усатому щеголю в ляжку. Тот дико взвыл, уронил свой ножик и схватился за пронзенную ногу. Третий, самый молодой, продолжал держать девушку.

— Это ты козлом обзывался? — спросил у него Крюков. — Сейчас ответишь.

Нахал оказался трусливым. Он бросил свою добычу и пустился в постыдное бегство. Крюков подхватил красавицу под локоть и увлек в служебную дверь. Ему уже приходилось уходить этой дорогой.

На улице они притормозили возле стоянки машин.

— Прокатимся? — предложил сыщик.

Брюнетка только молча кивнула. Похоже, она еще не пришла в себя после

произошедшего. Кататься, собственно, Крюков не предполагал. Во-первых его искали все легальные и нелегальные силовые структуры города. А во-вторых "рябуха" жрала столько бензина, что бесцельную часовую прогулку на ней не смог бы позволить себе и Ротшильд.

— Куда тебя подбросить? — спросил Крюков.

Красавица молчала.

— Как тебя зовут? — снова спросил сыщик.

— Кармен.

— А где ты живешь, Кармен?

— На Чертовом Таборе.

— У Папы?

Кармен взглянула на сыщика с презрением.

— А ты тоже из его шестерок?

Крюков усмехнулся.

— Нет, я козырь не из его колоды. Скорее наоборот. Я гвоздь в его жопе. Извини за прямоту.

Кармен снова посмотрела на Крюкова, но уже с нескрываемым интересом.

— Кажется, я тебя знаю. Слышала как про тебя говорили. Папа прозвал тебя ковбоем.

— Весьма лестно.

— Он приказал тебя убить.

— Какой ужас! Я так напуган! А каким краем это тебя касается?

Кармен закрыла глаза.

— Один из тех, кому поручили тебя убить, мой муж Яшка.

— Обещаю его не убивать. А за каким хреном он на это дело подписался?

Кармен горько вздохнула.

— У него не было другого выхода.

И она рассказала сыщику свою печальную историю.

— Так мы и оказались здесь, — закончила она. — Хотя дядя Будулай нас предупреждал.

— Это не тот старый цыган, которого убили в его будке возле города? — спросил Крюков.

— Он был моим дядей, — подтвердила Кармен.

Крюков задумался.

— Твоя история напомнила мне историю дочки моего друга, Юльки. Ее изнасиловали шестерки Папы. А теперь еще и похитили.

— Юлька? — переспросила Кармен. — Такая светленькая, лет шестнадцати?

— Около того. Ты видела ее у Папы? — накинулся на девушку Крюков.

— Да. Он приказал отправить ее к мэру Горкину. Чтобы тот упрятал ее в подвал на своей даче.

— Спасибо за информацию. Ты мне очень помогла, — с облегчением вздохнул сыщик. — Теперь я просто обязан хотя бы отвезти тебя домой. Говори куда. На Чертов Табор к Папе?

Кармен выдержала долгую паузу. Потом вдруг прижалась губами к его губам. Поцелуй был долгим и таким горячим, что сыщику стало не по себе. Он уже давно так ни с кем не целовался.

— Лучше отвези меня к себе домой. А там — будь что будет, — не попроси-

ла, а скорее приказала она.

— Отвезти к себе домой?

Крюкову еще предстояло найти этот самый дом. Он поискал в кармане бумажку с адресом. Прочитал.

— Ты случайно не знаешь, где тут улица Трудлюбия? — спросил он.

ГЛАВА 4.

В кабинете Папы снова сидели люди барона. Но теперь у одного из шестерок Семена была перебинтована нога, а у другого рука висела на перевязи. Сам Семен имел вид побитой собаки.

— Так на кого вы жалуетесь? — спросил Папа. — Или я должен выстроить всех своих бойцов, чтобы вы могли его опознать? Хоть какие-то приметы вы запомнили?

Семен виновато покрутил головой.

— Мы немножко много вина выпили. А он — парень как парень, только совсем бешеный. Ковбой двинутый...

— Ковбой, говоришь? — Папа насторожился. — Что-то много, блин, ковбоев на моей земле развелось. И он увел Кармен у вас из-под носа? Ладно, возвращайтесь к себе домой, я тут сам разберусь.

— Брат недоволен будет, — невнятно пробурчал Семен.

— Я с твоим братом как-нибудь сам это утрясу! Здесь я хозяин, а не он. Запомни это!

Выпроводив посланцев барона, Папа заорал на весь огромный дом.

— Где Кармен?! — казалось, он мечет громы и молнии.

— Ее нигде нет, — доложил Ибрагим.

— Тогда позови ее мужа.

Вскоре Яшка вошел в святая святых папиных апартаментов. От гнева Папы не осталось и следа. Прямо отец родной.

— Яша, ты хорошо запомнил нашего ковбоя? — спросил Папа, заглядывая в глаза собеседнику. — Не перепутаешь его ни с кем? Мне нужно, чтобы ты его убил. Именно его. Не кого-то похожего, а именно его. Сделай это любимым способом, но только сделай! Иначе...

Тут в голосе Папы прозвучали нотки гнева. Яшке это не понравилось и он осмелился ответить вызовом.

— А если я не смогу убить его? Нас с Кармен выдадут барону?

Но Папа снова обратился в воплощение дружбы и заботы.

— Барон вас ищет, его люди уже здесь, в Вяземске. Я не хотел тебе говорить, но они вчера пытались похитить Кармен. Если бы мои ребята не подросли вовремя, она сейчас была бы в их руках. На меня оказывают сильное давление. Чтобы спасти вас, и в то же время не допустить войны с бароном, я должен буду заняться вашим вопросом со всей серьезностью. Но мне мешает этот ковбой. Давай так: ты решаешь мою проблему, а я твою. Это по справедливости?

Яшка кивнул.

— Я согласен.

— Тогда вот адрес. Улица Трудолюбия, дом, квартира... В общем найдешь, не маленький.

Отправив Яшку на задание, Папа распорядился.

— Вернется Кармен, сразу ко мне.

— А она уже давно вернулась, — сообщил охранник, дежуривший у дверей.

Папа сам отправился в ее комнату. Плохо сдерживая ярость, он обратился к ней.

— Где ты была?

— Гуляла!

Папа хотел было расспросить Кармен о происшествии в ресторане, но удержался. Ему показалось, что она куда-то спешит. Неужели торопится к своему таинственному спасителю? Одни ковбой, плюнуть некуда. Но факт остается фактом. Папины быки девушку упустили и, если бы не ковбой, она бы и в самом деле сейчас лежала упакованной в багажнике семенной "ауди".

Папа сделал сердитое лицо.

— Послушай, девочка! Советую тебе сделать выбор. Меня по твоей милости барон уже на счетчик поставил. Сама понимаешь, за все надо платить.

— И что?

— Ты и твой муж сильно портите мою нервную систему. Ты не хотела бы компенсировать это порцией положительных эмоций?

Папа вплотную приблизился к Кармен и обхватил за бедра. Она вспыхнула.

— Если тебе невтерпеж, так прямо и скажи. Если я тебе не дам, ты вышвырнешь нас с Яшкой в пасть барона?

Папа не выдержал и признался.

— А что если и так? В конце концов, такая горячая кобылка как ты должна принадлежать настоящему мужчине, а не смазливому сопляку. Мне надоело ходить вокруг да около. Или ты немедленно, прямо сейчас разденешься и ляжешь со мною в постель, или сегодня же оба будете разговаривать с шестерками вашего барона. Выбирай, я или Семен?

Кармен твердо сжала губы. Постояв молча с минуту, она, все так же, не говоря ни слова, начала раздеваться.

Никогда еще за всю свою жизнь Папе не приходилось иметь половой контакт с такой красивой и, в то же время, такой холодной женщиной. Будто с мраморной скульптурой трахался. С трудом, но все же кончил. Недостаток сексуального удовлетворения с лихвой компенсировался мужской гордостью. Он все-таки овладел этой капризной и неприступной красавицей. И как — с налету, кавалерийской атакой! А все остальное — дело времени и привычки.

Папа смотрел как Кармен одевается. Он демонстративно сунул в ее сумочку пять сто долларовых бумажек. Завершив процедуру, она снова направилась к выходу.

— Ты куда? — крикнул ей вслед Папа. — Смотри, снова не попади к дружкам твоего барона! И помни, здесь вам бояться нечего. Я своих не выдаю!

"Ладно, проветрись, — думал он, глядя ей вслед. — Отсюда ты уже никуда не денешься. Некуда тебе бежать. Барон вас и в Америке достанет".

* * *

Крюков смотрел по телевизору городские криминальные новости. Его как и всех жителей Вяземска возмутило зверское убийство Зимина. Телеоператор долго и тщательно показывал глазные впадины убитого. В убийстве обвинили, разумеется, его. Правда без имени-фамилии, но приметы в целом описали верно.

А вот фоторобот не удался. Он был похож не столько на Крюкова, сколько на другие фотороботы. Почему-то все они выглядят на одно лицо. Сыщику иногда думалось, что, может быть, составители этих фотороботов не врут и все нераскрытые убийства в действительности совершил один и тот же ма-

НЬЯК.

Крюков собирался предпринять повторную попытку разыскать Олега в больнице. Только от него он мог бы узнать, что с ним произошло и выслушать соображения на будущее. Кроме того, если Юлька и в самом деле сидела в подвале у мэра, достать ее оттуда было бы легче, подключив связи Олега, чем штурмуя его дачу. Он узнал часы работы Светланы Павловны, которая, по словам Юльки, спрятала Олега где-то в больнице. Она заступала на дежурство после обеда. В половине второго он вышел из квартиры.

Спускаясь в лифте, Крюков думал о Кармен. Такой пылкой ночи он не переживал никогда. Казалось, она отдается последний раз в жизни. Что странно, утром Крюков совсем не чувствовал себя опустошенным. Наоборот. Он словно всю ночь подпитывался от сверхмощного источника энергии. В грезах о прекрасной Кармен опер недопустимо расслабился. Это могло стать его последней ошибкой.

Яшка дежурил возле дома Крюкова уже несколько часов и сменил четыре позиции, чтобы не светиться подолгу на одном месте. Сейчас он крутился возле двери в подъезд, изображая маляра. Для этого он украл в подъезде соседнего дома стремянку, кисть и ведро с каской.

Охотиться одному на такую дичь как "ковбой" было чистым безумием. Но новичкам везет. Через стекло над дверью Яшка увидел наконец как из открывшихся в который раз за день дверей лифта вышел его клиент. Стрелять с верхушки лестницы было рискованно. Он скользнул со стремянки вниз. На земле он достал пистолет и передернул затвор.

Дверь в подъезд распахнулась и на пороге появился Крюков. Яшка вскинул руку с пистолетом и прицелился.

— Яшка!

Пронзительный крик за спиной заставил его вздрогнуть. Пуля, вместо того, чтобы попасть в сердце объекта, только задела левую руку. Обернувшись, Яшка увидел бегущую к нему Кармен.

Он ничего не мог понять. Как она здесь очутилась? Почему помешала убить этого фраера? Выяснить все это не было времени. Яшка увидел, что "ковбой" полез под куртку. О его боевых возможностях Яшка имел некоторое представление. Ждать, пока клиент сам откроет огонь, он не стал, развернулся и бросился в подворотню.

Кармен подбежала к Крюкову.

— Ты ранен?

— Ерунда, твой муженек меня только слегка оцарапал, — отмахнулся сыщик. — Кто же знал, что он такой ревнивый? Но, как бы то ни было, ты спасла мне жизнь. Спасибо.

— Он стрелял не из ревности.

Они зашли в соседний подъезд, где Кармен наскоро перевязала Крюкову руку и пересказала разговор Яшки с Папой, который подслушала, стоя в коридоре возле кабинета.

Крюкову это очень не понравилось.

— Откуда Папа мог узнать мой адрес? Я же только вчера сюда перебрался.

Кармен покраснела.

— Либо от меня, либо от того, кто дал тебе ключи.

— Я выбираю второй вариант, — вздохнул Крюков.

— И куда ты теперь?

— Отсюда надо сваливать. Вообще-то у меня есть запасной вариант...

Кармен прикрыла ему рот рукой.

— Не надо, не говори при мне. Вдруг тебя и там будут ждать? Я не хочу, чтобы ты подозревал меня.

Сыщик улыбнулся.

— Даже если я собственными глазами увижу, что ты указываешь Папе на меня пальцем, я решу, что это не ты, а кто-то загримированный под тебя. Хотя вряд ли гример сможет добиться такого совершенства форм тела и черт лица.

Вдруг он хлопнул себя здоровой рукой по лбу.

— Но если ты не будешь знать, где я остановился, как же мы будем... встречаться?

— Нам больше не надо встречаться.

Кармен повернулась и, не оборачиваясь, быстрым шагом вышла из подъезда. Эта разлука расстроила сыщика куда больше, чем яшкино покушение и объявленная на него охота.

* * *

Крюков набрал телефонный номер. Когда трубку сняли, попросил.

— Позовите господина Зарькова.

— Кто его спрашивает? — спросил приятный женский голос.

— Опер Крюков. Мы познакомились в подвале мясохладобойни номер три, он должен помнить.

— Одну минуту.

Удивленная секретарша отсутствовала довольно долго. Собственно, трубку взял сам Зарьков.

— Здравствуйте, вы не представляете как я рад! Вы к нам в гости или по делам?

— По делам, — признался Крюков. — Причем дела не шибко радостные. Нужна ваша помощь.

— Я ваш должник, — снова принялся расшаркиваться Зарьков. — Вы можете подъехать ко мне в офис? Тогда запишите адрес.

Зарьков был в курсе проблем, обрушившихся на Олега. Узнав, что Крюкову негде жить, он тут же предложил ему квартиру.

— Там жил мой сын, сейчас он учится в Питере. А как у вас с деньгами?

— Пока не требуются, но скоро могут понадобиться.

Зарьков на всякий пожарный случай пообещал подготовить некоторую сумму наличкой и держать ее под рукой.

В больницу в этот день Крюков не поехал. Он добрался до новой квартиры и постарался там обустроиться.

Когда наступил вечер, он подошел к окну. Сыщик чувствовал себя тоскливо и одиноко как никогда. Раненый Олег прятался неизвестно где, его дочь — то ли в плену, то ли в заложницах. И еще ему не хватало Кармен.

Чтобы хоть чем-то заняться, опер включил телевизор, разобрал пистолет и принялся его чистить. Почистив и собрав оружие, Крюков не стал его смазывать. Перед стрельбой в стволе не должно быть масла. Подумав, он достал из тайника в багажнике "рябухи" небольшую коллекцию трофейного оружия, со-

бранную им за последнее время. Брал сыщик не все, но вот старенький "наган" с навинченным на ствол глушителем прихватил. Сейчас он мог ему пригодиться.

* * *

Пора было познакомиться с Чертовым Табором поближе. Днем это сделать было невозможно, оставалась ночь. Крюков спустился вниз, завел свою бронированную машину, надел ужасно дорогую пуленепробиваемую куртку из материала тварон, загнал патрон в патронник пистолета и поставил его на предохранитель. Когда на тебя объявлен розыск, лучше быть начеку.

С другой стороны, папины быки и милиция искали абстрактного полумифического "ковбоя". В лицо его знал один Яшка. И, наконец, когда тебя ищут по всему городу, безопаснее всего находится возле Чертова Табора. Уж там точно искать никто не будет.

До места он добрался без приключений, машину загнал в перелесок и отправился посмотреть на местные достопримечательности. Ущербная луна давала достаточно света, чтобы ориентироваться в темноте.

Папский дворец нельзя было не заметить. Он возвышался на горе и напоминал сильно перестроенную протестантскую кирху. Гора была невысока и с трех сторон окружена лесом. С четвертой стороны располагался небольшой поселок, который сейчас был погружен в темноту и тишину.

Папин же особняк, напротив, сверкал огнями, во дворе что-то строили, сновали люди, к дому то подъезжали, то отъезжали от него машины. Похоже, Папа торопился завершить капитальный ремонт своего дворца. В воздухе ощущимо присутствовал запах недавнего пожара.

Сыщик подобрался поближе. Он рассчитывал, что Папа не будет минировать подходы к особняку или увешивать деревья видеокамерами. Все равно все поворуют. Это же Россия. Неподалеку от въездных ворот стяло несколько машин, которые по каким-то причинам не сочли нужным заезжать во двор.

Одна из них показалась Крюкову знакомой. Знакомой до боли в области почек и других отбитых в местной милиции частей тела. Это был тот самый милицейский "бобик", на котором его доставили в городской отдел. Возле него крутились опять-таки до боли знакомые фигуры — квадратный Кряч и похожий на кремлевскую башню Красномырдин. Они определенно кого-то ждали. Решил подождать и Крюков.

Ждать долго не пришлось. От ворот подкатил серебристый "чероки". Из машины лениво выбрались толстый Артур и веселый Жора.

— Привет, ментура, какие проблемы?

— Так, мелочи, — проворчал Кряч. — Мы тут вам пару пацанов из банды Отмороза привезли. Мы с ними децал поработали, они и раскололись, что хотели следующую партию наркоты захватить. Наводчик их где-то среди ваших людей заныкался.

— Кто?

— Не сказали. Может вам признаются?

— А они живые? — усомнился Жора.

— Еще теплые. Мы же не звери. Сами замочите, когда все скажут, — сказал Кряч.

— Нам все скажут, — ухмыльнулся Жора. — Артур у отца в библиотеке случайно книжку нашел про инквизицию. Жутко интересная. Мы ее вместе читаем, сейчас как раз до испанских сапог дошли.

— Испанская обувь классная, — одобрил Кряч. — Я такую люблю.

— Ну, эти сапожки тебе вряд ли понравятся, — заржал Артур.

Кряч понял, что над ним смеются, и обиделся.

— Ладно, хорош лыбу давить, забирайте груз и гоните бабки. Мне, как всегда, бартером.

Крюков из кустов хорошо видел как они вчетвером перетащили в багажный отсек серебристого джипа два длинных, в человеческий рост, тяжелых мешка. Потом Жора отсчитал деньги так и не проронившему ни слова Красномырдину, затем передал Крячу небольшой пакет.

— Когда товар повезем? — спросил на прощанье Кряч.

Жора назвал число и время. Крюков запомнил.

— Ну пока, — Жора с Артуром сели в джип и покатали к воротам папиного особняка.

— Погнали по быстрому, — заторопил Красномырдина Кряч.

— Куда торопишься, как голый на греблю? — пробасил его напарник.

— Именно, что на греблю, — подтвердил Кряч. — Бабу на рынке надыбал — конфетка. Но у нее проблема — муж безработный, всю дорогу дома торчит, кроссворды разгадывает.

Красномырдин почесал затылок здоровенной пятерней.

— А я при чем?

— Мы сейчас едем к ней, мужу оформляем домашнее хулиганство и ты его увозишь. А я останусь. Въехал?

— Не въехал. А что я с ним делать буду? — в недоумении уставился на напарника гигант.

— А что с ним делать? Как всегда — дашь по балде и в Сукино болото. Оттуда, небось, не вынырнет.

— Сколь отстегнешь? — поинтересовался Красномырдин.

Кряч всерьез расстроился.

— Эх ты, а еще друг! Все на бабло меряешь. Ладно, не ссы, матрос ребенка не обидит. Ты чего такой смурной?

Красномырдин замер. Видимо он не умел одновременно соображать и двигаться.

— Не по кайфу мне все это, — громовым шепотом сообщил он. — Что-то они сегодня щедрые. Чуть ли не вдвое против обычного отстегнули.

— И что? — не понял Кряч.

— А то. Мы уши развесили, а они нас за поворотом тормознут, дадут по балде и самих в Сукино болото загрузят. Что у них, без нас с тобой мало ментов на сворке бегают? Зимина кто грохнул?

— Как кто? — опешил Кряч. — Фраер из Москвы.

— А кто он такой? Откуда взялся? Я с ним несколько раз встречался, — гигант произвольно прикрыл руками мошонку. — Как Папа кого-то мочит, так этот поблизости. А как он из камеры ушел?

— Его Зимин выпустил, — напомнил Кряч.

- Ага, а он его за это завалил?

Красномырдин продемонстрировал железную логику, которой от него никак

нельзя было ожидать. Крюков с интересом ждал, куда же тот в итоге вывернет.

— Тогда за что Зими́на завалили? — растерялся Кряч. — Он же с Папой никаких дел не имел, на карман не брал.

— Зато знал много, — выпалил Красномырдин. — А мы с тобой знаем еще больше. Папа концы зачищает. Не сегодня-завтра и до нас доберется. А бабка-ми и марафетом нам глаза отводит. И то, может, назад отберет.

Крюков уже не слушал. Он ломился напрямик через рощу к ближайшему повороту. Место для своей засады он выбрал очень подходящее, в заросшей кустами лощине. Деревья и склоны закрывали ее от посторонних глаз и должны были приглушить звук выстрела. Впрочем, шум строительных работ в особняке наверняка заглушил бы его.

Когда милицейский "бобик" на малой скорости вывернул из-за деревьев, Крюков достал "наган" с глушителем и прострелил ему колесо. Машина вильнула в сторону и замерла.

— Что там? — послышался голос Кряча.

— Кажись прокол, — отозвался бас Красномырдина. — Вылезь, погляди!

Ругаясь под нос, квадратный сержант выбрался из машины. Крюков ткнул его в затылок дулом "нагана".

— Не рыпайся, мусор, а то в Сукином болоте ночевать будешь.

Кряч замер. Другой рукой опер направил "пернач" на сидевшего за рулем Красномырдина.

— А ты, орясина, погаси фары, зажги свет внутри салона и положи руки на баранку. Вот так. Хочу вас огорчить, ребята. У нас небольшая накладочка вышла, перерасход. Так что то, что вам Жора передал, надо бы вернуть. Быстро!

— А я что говорил! — захныкал громадный Красномырдин.

Кряч оказался храбрее. Но не умнее.

— Да пошел ты, козел! — он рванулся в сторону, одновременно выхватывая пистолет из кобуры.

Пуля из "нагана" вошла ему между лопаток, аккуратно в позвоночник. Заплетаясь ногами, квадратный сержант рухнул в кусты. Красномырдин вдруг взвизгнул и ударил по педали газа. "Бобик" рванулся вперед, рыскнул вбок и с треском ломая мелкую поросль съехал по склону метров на пять.

Крюков усмехнулся, убрал оружие и направился к перелеску, в котором оставил свою "рябуху".

* * *

На следующий день город Вяземск превратился в бурлящий котел. Милиция вдруг занялась своими прямыми обязанностями — наведением порядка в городе. При малейшей попытке не то, что сопротивления, а просто непонимания братков, которые считали себя в городе полными хозяевами, лупили дубинками, укладывали носом в лужу, пачками доставляли в отделение, где опять-таки щедро угощали дубиной по конвейерному принципу. Пару раз дело едва не дошло до стрельбы.

Под горячую руку перепало и мэрскому сынку, толстяку Артуру. Пока разобрались, что к чему, ему успели отвесить изрядную порцию армированной резины. Больше всех был поражен сам Папа. Он попытался дозвониться до Афи-

ногенова, но ничего не получалось.

Оправившись от первого шока, Папа принял ответные меры. Его люди перестали околачиваться в людных местах. Вместо этого они устраивали рейды на редкие независимые от Папы торговые и производственные точки. И в первую очередь на объекты Олега Петрова.

В шашлычную возле рынка братва ворвалась в первую очередь. Качки на входе и внутри заведения даже не попытались оказать сопротивление. Сдались без боя. Правда, администратор осмелился робко напомнить.

— Вы знаете, кому принадлежит наше заведение? Олег Иванович будет недоволен.

Вышедший вперед братвы Жора переглянулся с Ибрагимом.

— Олега Иваныча своего ты больше не увидишь. Отныне ты хозяин, а мы твоя крыша. Возражения имеются? Нет? Тогда ты нам кофейку налей, мы у тебя тут долго сидеть будем! Ха-ха!

И Жора потянулся за бутылкой самого дорогого коньяка. Громовое ржание братков было ему ответом.

Между тем слухи о том, что в городе появился специалист по зачистке дошли и до Папы. Сравнение чистильщика с загадочным "ковбоем" напрашивалось само собой. Была лишь одна непонятка. Папа лучше всех знал, что никакого чистильщика он в Вяземск не приглашал. Но тогда кто и зачем его вызвал? Это пугало криминального авторитета, хотя он не признался бы в этом даже себе самому.

* * *

С утра Папа находился в самом дурном расположении духа. Происходящие в городе события нравились ему все меньше и меньше. Передел рынка наркоторговли, участвовавшие разборки с партнерами, проблема с Петролом и его дочкой и непонятно откуда взявшийся "ковбой" — чистильщик. Но и этого мало. Надо же было влезть в чужое дерьмо — вмешаться в распря цыганского барона со "сладкой парочкой".

Час назад соска-секретарша "со знанием компьютера, интим не предлагать" — принесла полученную по электронной почте маляву от барона. Чувствовалось, что и у барона был свой специалист по компьютерам, умеющий складно выражать свои мысли.

Бумага была составлена в откровенных выражениях. Папе объяснили. Что это потому, что доказать авторство послания невозможно. Барон откровенно угрожал.

"Я не угрожаю, — говорилось в письме, — но ты повел себя неправильно. Ты не оказал уважения моему брату и этим унижил меня. Я готов забыть об этом при одном условии. Убийцы моего брата должны быть примерно наказаны. Пусть все увидят, что бывает с теми, кто поднимет руку на барона или его родственника. Их следует наказывать так, чтобы даже мне стало страшно. Предоставившему убедительные доказательства (видеозапись) полагается премия — по десять тысяч долларов США за каждую голову.

Вот еще геморрой для Папы. И что теперь с ними делать? Убить или отдать — запахло. Так и авторитет потеряешь. Ведь Яшка и Кармен находятся под его покровительством. А не отдать стремно, только войны с бароном ему

сейчас не хватает. Спулить бы их куда-нибудь.

От безрадостных размышлений Папу оторвал сигнал местной связи. Дежуривший на воротах охранник доложил, что к Папе пожаловал сам мэр. Только его сейчас не хватало!

Папа распорядился подать коньяк, лимоны и икру. Когда Горкин вошел в парадный зал, где Папа принимал самых уважаемых гостей, хозяин встретил его самой радушной улыбкой.

Но мэр не был расположен к условностям этикета и тут же набросился на Папу.

— Что происходит? Недавно я узнал, что Артура избил на заправке какой-то проходимец. Теперь его чуть не измордовали в застенках нашего "гестапо". И все говорят, что виноват во всем ты.

Папа сделал удивленное лицо.

— Ты считаешь, что я дурак?

— Я считаю, что ты стал слишком жадным! — отрезал Горкин. — А это иногда хуже, чем глупость.

Папа страшно обиделся, но не подал виду.

— Разве я мало тебе плачу? — спросил он.

Мэр немного смутился.

— Дело не в этом. Просто все кругом с ума посходили. Твердят, что ты хочешь подгрести под себя весь город.

— Под нас, — поправил Папа. — До сих пор мы с тобой были в одной лодке. Говори прямо, чего ты боишься?

— Войны, крови. Я не потерплю в городе киллеров. Я слышал, что у нас появился какой-то спец по мокрым делам. И что ты имеешь к нему самое прямое отношение.

— Я? — Папа чуть не задохнулся от возмущения. — Я тебе чем хочешь поклянусь, что никакого мокродела не вызывал. Наоборот, он уже перецелкал кучу моих парней. А если хочешь знать мое мнение, то я думаю, что это наш главный мусорок вызвал из Москвы киллера из какой-нибудь "Белой стрелы". Он хочет разобраться со мной чужими руками. А кем он потом займется? Может быть тобой?

Мэр был явно напуган свалившейся на него информацией. Он одним глотком осушил большой бокал коньяка и даже не подумал закусить. Ходил по кабинету и думал. Наконец он пожевал губами и произнес.

— Как хочешь, а с ментами ссориться нельзя. Нужен компромисс. Ты должен им кого-то отдать, пусть подавятся.

— Кого я им отдам? У меня все люди на вес золота!...

Неожиданно Папе пришла в голову блестящая мысль. Яшка! Одним ударом он мог решить две проблемы. Нет, даже три. Если отдать Яшку барону было запахло, то сдать его ментам — это был выход для всех. И Афиногену подачка, и проблема с бароном снимается. Вот только Кармен...

— Слушай, — обратился Папа к мэру, — хочешь я тебе подарок сделаю? Девочка — персик.

— Спасибо, — скривил физиономию Горкин. — Один персик ты мне уже подарил — дочку Петрола. Не знаю, что с ней делать. Не убивать же...

— Заберу я ее у тебя, не бзди. На днях заберу. А эта — совсем другое дело. Жрица любви. Клеопатра, клянусь, честное слово! Сегодня ее к тебе пришлю.

— Ты бы мне лучше своих пацанов для охраны прислал. А то киллеры по улицам шляются, того гляди и до меня доберутся.

— И охрану тебе дам из лучших бойцов. Свяжи меня с Афиногеном. Поговорив с полковником, Папа почувствовал себя гораздо увереннее.

Через полчаса, проводив мэра, он вызвал к себе Яшку.

— Я так и не понял, почему ты промахнулся?

Яшка замялся. Он не знал, что ответить.

— Мне помешали, — произнес он наконец с большим трудом.

— Кто?

— Женщина... с ребенком.

Папа видел, что парень что-то недоговаривает. Но вникать в это ему не хотелось. Сейчас сам по себе Яшка был куда большей проблемой, чем его потенциальная жертва. Папа подозвал Ибрагима.

— Дай свое перо.

Тот с удивлением извлек из-за пояса свой посеребренный кавказский кинжал в ножнах и протянул Яшке.

— Это знак моего доверия тебе. Иди и сделай свое дело. Помни, я очень на тебя надеюсь.

Отправляя Яшку в ловушку, Папа думал о том, как было бы здорово, если бы его взяли возле трупа "ковбоя". А вдруг повезет?

* * *

Кармен удивилась, узнав, что ей надо куда-то ехать.

— Зачем? — спросила она.

— Барон взял меня за горло, — объяснил Папа. — Он ни перед чем не остановится. А там, куда я тебя отправлю, будет спокойнее. Не волнуйся, Яшка тоже переберется к тебе, только чуть позже. Сейчас ему нужно обтяпать одно маленькое дельце.

"Знаю я твое дельце, — подумала она. — Хорошего человека убить".

Но ничего не сказала. В сопровождении четверых быков из охраны Папы она покинула его дом. Машина ехала недолго и остановилась возле не менее роскошного, чем у Папы, особняка. Ее проводили внутрь.

Хозяина дома не было и кто он такой, Кармен могла только догадываться. В особняке, кроме прибывшей вместе с ней охраной, было несколько человек прислуги, да милиционер в форме, сидевший в будке возле ворот. Откровенно говоря, новое место не показалось ей более надежным, чем резиденция Папы. Но спорить с ним она не собиралась, да и не имела возможности.

Зато здесь она почувствовала себя более свободной. Никто не знал, в качестве кого она здесь так внезапно появилась, но никому и в голову не пришло спросить ее об этом. Видимо, приняли за любовницу.

Для начала Кармен обошла владение по периметру. Ей никто не мешал, людей она не встретила. Двор оказался поменьше, чем у Папы, да и забор пониже. Нет, определенно это не крепость. Тревожное предчувствие не покидало ее ни на минуту.

Интерьеры дома ее особенно не заинтересовали. Банальные шедевры в стиле "турецкий евроремонт". В боковой пристройке дома она обнаружила странную массивную дверь, которая вела в подвал. Дверь была заперта на за-

мок. Какие-то ключи она видела висящими в стеклянном шкафчике в холле.

Кармен сходила за ключами и по очереди попробовала отпереть замок на двери. У нее получилось с третьей попытки. Дверь открылась, за ней вниз вела узкая лестница. Кармен спустилась до ее конца и наткнулась на другую дверь, на вид еще более прочную и массивную.

Ей вспомнилась сказка о висящем в подвале на двенадцати цепях Кощее Бессмертном. Не без волнения она отперла и эту дверь.

То, что она увидела внизу, напоминало одновременно и камеру, и жилую комнату. Голые кирпичные стены, толстый надувной матрас, холодильник, телевизор с видеомагнитофоном. В углу за пластиковой занавеской находился санузел — большая чугунная ванна и унитаз. На унитазе уныло восседала девушка-подросток лет пятнадцати. Увидев Кармен, она капризно скривила губы.

— А вас что, не учили стучаться, перед тем как войти?

Кармен сразу узнала ее. Юлька, дочь друга Крюкова, отправленная Папой к мэру. Значит вот это чей особнячок! Интересно, в каком качестве Папа отправил сюда Кармен? Догадаться было нетрудно.

— Хватит рассиживаться, — Кармен бесцеремонно уставилась на Юльку. — Вытирай задницу, надевай трусы и вали отсюда, пока я добрая.

Юльке не пришлось повторять дважды. Веще с собой у нее не было — в чем похитили, в том и была. Кармен вывела ее из подвала и подвела к забору.

— Перелезешь?

— Обижаете! А вы кто?

— Кармен. А ты Юлька? Мне про тебя Крюков рассказывал. Он тебя ищет.

— Не знаете, что с отцом? — с опаской спросила девочка. — Он жив?

Кармен пожала плечами.

— Не знаю, но Крюков считает, что он все еще в больнице. Как только ему станет лучше, он его оттуда заберет.

Они вдвоем вскарабкались на большой мусорный контейнер в углу двора, а с него перебрались на забор. Кармен указала рукой направление.

— Видишь рощу возле пруда? За ней шоссе. Город в той стороне. Кто-нибудь подвезет. Только выбирай машины попроще. А лучше грузовые. И смотри, не попадись снова. Увидишь Крюкова, передай ему от меня привет.

Юлька спрыгнула с забора и пустилась бегом в сторону рощи. Наверно полоса невезения в ее жизни кончилась. Ей сразу же попался пенсионер на "москвиче", который не только согласился довезти ее до самой больницы, но и наотрез отказался брать деньги. По молодости и неопытности Юлька еще не знала, что таким добрым может быть разве что волшебник в сказке, а в жизни — сексуальный маньяк.

* * *

Едва Кармен слезла с мусорного контейнера и обогнула угол дома, как увидела мэрского сынка. Он шел со стороны гаража, где поставил свой серебристый "гран-чероки". Его толстые ляжки хлюпали и шлепали при ходьбе друг о друга.

— Где шлялась? Сбежать хотела? — недовольно спросил он.

— Зачем мне бежать? — с вызовом спросила Кармен.

— А затем, что за вас с Яшкой барон по десять штук баксов платит. За каждого, — радостно осклабился толстяк. — Бабки, согласишься, небольшие, но мне сейчас и такие не помешают.

И он ударил ее по голове резиновой дубинкой.

Когда Кармен очнулась, то обнаружила, что находится в том самом подвале, откуда выпустила Юльку. Она лежала в ванне, совершенно голая. Руки и ноги ее были связаны лентами скотча.

Артур возился посреди комнаты, устанавливая видеокамеру на треноге и большую лампу на штативе. Заметив, что она пришла в себя, толстяк обрадовался.

— Оклемалась? Это хорошо. Ты мне нужна в целости и сохранности. До поры — до времени, конечно. Если хочешь, можешь покричать. Здесь кроме нас никого нет. Отец всех на городскую квартиру забрал, и прислугу, и охрану. Ссыкун старый, кому он, на хер, нужен? Он и про тебя спрашивал, но я сказал, что не видел.

Кармен пришла в ярость от собственного бессилия.

— Придурок, Папа знает, что я здесь! И как ты меня собираешься везти к барону?

Артур оставил свою кропотливую техническую работу и присел на край ванны в ногах Кармен.

— Так ты ничего не знаешь? Папа ведь сам тебя сдал. И Яшку тоже, его уже менты, наверно, завалили. Жалко, блин. С тех бабок мне ни шиша не обломится. А доставлять тебя никуда не надо. По десять штук дают за то, чтобы вас убить и снять на видео. Причем убить надо так, чтобы у всех волосы дыбом встали. Ты не подумай, что я садист какой-нибудь или извращенец. Просто мне бабки сейчас позарез нужны. А если кино хорошее получится, может барон и накинет штук пять. Я такие фильмы видел. Они "потрошилками" называются. Хочешь, расскажу как все будет? Типа — сценарий.

Кармен задергалась, но оказалось, что руки не просто связаны, а примотаны к водопроводной трубе, а ноги к массивному кольцу в верхнем сливном отверстии ванны. Артур подергал места крепления и убедился в их надежности.

— Что, не терпится узнать? Ладно, сейчас расскажу, слушай. Сначала я возьму пассатижи и выдерну у тебя несколько ногтей на руках.

— Кретин! — прорычала Кармен.

— А? Не прерывай. У тебя ногти длинные, за них удобно хватать. Потом молотком выбью несколько зубов. Я тебе поэтому рот и не заклеил.

— Не боишься, что я буду кричать? — спросила Кармен как можно спокойнее.

— Ори сколько влезет. Во-первых здесь надежная звукоизоляция, а во-вторых, я же сказал, в доме и вокруг никого нет. На чем я остановился? Да, на зубах. Потом мы перейдем к ногам. У меня есть большие кусачки. Ими я отхвачу тебе пару-тройку пальцев на ногах. Потом бритвой разрежу здесь и здесь. И еще здесь.

Он пальцем чертил по ее телу предполагаемые линии разрезов.

— А если будешь слишком громко орать, то и язык отрежу. Потом я налью в ванну немного воды и засуну тебе между ног кипятильник. Или лучше в задницу? Чтобы ты плавала в воде среди крови и говна. Представляешь? Тарантина отдыхает! И еще разрежу живот бритвой, чтобы кишки тоже плавали. А

еще налью в ванну немножко бензина и подожгу. Если к этому времени ты не помрешь, отпилю тебе ногу ножовкой. Могу нос и уши отрезать. А в конце двину кирпичом по башке. Сначала по морде, чтобы в лепешку разбить, а потом прямо по кумполу. Представляешь, как мозги брызнут!

Толстяк вдруг с опаской посмотрел на стены и потолок комнаты и нахмурился. Видимо представил как потом эти самые мозги соскребать придется. Но тут же его взгляд приобрел мечтательное выражение.

— Может за такой шедевр барон мне и двадцатку отвалит?

Здесь Кармен окончательно поняла, что имеет дело с сумасшедшим.

* * *

Когда Лев Михайлович Березуцкий стал главным врачом Вяземской больницы, он в полной мере осознал старый тезис, что главный врач — это не совсем врач, вернее совсем не врач. Лечить людей с тех пор ему так и не довелось. Но он не расстраивался. Поначалу, правда, он ощущал себя простым завхозом, потом внутренне вырос до директора, а там и полным хозяином почувствовал.

У него открылся талант делать деньги как древний сказочный царь — из всего, к чему прикоснется. Он наваривал на всем: на лечении и похоронах, на строительстве и ремонте, на нелегальной торговле лекарствами и стимулирующими препаратами, больше известными в народе как наркотики.

И все-то у него было хорошо, но только одно отравляло безоблачное существование главврача. Не любила его заведующая отделением Светлана Павловна. В койку к нему забраться не торопилась и в глаза называла вором. Вот и сейчас смотрела она на него чуть ли не с презрением. А ведь он ее вызвал, чтобы устроить разнос.

— Скажите, Светлана Павловна, — прямо спросил Березуцкий, — почему у вас в женском отделении лежит мужчина?

Испугалась? Что-то непохоже.

— Он лежит не в женском отделении, а в отдельной палате платного отделения, — возразила она.

— Но почему вы не оформили его как полагается? — стоял на своем главврач.

— А разве мы всех оформляем "как полагается"? — нахально заявила подчиненная Березуцкого, вместо того, чтобы трепетать перед ним от страха. — Больной поступил с огнестрельными ранениями. Милиция вынесла в отношении него отказ в возбуждении уголовного дела, значит его ранили бандиты. А они и так заходят сюда как к себе домой. Вы хотите, чтобы его убили?

Березуцкий не был кровожадным. У него была совсем другая специальность — получать как можно больше денег за лечение людей. А то, что раненый — это известный в городе бизнесмен и денег у него много, он узнал в тот же день. Поэтому главврач вовсе не хотел, чтобы больного убили бандиты.

Не хотел до сегодняшнего утра, потому что, заглянув в его отдельную палату, увидел то, от чего все его внутренние органы едва не поменялись местами. Больной и Светлана Павловна целовались!

Ах недотрога! А еще целку из себя строила! Тоже мне, "совесть трудового коллектива"! Бордель устроила без отрыва от производства. Наверняка уже и

трахалась тут, прямо у него, у Березуцкого под носом. И, главное, с кем? Не с ним, не с Березуцким, а с каким-то посторонним мужиком. Другая бы на ее месте за честь посчитала перед начальником ноги раздвинуть.

И Лев Михайлович твердо решил отомстить. Страшно отомстить. Отомстить как настоящий мужчина, то есть позвонить бандитам и сказать, в какой палате лежит интересующий их субъект. Вот только он не знал, каким бандитам надо звонить, поэтому справедливое возмездие пришлось временно отложить.

* * *

Насчет отсутствия профессиональной наружки в задрипанном Вяземске Крюков заблуждался. В городе был один хороший специалист по наружному наблюдению. Звали его Лис. Когда-то он служил в отделении по борьбе с карманными кражами и мелкой спекуляцией. Это был просто человек-невидимка. Каждый городской карманник знал его как облупленного, но всякий раз Лис ухитрялся появиться неожиданно и в самый неподходящий момент, чтобы взять незадачливого крадуна с кошельком "на кармане", то есть с поличным.

Но в один прекрасный для жуликов день Лис получил от руководства почетную грамоту, электробритву и был торжественно отправлен на грошовую пенсию. Тут его Папа и подобрал.

Сейчас Лис шел за Яшкой и время от времени докладывал папе по мобильнику о местонахождении объекта. Яшка не замечал "хвоста". Его внимание было целиком занято поисками объекта. И еще он думал, зачем Папа дал ему кинжал Ибрагима? Говорят, этим кинжалом старику Будулаю горло перерезали и еще кое-кому. И вообще — на хрена козе кинжал?

Яшка вспоминал, где и когда судьба сталкивала его с объектом. Из всех вариантов наиболее вероятным местом встречи ему показалась больница. Ведь наверняка там у него кто-то лежит. Туда он и направился. Лис продолжал добросовестно докладывать Папе о его передвижениях. Услышав о больнице, Папа задумался. Он снова попытался связать "ковбоя" с Орловым. А что, если так оно и есть? Тогда одним ударом Папа мог свалить сразу три фигуры: Яшку, Орлова и "ковбоя".

Он в нетерпении набрал телефон главврача. С Березуцким у него были общие дела по торговле медицинскими препаратами.

— Алле, Левчик? Что у тебя за бардак в твоей лавке? Говорят, подпольных больных содержишь.

Он блефовал, но попал в точку. Ему даже послышалась радость в голосе главврача. Слух не обманул. Лев Михайлович просто просиял от безумной радости. Вот он, час возмездия! Ну, держись, Светка, целка, билят честная!

— Вы правы, действительно такое безобразие имеет место. В отдельной палате в отделении гинекологии лежит раненый бизнесмен Орлов.

Папа едва не подпрыгнул от волнения. Вот это улов! Но на всякий случай уточнил.

— А как там жена нашего Афиногена? Она же где-то по соседству лежит?. Ее все еще караулят?

Главврач охотно пояснил.

— Да, она еще в больнице, и чтобы не было путаницы, я повешу на дверях таблички с фамилиями. Надеюсь, ваши люди умеют читать и не перепутают? А постовой уходит то поесть, то покурить, то, сами понимаете... И вообще, если нужно, я смогу его отвлечь на некоторое время.

— Вот спасибо, Левчик, — искренне обрадовался Папа. — Ты меня очень сильно выручил. Я твой должник.

Вешая трубку, Березуцкий криво усмехнулся.

"Должник, — подумал он. — Посмотрел бы я на того человека, который сможет потребовать с Папы долг".

* * *

"Пора получить с Папы должок, — решил Крюков. — Иначе у него может сложиться превратное впечатление, что планеты Солнечной системы вращаются вокруг него".

Но сначала нужно было вытащить из больницы Олега. Оставаться там ему с каждым днем становилось все опаснее. По обыкновению Крюков оставил машину на соседней улице и прогулялся до больницы пешком. Еще не дойдя до ворот, он почувствовал, что за ним следят. С помощью нехитрого приема в отражение зеркальной витрины киоска он распознал старого знакомого, Яшку. Снова выследил, сукин сын!

Сегодня Крюков был в пуленепробиваемой куртке из тварона, но, тем не менее, испытывать судьбу он не собирался. Хорош он будет, если придется, убегая от киллера, прикрывать рукавами голову.

Поэтому Крюков повернул и пошел вдоль высокого бетонного забора больницы. Натыканные здесь в большом количестве гаражи исключали возможность прицеливания. Яшка бросился за уходящим клиентом. Увидев его мелькнувшую между гаражами фигуру, он выстрелил навскидку. Пуля продырявила стенку гаража в стороне от цели.

Крюков тоже достал ствол, но воспользоваться им все равно не смог бы. Разве что в самом крайнем случае. Ведь он обещал Кармен не убивать ее мужа. По возможности, конечно. Отдавать свою жизнь за чужие заблуждения он считал делом бесполезным и неблагодарным.

А Яшка словно обезумел. Он сыпал пулями наугад, почти не целясь. Крюкову пришлось немало попотеть, чтобы снизить вероятность попадания до минимума. Но гаражам досталось. Не один автовладелец, открыв сегодня свой гараж, осыплет проклятьями торопливого киллера.

Выскочив из щели между гаражей, сыщик намеревался укрыться за углом больничной ограды, но тут же замер, словно наткнулся на стену. Капкан захлопнулся.

* * *

Сразу же после телефонного разговора с главврачом больницы папа позвонил полковнику Афиногенову.

— Слушай, старик, — сказал он. — У нас с тобой бывают разногласия, но сейчас я хочу тебя предупредить. Мои ребята заметили возле больницы одного отморозка, его Яшкой зовут. Он одно время возле меня крутился, но мне су-

масшедшие не нужны. А потом, я подозреваю, что это он старого Будулая убил и не его одного. Да, его цыганский барон разыскивает, за то, что он его брата зверски убил. Парень опасный. Пистолет у него видели и кинжал. А в больнице твоя жена лежит, как бы чего не вышло. Не благодари, я был обязан предупредить тебя.

В свою очередь полковник по рации сразу же связался со всеми патрулями в районе больницы. Одним из принявших сообщение был сержант Красномырдин. Выслушав его, он ткнул локтем напарника.

— Быстро погнажи к больничке. Там сейчас этот цыган крутится, за голову которого барон десять тонн баксов обещал. Только надо как-то доказательства представить.

— Надо рядом с его трупом сфотографироваться, — предложил напарник.

— Да? Чем ты фотографироваться собрался? Шпалером? Или, может, сначала в магазин заедем, камеру купим, а другие его тем временем завалят? Нет. Ему надо голову отрезать и в мешке со льдом барону отвезти.

Напарник не на шутку задумался.

— А как же труп без головы оставлять?

Но Красномырдин только отмахнулся.

— Фигня, скажем, такой и нашли. Пусть прокуратура копает.

Они выскочили из-за угла больничной ограды как раз в тот момент, когда Яшка заменял опустошенный магазин в своем "ТТ". Крюкова, спрятавшегося за выступом стены, они второпях не заметили.

— Ложь пушку, зараза! — Красномырдин направил свой пистолет на неудавшегося киллера. — Ща мы тебя будем валить особо мучительным способом.

— Гляди, какой ножичек, — напарник указал Красномырдину на кинжал, который виднелся у Яшки из-под распахнутой куртки.

— Класс, — согласился сержант. — Вот этим-то хлебрезом мы ему башку и отпилим.

— Помочь не надо? — поинтересовался у них за спиной Крюков. — А ну грабли в гору, стволы на травку! Ты, Яша, тоже разоружайся.

Все трое замерли с поднятыми руками. Красномырдина колотила мелкая дрожь. Ничего хорошего от встречи с московским чистильщиком он не ждал.

— Как вы здесь очутились? — спросил Крюков у сержанта. — Только не говори, что патрулировали. Вы сюда примчались по наводке.

Красномырдин не считал нужным скрывать истину.

— Нам начальник приказал, Афиногенов. Сказал, что возле больницы крутится бешеный цыган со стволом и кинжалом, который убил брата цыганского барона.

— А он откуда узнал?

— Ему Папа настучал, откуда же еще.

Крюков вопросительно взглянул на Яшку.

— Кто-нибудь еще знал, что ты разгуливаешь с этим кинжалом? Откуда он у тебя?

Тот отрицательно pokrутил головой.

— Мне его дал Ибрагим по приказу Папы. Больше об этом никто не знал. Выходит, он и сдал... Да я его за это!...

Крюков охладил его пыл.

— Сейчас ты ему ничего не сможешь сделать. И Кармен у него.

— Откуда ты знаешь Кармен и почему она тебя спасла в прошлый раз? — набычившись, спросил Яшка у опера.

Тот, разумеется, не стал откровенничать.

— Я отмазал ее от Семена и его шестерок. Давай лучше делом займемся. Возьми у этих орлов браслеты и закоцай им руки и ноги. И давай подберем для этих серых мышек подходящую кладовку.

Они связали закованных в наручники постовых португепями и заволокли их в пустой, покрытый ржавчиной полуразвалившийся гараж на самом краю площадки. Здесь их должны были нескоро хватиться. Крюков разобрал их табельные пистолеты и разбросал запчасти по прилежащему пустырю.

Быстро идем в больницу, — сказал Крюков Яшке.

— А что будет с Кармен?

— Мы ее вытащим, но позднее. Сейчас это невозможно. Я понятия не имею, где она. Надо спасти Олега. Папа не успокоится, пока его не добьет.

— Если он меня вычислил, то наверняка уже послал своих людей в больницу, — проговорил Яшка.

* * *

Когда Светлана вышла из палаты Олега, ей показалось, что главврач Березуцкий отпрянул от двери и заспешил по коридору. Она с удивлением увидела на двери палаты картонную табличку с фамилией "Петров". На соседней двери висела такая же, на которой значилось: "Афиногенова". С чего это вдруг главный проявил такую предусмотрительность? Светлана не сразу вернулась в палату к Олегу. По ее лицу он понял, что она встревожена.

— Что-то случилось?

— Пока ничего, — Светлана подошла к окну.

Дурные предчувствия ее не обманули. Она увидела, что перед больницей затормозили две машины, из которых как горох посыпались крепкие ребята с бандитской внешностью. Они бегом бросились к больничному корпусу.

— А теперь случилось. Собирайся быстрее, за тобой приехали!

Как ни торопился Олег, призвав на помощь свою армейскую сноровку, но к тому моменту, когда он оделся, за дверь в коридоре раздался слоновий топот папиных боевиков. Олег растерянно огляделся в поисках оружия, но ничего подходящего не обнаружил.

— Тихо, — сказала Светлана. — Не шуми и приготовься. Сейчас тебе понадобятся все твои силы.

* * *

Жора получил от Папы точные инструкции. Задача была прежняя — убить Орлова. Но действовать следовало с максимальной жесткостью и точностью. Надо было учесть и то, что в соседней палате лежала жена этого гребаного начальника милиции. Короче, как сказал Цезарь: "Налетели, замочили и свалили". Или как-то в этом роде.

Больничная охрана не успела и рта раскрыть. Получили по бестолковке и затихли. Жора на всякий случай оставил с ними пару ребят. Бойцов он взял с

избытком. Папа предупредил, что в случае новой неудачи оторвет Жоре голову. Жора верил, что это будет исполнено в прямом смысле слова.

В сопровождении пятерых быков Жора бегом поднялся на второй этаж, где располагалось платное отделение. Березуцкий сдержал слово, постового в коридоре не было. Совершив короткую пробежку по коридору, бандиты шарахнулись от двери с фамилией "Афиногенова" и остановились перед надписью "Петров".

— Заходим, мочим и уебыв...ем. Работаем я и Гриня, остальные страхуют, иначе друг друга перестреляем.

Он рванул на себя ручку двери и, изготовив пистолет для стрельбы, первым двинулся в палату. За ним дружно ввалились остальные.

Даже если бы больница была оборудована в качестве сигнализации сиреной воздушной тревоги, та все равно не дала бы такого эффекта. Госпожа Афиногенова, в палату к которой ворвались Жора с друзьями, заорала так, что ее было слышно не только на всех этажах, но и на соседних улицах. Парализованные звуком и ужасом от сознания содеянного, бандиты замерли в неподвижности.

Тем временем дверь в соседнюю палату с карточкой "Афиногенова" открылась, из нее выскользнула Светлана Павловна, а за ней Олег. Их торопливые шаги были заглушены топотом бегущего милиционера. Тот мчался с вытаращенными от ужаса глазами, представляя себе, что с ним сделает Афиногенов за его преступную халатность. Он на ходу расстегивал кобуру. Пробегая навстречу, Светлана честно предупредила его.

— Там бандиты! Их много!

Но для сержанта даже рота боевиков сейчас была бы не так страшна, как гнев начальства. Подбежав к распахнутой двери палаты госпожи полковничихи, он взмахнул пистолетом и рявкнул.

— Стоять, не двигаться! Милиция! Руки за голову, выходить по одному!

В ответ крайний из перепуганных братков шарахнул в него из своего пистолета. Милиционер ответил ему тем же. Два тела рухнули замертво.

Под несмолкающий визг жены полковника растерянные бандиты высыпали в коридор. Больше всех был испуган сам Жора. Вдруг его осенило. Он подбежал к соседней двери, прочитал фамилию на карточке, заглянул внутрь.

— Накололи, козлы! — в ярости и отчаянии воскликнул он.

В этот момент в конце коридора показался трясущийся от страха Березуцкий. Он уже проклинал себя за свою мстительную затею, но события уже вышли из-под контроля.

— Вот он, козел! — указал на главврача Жора. — Он таблички с фамилиями поменял!

— Я не... Это не я..., - пытался возражать Березуцкий, но его никто не слушал. — Они побежали наверх!

— Получи, сука!

Жора несколько раз выстрелил в Березуцкого. Тот пошатнулся, впечатался спиной в стену и сполз на пол.

— Давайте наверх, обыщите всю богадельню. Мне уже терять нечего, и вам тоже! Мочите всех подряд. Косой, обойди больничку и подопри снаружи все двери, какие только есть. Понял? Тогда дуй в темпе!

Бандиты рассеялись по этажам. Сам Жора с двумя бойцами поднялся на са-

мый верх.

— Зекай, бригадир, замок сбит! — крикнул один из бойцов.

Жора и сам заметил, что висячий замок на двери чердака сорван, а дверь открыта. Бандиты опасливо полезли в темноту чердака.

— Не ссыте, он не вооружен, — заверил помощников Жора, хотя и сам не был в этом уверен. Они облазили весь чердак, но никого там не обнаружили.

— Может на крышу слазить? — предложил один из братков.

— Есть! Тут еще одна дверь! — отозвался из самого дальнего угла другой.

Все бросились туда. Оказалось, что отсюда вниз ведет служебная лестница. Прыгая через две ступеньки, налетчики устремились вниз.

Как и предполагал Жора, Светлана и Орлов сначала поднялись на чердак, затем спустились по служебной лестнице до первого этажа. И в тот момент, когда спасение было так близко, они вдруг оказались в ловушке.

Светлана толкнула дверь служебного входа, но та не поддавалась.

— Ничего не понимаю, — пробормотала она. Тут же никогда не запиралось.

— Пусти, дай я.

Орлов, преодолевая слабость, подергал дверь, заглянул в замочную скважину и внимательно осмотрел щель между дверью и косяком.

— Она не заперта, — сообщил он. — Просто ее чем-то подперли снаружи. Мы в капкане.

Сверху приближался топот преследователей.

* * *

Юлька уселась в машину к пенсионеру и облегченно перевела дух. Ей показалось, что теперь все напасти остались позади. Неладное она заподозрила позже, когда пенсионер, ласково щурясь за стеклами круглых очков, пару раз промахнулся мимо ручки переключения скоростей и случайно схватил ее за коленку. В третий раз он уже сделал это нарочно, руку не убрал и улыбнулся до ушей.

— А зачем нам, собственно, в больницу, деточка? Может быть заглянем ко мне? Чайку поьем, в шашки сыграем, в дочки-матери. У меня тут дача недалеко. Прямо в лесу. Прекрасное место.

Тут Юлька все поняла и чуть не заревела от досады. Из огня, да в полымя. Не успела от одной напасти избавиться, а тут другая. Она читала про маньяков и знала, что все они сначала приглашают на дачу, а потом в ближайших кустах насилуют и убивают.

Пенсионер был большим, килограммов на девяносто, с толстенными ручищами. От такого, пожалуй, не вырвешься. Юлька огляделась в поисках оружия. Ничего подходящего. На приборной панели она увидела прижатый проволочным держателем толстый пластмассовый карандаш, в который был вставлен стержень шариковой ручки. Конструкция прочная и надежная.

Юлька выхватила карандаш и изо всех сил ударила пенсионера в шею. И тут же распахнула дверцу машины и вывалилась наружу. На ее счастье старый мотор не тянул и скорость была небольшой. Из раскрытой двери ударил фонтан крови — видимо она попала в сонную артерию. Машина слетела в кювет и остановилась. Юлька выбралась на шоссе. Вся, с ног до головы, она была выпачкана в грязи.

И тут ей, наконец, повезло. Первая же машина оказалась возвращавшейся из пригорода с ложного вызова "скорой помощью". Машина затормозила рядом с Юлькой. Из нее выскочил врач.

— Что случилось? — спросил он.

— Там бабушка, мы попали в аварию, — Юльке не надо было прикидываться, ее всю трясло как на вибростенде.

Врач и фельдшер бросились к машине.

— Быстрее, грузим его. Большая потеря крови! Девочка, садись, поедешь с нами!

Через восемь минут "скорая" доставила агонизирующего маньяка и его "внучку" в городскую больницу. По дороге Юльку осмотрели и заставили выпить какой-то вонючей дряни. Постепенно она успокоилась. Когда машина затормозила у дверей приемного покоя, Юлька выскочила из нее и устремилась за угол, к хорошо знакомой двери с надписью "Служебный вход".

К ее удивлению дверь оказалась подпертой ломом. Она дернула его, но тяжелая железяка не поддалась. Юлька решила уже идти через главный вход, как вдруг за дверь услышала голоса отца и Светланы Павловны. Тут она изо всех сил навалилась на лом и смогла наконец вывернуть его из упора, в который его загнал добросовестный Косой. Дверь открылась. Из нее выбежала Светлана Павловна, которая помогала двигаться отцу. Тот был бледен и худ, но держался, в общем, молодцом.

Увидев Юльку, они страшно удивились, но заминка продолжалась недолго. Отец тут же захлопнул дверь, наклонился, подобрал упавший лом и подпер им дверь. И вовремя, потому что изнутри по ней загрохотали мощные удары. Светлана вдруг охнула и изо всех сил рванула Олега и Юльку в сторону, за выступ стены. И снова дело решили доли секунды. Изнутри грохнули выстрелы и пули прошили обитое железом дерево двери.

Олег окончательно ослаб. На упражнение с ломом ушли его последние силы. Светлана и Юлька подхватили его подплечи и чуть ли не волоком потащили к воротам больницы. Олег болезненно поморщился.

— Не надо, все равно не уйдем, они сейчас вырвутся. Им нужен я. Уходите.

Как бы в подтверждение его слов дверь рухнула, лом со звоном откатился в сторону. В то же время с другой стороны, со стоянки машин, к бандитам спешили оставленные там водители и группа резерва.

— "Киздец потенку", — упавшим голосом сострил Олег, демонстрируя немалое присутствие духа про полном отсутствии сил. — Бросайте меня девчонки и уходите. Найдете Крюкова и скажете...

— А может сам скажешь? — донеслось откуда-то сверху.

Олег задрал голову и увидел цветущую улыбку друга. Крюков перемахнул через забор. За ним следом приземлился молодой цыган.

— Знакомьтесь, это Яша, — представил товарища сыщик. — Яша, это Олег и его бабаы, пардон, дамы. А там кто? Ротный, ты опять влип в какую-то заваруху? Придется продемонстрировать твоим друзьям картину Репина "Приплыли".

Преследователи были уже шагах в десяти. Высокие кусты помешали им обнаружить появление на сцене новых действующих лиц. Крюков страдальчески сморщился. Ему не хотелось стрелять в людей. В смысле стрелять вот так, подло, без предупреждения, предупредительного выстрела в воздух и прочей

обязательной для законопослушного человека дребедени. Но он взял, и переборол себя, причем на удивление легко.

Спустя секунду Жора продолжал бежать уже в гордом одиночестве. Его подчиненные устлали своими телами асфальт больничного дворика. Яшка тем временем проредил группу прикрытия. Из четверых только один водитель еще подавал признаки жизни.

— Нет, это не охота. Это просто какая-то бойня, — с грустью произнес Крюков, стреляя Жоре в ногу. И крикнул ему. — Поживи немного, у меня к тебе тема есть. Перетереть надо, но сейчас некогда.

И прострелил руку, которой тот пытался поднять свой выпавший пистолет.

Крюков провел их в тенистый переулок, где оставил свою "рябуху". Когда все сели, он запустил двигатель и спросил Олега.

— Куда двинем?

— Давай на заимку, там спокойнее, — предложил тот.

— Вообще-то я в этом не уверен, но проверить стоит, — сыщик озабоченно поглядел на часы. — Поспешим, а то Максимыч там один со своей антикварной пукалкой может и не справиться.

* * *

Неподалеку от заимки Крюков остановился. Легкий ветерок занес в окно "рябухи" запах гари. Он потянул носом.

— Что за фигня? Тайга горит? Как думаешь, ротный?

Олег покачал головой.

— Нет, это не лесной пожар. Думаю, дальше ехать не стоит. Тебе не в падлу на разведку сгонять?

— Да какие проблемы? Один момент. Яша, ты со мной?

Яшка с готовностью кивнул.

Крюков загнал "рябуху" в густые заросли и предупредил.

— Не шуметь и не хихикать. Мы скоро.

Проверив оружие, разведчики направились к заимке. Выйдя из леса, Крюков едва не споткнулся о труп собаки, одной из тех, что использовались Максимычем для охраны. Бывшая база отдыха представляла собой печальное зрелище. Дымились остовы строений, сильно воняло гарью. Бандиты разнесли все в пух и прах.

Неподалеку от пепелища дома лежал Максимыч. Он уже не дышал. Яшка взглянул на тело и отвернулся. Крюков догадался почему. Максимыча убили все тем же способом — разрывной пулей в голову. Вместо глаз у него чернели пустые окровавленные впадины. Рядом валялся его автомат. Крюков поднял его и передернул затвор. Он не ошибся, перекокс патрона оказался для старика роковым.

Они закопали Максимыча на краю поляны под высоким приметным дубом. Так, чтобы позже можно было перевезти его прах на кладбище. После этого вернулись к своим. Те уже начали проявлять признаки нетерпения.

— Что так долго? — спросил Олег.

— Максимыча хоронили, — ответил сыщик.

— Понятно. Заимки больше нет?

— Только пепел.

Все замолчали, каждый по своему обдумывая случившееся.

— И куда мы теперь? — грустно вздохнула Юлька.

Крюков вышел из оцепенения и запустил двигатель "рябухи".

— Я тут знаю одно местечко неподалеку. Думаю, там нас примут. Но только при одном условии.

— А что, это условие какое-то особенное или трудновыполнимое? — встревожилась Светлана.

— Для меня оно практически невыполнимо, а как для вас — не знаю.

— И что это за условие?

— Не бить древнего китайского фарфора.

— Что же тут сложного? — удивилась докторша.

— Не знаю, но у меня это почему-то никак не получается, — признался Крюков и тронул машину.

Он переглянулся с Олегом. Оба понимали, что от мелких стычек Папа перешел к настоящей войне.

ГЛАВА 5

Крюков оставил Орлова с его женщинами в доме ценителей китайской керамики. Хозяева были только рады оказать своему спасителю эту небольшую услугу. Дом был просторный, места хватало всем.

Сам опер вместе с Яшкой вернулись в город. Здесь, поплутав немного по незнакомым улицам, Крюков нашел адрес, полученный им от Юльки. Оставив Яшку в машине, сыщик поднялся на третий этаж и позвонил.

— Чего надо? — отозвался из-за двери хриплый сонный голос.

— Привет от брата принес, — ответил Крюков.

Дверь открылась.

— С того света, что ли?

На пороге стоял Отмороз. В руке он держал короткий обрез охотничьей двустволки. Он неприязненно взглянул на сыщика. Узнал, опустил обрез и пригласил.

— Заруливай. Можешь не разуваться.

Отмороз, безвольно опустив плечи и по-стариковски волоча ноги, прошлепал на кухню. Крюков проследовал за ним. На заваленном окурками и колбасной шкуркой столе стояла ополовиненная бутылка водки и стакан.

— Брата поминаешь? — спросил сыщик.

— Угадал, — Отмороз достал с полки еще один стакан и налил водки в оба. — Его и пацанов. Вчера менты их на свалке нашли. Папины шестерки их на куски порвали. Так что один я остался, даже выпить не с кем. Давай.

Он одним махом опрокинул стакан в глотку. Закусывать не стал, взял с блюда дымящуюся сигарету и жадно затянулся. Крюков после секундной заминки тоже выпил водку. Закусывать было нечем, запивать он не привык.

— Папе должок вернуть не хочешь? — спросил он взгрустнувшего хозяина.

— А? Смеешься?

— Нет, я серьезно. Третьим будешь? Или пулеметик хоть какой-никакой подбрось, а то у нас со стволами напряг. Если не мне, то хотя бы другу.

Отмороз посмотрел на сыщика совершенно трезвым взглядом.

— Если не прикалываешь, то пошли. Пулемета я вам не дам, ясный перец. Сам возьму. А тебе мы что-нибудь подберем.

Он поднялся и исчез, как показалось Крюкову, в ванной. Вскоре оттуда донесся грохот рухнувшего железного корыта. Через минуту Отмороз вернулся, сжимая в одной руке ручной пулемет Калашникова с круглым барабанным магазином, а в другой самый настоящий "мини-узи". Маленький автомат он протянул сыщику.

— Этого для друга хватит?

— Вполне, — кивнул Крюков.

Его самого вполне устраивал его скорострельный пистолет с его трехпульными короткими очередями.

— Для начала я хочу повидаться с Жорой, — сказал Крюков, когда все трое членов диверсионной группы разместились в машине. — Где он сейчас обитает?

— Я слышал, они в шашлычной возле рынка окопались, — сообщил Яшка.

— Это где ты мне нос сломал, — напомнил Крюкову Отмороз.

— Тогда поехали.

* * *

Жора с перебинтованными рукой и ногой сидел в недавно отвоеванной шашлычной, ставшей новой штаб-квартирой банды. Ехать к Папе он просто боялся. Если тот пообещал в случае неудачи с Петролом оторвать Жоре голову, значит оторвет. Не сам, конечно. Те же Ибрагим с Артуром постараются.

Сейчас у Жоры не оставалось иного выхода, кроме как поднять бунт и отделиться от Папы. Дело, конечно, обреченное, голимая беспонтовка, но он и сам теперь был смертником, а на бычье ему было наплевать — мясо и есть мясо. Этих убьют, другие придут. Как пионеры-герои.

А Папа своих угроз не забывает. Он мужик не злопамятный. Убьет кого, и тут же забудет. Но не раньше. Значит надо драться, авось кривая вывезет. Хуже-то все равно не будет, потому как хуже некуда.

Жора дал команду своей бригаде собраться в шашлычной и теперь с нетерпением ждал прибытия всех бойцов. В зале собралось уже человек восемь-десять, когда дверь вдруг открылась и на пороге возник Яшка.

Во время перестрелки у больницы Жора не мог его видеть, так как Яшка не выходил из кустов, а потом Жоре вообще стало не до наблюдений. Но Жора знал Яшку как нового папиного киллера. Не прислал ли сейчас босс его за жориной головой?

Но Яшка прошел через зал и демонстративно уселся за барной стойкой.

— Пива, — велел он.

Халдей тут же налил ему кружку. Яшка отпил, сморщился и посмотрел напиток на свет.

— Попахивает мочой, — заметил он.

Бармен побледнел. Не понял юмора.

Сзади на плечо Яшки легла тяжелая рука.

— Здорово, рома, — Жора опустился на соседний табурет. — Ты что, пиво пьешь?

— А что мне, газированную воду пить? — усмехнулся Яшка.

Но и Жора не понял юмора.

— Ты уже слышал, что барон за тебя и Кармен двадцать штук обещал?

Яшка сделал большой глоток пива.

— Их еще получить надо. Где моя жена? — спросил он.

Жора подсел ближе.

— Будь другом, рома, положи свою пушку на эту стойку и отодвинь подальше. Так мне будет спокойнее.

Яшка молча извлек свой "ТТ" и выполнил просьбу бригадира. Жора немного расслабился и продолжил.

— Папа отправил твою жену к мэру Горкину. Зачем? Думаю, ты сам не дурак, догадаешься. Стоит ли умирать за того, кто тебя предал?

Яшка посмотрел ему в глаза.

— Думаю, не стоит, — медленно произнес он. — Ты хочешь мне что-то предложить?

— Типа того. Я отделяюсь. Хватит, надоело плясать под папину дудку. Сегодня ты на него горбатишься, а завтра не угодишь по ерунде, так тебя за яйца повесят, причем твои же кореша. Потому что если они замешкаются, то за яй-

ца будут вешать уже их самих. Тебе нравится такая жизнь?

Яшка снова помолчал, потом выговорил.

— Нет.

— Тогда может быть присоединишься ко мне? Мне нужны такие крутые пацаны как ты.

Яшка снова выдержал паузу и снова брякнул.

— Нет.

— Почему? — напрягся Жора.

— Я сам по себе. Кроме того, у тебя проблемы.

— Да пошел этот Папа!... - начал было Жора, но Яшка перебил его.

— Я не о нем. Ты сидишь в заведении Петрола. Ты наехал на него. Петрол сейчас в больнице, — Яшка намеренно не продемонстрировал своей осведомленности, — но у него есть друг. Это тот самый "ковбой", которого так ищет Папа.

— Ты его видел? — Жора уперся своим взглядом в глаза Яшки.

— Да. Только я знаю его в лицо. Так вот, я его видел тут, недалеко отсюда.

Жора напрягся.

— И что он делал?

— Сдается мне, он шел в эту сторону, — сказал Яшка и поднялся, небрежным движением извлекая припасенный "узи". — И просил тебе кое-что передать.

В тот же момент двери шашлычной распахнулись от сильного удара ногой и на пороге возник Крюков.

— Привет, пацаны, — сказал он. — А я из милиции.

Резкий звон отвлек внимание братвы от незваного гостя. Это в разбитое окно шашлычной сунулся ствол пулемета, за которым проглядывало довольное лицо Отмороза.

Кинжальный огонь срезал пару-тройку бандитов, остальных же прижал к полу. Каждый, кто пытался привстать или достать оружие, оказывался прошит очередью. Крюков с друзьями заранее разбили помещение шашлычной на три сектора и внимательно контролировали свои участки.

Но поскольку бандиты привыкли сначала действовать, а только потом думать, то рано или поздно каждый из них сморозил одну и ту же глупость — дернулся или потянулся за стволом. Так или иначе, спустя пять минут после начала битвы, практически каждый валялся мертвым или доходил.

Жора доказал свое право руководить своим тупоголовым воинством. У него, единственного, хватило ума сохранять неподвижность. А, может быть, у него болели простреленные Крюковым конечности.

— Прикройте! — Крюков ступил на середину зала.

Яшка и Отмороз бдительно следили за пространством шашлычной, готовые послать пулю в любой движущийся предмет. Крюков подошел к Жоре и присел рядом с ним на корточки.

— Помнишь меня? — спросил он.

По глазам раненого бригадира понял, что не помнит.

— Вспоминай: Москва, Мясоруб, склад на бойне, где вас менты зажали. Ты там был с Ибрагимом. Теперь вспомнил?

— Не был я в Москве и никакого Мясоруба не знаю, — всхлипнул Жора.

— Что с ним? Спросил подошедший к ним Отмороз.

— Плохо дело, совсем память потерял, — вздохнул Крюков. — Придется лечить.

Отмороз также наклонился к Жоре и спросил.

— Может ты не помнишь и то, как моих братков на куски резал? Нет? Тогда давай мы тебе укол сделаем.

И, не дожидаясь согласия, подхватил с пола вилку с длинными зубцами и воткнул Жоре под ребра. Тот округлил глаза от боли.

— Ну как, восстановил память? — Отмороз покрутил вилку.

Жора взвыл как коммунист, потерявший партбилет.

— Так ты был в Москве у Мясоруба, когда его менты обложили? — повторил свой вопрос Крюков.

— Да...

— Когда вы уходили через подвал, менту в голову разрывными пулями ты стрелял?

— Не убивал я его, — взмолился Жора.

— А кто убил?

Жора присмотрелся к сыщику и вдруг захохотал.

— Ты и убил! Теперь я тебя узнал... Ты ведь сам мусор, тоже там был... Ты его и грохнул. Все вы, мусора, суки продажные...

— Что ты несешь?! — заорал Крюков. — Кто из вас патронами с разрывными пулями стрелял?

— Ствол у Ибрагима был, а убил ты... Я тебя узнал... Не будь сукой, вызови "скорую"...

Крюков не был садистом, он вообще не терпел насилия. Но на практике давно сделал один вывод — если жалеешь уродов, значит не жалеешь нормальных людей. Поэтому он все еще работал в милиции, хотя давно мог уйти в частные структуры на хорошие деньги.

Он повернулся и пошел к выходу. За спиной раздалась короткая очередь, прерванная предсмертным жориным вскриком. Но сыщика это уже не интересовало. Ему нужен был Ибрагим. И Папа.

Война продолжалась.

* * *

"Рябуха" стояла на обочине ночного шоссе без габаритных огней. В темном салоне на передних сиденьях дремали Крюков и Яшка. Сзади развалился Отмороз. Он рассказывал

— Знаете, кто мне информацию сливал? Ибрагим. Он свой канал доставки наркоты по тихому прокладывал, потому и хотел, чтобы мы машину с грузом для Папы забили, — он посмотрел на часы. — Сейчас должна появиться.

В конце прямого участка дороги показали огни фар. Крюков пригляделся.

— "Газель", — сообщил он. — Наша?

— Она, — подтвердил Отмороз. — Левый подфарник не горит.

— А засады там быть не может? — осторожно предположил Яшка.

— Нам по барабану, — успокоил его Крюков. — Нам их груз не нужен. Мы его будем не захватывать, а уничтожать. Впрочем...

Сыщик замолчал. Яшка понял причину его заминки.

— Договаривай.

— Может все-таки угоним фуру и предложим Папе обменять наркоту на Кармен?

Яшка вдруг как-то странно посмотрел на него.

— Это не нужно. Я думаю, ее уже нет в живых.

— Почему?

— Живой она с ними ни в постель не ляжет, ни к барону не вернется. А других вариантов я не вижу. Если Папа меня продал, то и ее тоже. Может быть меня чуть раньше.

Отмороз сел и потянулся к ручке двери.

— Тогда и церемониться нечего. Я там тебе в багажник "муху" бросил. Дай ключи, я достану.

Крюков аж подскочил на своем водительском сиденье.

— Ты что, охренел? А если бы нас менты по дороге остановили и обшмонали?

Отмороз не обиделся, только проворчал.

— Фигня, откупились бы. Первый раз, что ли?

Крюков только руками развел и бросил ему ключи.

— Иди, вооружайся. И мы пошли.

Когда до "газели" оставалось метров десять-пятнадцать, Крюков врубил дальний свет. И тут же Яшка дал очередь по кабине. Водитель "газели" ударил по тормозам, а с пассажирского сиденья загремели ответные выстрелы. Пули зацелкали по броне "рябухи", одна вдребезги разнесла фару.

Отмороз, спокойный как самурай перед вспарыванием собственного живота, изготовил к бою трубу "мухи". Выстрел противотанкового гранатомета превратил "газель" в столб пламени. Из пассажирской двери вывалился человек в милицейской форме и растянулся на дороге. Крюков узнал его по гигантским размерам.

— Красномырдин, ползи сюда, убивать не будем! — позвал сыщик.

Но огромный сержант не подавал признаков жизни. А через несколько секунд его накрыло новым взрывом — видимо рванул бензобак.

— Папа наверно обидится, — высказал смелую догадку Яшка.

— Очень на это надеюсь, — эхом отозвался Отмороз.

— Аминь, — подвел итог Крюков. — А если мы, блин, не ту телегу забили?

К счастью, они не ошиблись. В огне горело целое состояние. Для Папы этот удар оказался, хоть и не смертельным, но весьма болезненным.

* * *

— Бабки нужны, — заявил наутро Отмороз. — Папу без доброй зброи не возьмешь. Врагов у него в городе, конечно, хватает, но свои руки пачкать никто не захочет. Дураков нет.

— Я своим друзьям в ветеранскую ассоциацию звякну, — предложил Олег. — Они помогут.

— Чем? — оскалился Отмороз. — Людьми? Бабками? Хрен дождешься. Посочувствуют, этим и ограничатся.

— Тогда Илье. Он не откажет.

Но разговора с партнером у Олега не получилось. Осин сразу дал понять, что на него Олег может не рассчитывать.

— Ты меня так подставил! — заныл Илья. — По твоей вине Папа наехал на нашу фирму, а вместе с тобой и меня по миру пустил. И после этого ты прошишь какие-то деньги? Моя жизнь накрылась медным тазом. Я дома не ночую, а ты требуешь какие-то деньги! Слушай, Олег, имей совесть...

Олег имел не только совесть, но и память. И все же не стал напоминать бывшему партнеру, что когда-то нашел его буквально на помойке, где тот выполнял функции учетчика, и что своим состоянием он обязан именно ему. Воистину, мечта раба — плюнуть в рожу своему благодетелю. Осин по своей натуре был рабом, и с этим ничего нельзя было поделать.

— Надо Зарькову позвонить, — предложил Крюков.

— А ты откуда его знаешь? — удивился Олег.

— Так, в одном прохладном месте познакомились, — отговорился Крюков.

Зарьков, как и обещал, деньги приготовил и только ждал возможности их передать. Они договорились встретиться через час в офисе Зарькова.

— Нам никто не помешает, время позднее, кроме меня и охраны здесь никого не будет.

Ехать решили вдвоем, Крюков и Олег. Ему не мешало немного размяться и подышать воздухом. В последнюю минуту в сопровождающие набился Отмороз.

— Мало ли что? За бабками все-таки едем.

Крюков не стал возражать. До конторы Зарькова они добрались спокойно. Крюков и тут оказался верен себе, оставив "рябуху" за углом в переулке.

— А как я туда доковыляю? — поинтересовался у него Олег. — Ты давай не перестраховывайся, а подъезжай прямо к парадной двери. Хватит прятаться. Мы, в конце концов, не грабить приехали.

— Вот именно, — согласился Крюков. — Если бы грабить, я бы тачку перед дверями поставил. А так — не фигу за врага его работу делать.

— Ты что, Зарькова подозреваешь? — удивился Олег.

— Не то, чтобы подозреваю, — протянул Крюков. — Но пока Папа живой, я считаю себя на тропе войны. Со всеми вытекающими и втекающими. Сиди в машине и не рыпайся, Зарькова я сюда приведу.

— А я помогу, если сам идти не захочет, — вставил веское слово Отмороз.

Офис Зарькова, как тот и пообещал, встретил их пустотой и полумраком. Охранник скучал, перекатывая между щеками жвачку. Через расстегнутый воротник виднелась толстая цепь.

"Неужели золотая?" — подумал Крюков, проходя мимо него.

— Мы к Зарькову, он нас ждет, — сообщил сыщик.

Вопреки его ожиданиям охранник не стал никуда звонить или проверять документы, а сразу махнул им.

— Проходите.

"Или ленивый как космонавт, или Зарьков предупредил его о нашем приходе", — снова отметил про себя Крюков.

В лифте он услышал над ухом тихий шепот Отмороза.

— Приготовься.

— Думаешь хомут? — так же тихо спросил опер.

— А ты когда-нибудь видел, чтобы охранник на шее голду в полкило таскал?

Крюков как можно незаметнее, так как лифт мог быть оборудован видеока-

мерами, достал свой "пернач". Отмороз также плавно скинул с плеча автомат, который носил под курткой, и примкнул к нему рожок магазина.

- Кабинет Зарькова из лифта налево. Я впереди, ты страхуешь. Бегом, — предупредил Крюков.

Как только лифт замер на этаже и начал открываться, Крюков рванул как на стометровке. Отмороз не отставал и при этом ухитрялся смотреть за спину. Зарьков сидел в кресле. Голова его была слегка откинута и покоилась на подголовнике. Крюков не удивился, увидев черные впадины его глазниц. Только мельком заглянув в кабинет, он дал Отморозу команду.

— Уходим.

Тот также был готов к неожиданностям и моментально среагировал. Крюков имел полезную привычку, впитанную в кровь со времен детских игр в казаки-разбойники. Попадая первый раз в новое место, он всегда непроизвольно отмечал пути аварийного отступления. И сейчас он повел Отмороза к черной лестнице, которую заметил во время первого посещения

— Будь готов, — предупредил он напарника.

Пока сыщика и Отмороза спасала нечеловеческая оперативность. Противник явно рассчитывал на их замешательство и временную растерянность. Они же своими молниеносными действиями сработали на опережение.

Глупо было надеяться, что на черной лестнице не догадаются выставить людей. Поэтому, распахнув дверь ударом ноги, беглецы тут же в два ствола залили пространство лестницы ураганным огнем.

Грязная площадная брань, перемежаемая жалобными стонами, послужила подтверждением этому.

Скользя на крови и спотыкаясь об убитых и раненых они рванули вниз. Неожиданно Отмороз выругался и опустил на ступеньки.

— Ты что? — затормозил Крюков.

— Биздец, ногу сломал, — простонал Отмороз, сжав зубы.

— Давай потащу, — Крюков подхватил его под руку.

— Нет, — напарник с силой оттолкнул его. — Вали отсюда, а то прошью!

Сверху слышались голоса папиных бойцов. Крюков увидел, что Отмороз направил ствол своего автомата прямо ему в лоб.

— Вали, я продержусь сколько смогу. Мне тут все равно делать нечего, все мои уже там, меня ждут. Прощай, братуха!

— Прощай!

Крюков повернулся и устремился вниз. Пока он не добрался до выхода, сверху на его уши давил грохот непрекращающихся выстрелов и очередей. Это была музыка варварского траурного марша. И меньшего Отмороз не заслужил.

Орлов ждал в машине с включенным двигателем. Сыщик плюхнулся на сиденье и рванул с места.

— Ты один? — спросил Олег.

— Нет, нас двое, — сквозь зубы процедил Крюков. — Ты и я.

Только сейчас он заметил, что Олег едва держится, чтобы не завалиться с сиденья. И прибавил газу.

Папе было очень плохо. Уничтожение машины с наркотиками выливалось в весьма круглую сумму. Но еще обиднее было сознание того, что во всем виноват он сам. В старые разбойные времена Папа отправлял грузы под надежной охраной, следом пускал одну, а то и две машины сопровождения. Но в последнее время недопустимо расслабился.

К тому же Горкин не раз заверял его, что одного такого охранника как Красномырдин за глаза хватит, чтобы отвадить как мелких гангстеров, так и не в меру ретивых правоохранителей. Да и какой сумасшедший стал бы связываться с Папой? А вот, поди же, нашелся такой.

Папа в ярости набрал номер мэра. Его и Афиногенова он считал главными, после налетчиков, виновниками потери ценного груза.

— Слушай, муд...к, ты знаешь, на сколько мы попали? — начал он без обычных предисловий.

— Кто это "вы"? — не понял мэр.

Или только сделал вид, что не понял?

— Мы — это, в первую очередь, ты и я. На остальных мне насрать. Имей в виду, я разбросаю убытки на всех. И на вас с Афиногеном в том числе. Не фигу на моем хрене в рай кататься!

И, не дожидаясь ответа, бросил трубку. Потом вызвал к себе Артура. Тот в последнее время выглядел нездоровым. Похудел, под глазами появились лиловые круги.

— Вот что, сынок, — начал Папа. — Хочу поручить тебе одно небольшое дельце. Помнишь того бздливого фраера, компаньона Петрола из "ОИЛ — ПЕТРОЛ"? Нужно будет с ним немного поработать.

Артур превратился в одно большое ухо.

* * *

По возвращении из неудавшегося рейда к Зарькову Олегу стало хуже. Каково же было удивление Крюкова, когда на мобильник Петрову позвонил его блудный компаньон Осин. Крюков сам взял трубку и сказал, что Олег подойти не может.

— Ты извини, старик, — смущенно сказал Илья. — Я в тот раз погорячился. Но и ты должен меня понять. У меня сейчас сплошные проблемы. Во-первых...

— Ты позвонил, чтобы пожаловаться на жизнь? — бестактно перебил его сыщик.

— Нет, конечно нет, — Осин окончательно смешался. — Просто я хотел извиниться и предложить некоторую сумму. Если вы, конечно, еще не нашли...

— Мы не нашли. Зарькова убили, — снова оборвал его изливания Крюков. — Сколько ты можешь дать?

— А сколько вам нужно?

Крюков невольно усмехнулся.

— Сколько ни дашь, не будет хватать еще столько же. Где встретимся?

Осин предложил тихую улицу на окраине города.

— Я буду ждать тебя в белом "мерседесе", — предупредил он. — Через час.

Через пятьдесят восемь минут Крюков вышел из подъезда рядом с оговоренным местом и постучал в сильно затемненное стекло машины Осина. То открыл ему правую переднюю дверь. Крюков сел.

— Ты уже давно здесь? Не доверяешь? — Осин с трудом сумел выдавить жалкую улыбку.

— Ты привез деньги? — спросил сыщик.

Осин протянул ему пакет из плотной бумаги.

— Да, вот здесь то немногое, что я смог собрать.

Крюков заглянул в пакет и покачал головой.

— Да, смог ты действительно немного. Но все равно спасибо.

Он собрался вылезти.

— Постой, — Осин дотронулся до его плеча.

— Что? — сыщик обернулся к нему.

— Ты так и уйдешь? — обескуражено спросил бизнесмен.

Крюкову показалось, что тот просто тянет время.

— А ты хотел предложить мне кофе, сигару, рюмку ликера? Каплю саке или, может быть, девочку на ночь?

— Я... Я хотел спросить как там Олег.

— Если соберешься прислать цветы, то их должно быть нечетное количество. Во всяком случае пока...

Крюков окончательно понял, что собеседник чего-то ждет. Глянув по сторонам, сыщик заметил как в дальнем конце улицы показался серебристый "чероки" и медленно тронулся в их сторону.

— Кстати, Олег тоже просил передать тебе небольшой сувенир. Браслетик на память.

Сыщик внезапно накинул на запястье Осина браслет наручника, другой же пристегнул к рулевой колонке.

— Ты... Что ты делаешь?! — глаза бизнесмена наполнились ужасом.

Крюков изобразил церемонную улыбку.

— Ничего особенного, просто проверяю одну догадку. Если через пять минут ты еще будешь жив, я верну тебе свободу. А пока прощай!

Сыщик ужом проскользнул на заднее сиденье, открыл дверь, выходящую на тротуар и выкатился из машины. Другим кувыркком он достиг более-иенее надежного укрытия — прямо за передним колесом "мерседеса". Здесь он затаился и принялся ждать.

Собственно, долго ждать не пришлось. Не успел Крюков сосчитать до десяти, как на машину, за которой он прятался, обрушился шквал свинца. Пули буквально выпотрошили салон "мерседеса", уничтожив все живое внутри него.

"Только бы в бак не попали", — мысленно заклинал стрелков Крюков.

В бак не попали. Киллеры стреляли с близкого расстояния, поэтому устраивать из мишени фейерверк в их планы не входило. Крюков дождался, пока убийцы отъедут на приличное расстояние и на четвереньках, чтобы не быть замеченным, метнулся к своей "рябухе". Вскоре он уже рулил в тот переулок, где в последний раз блеснула серебристая корма джипа.

"Так кто был прав?" — мысленно подвел Крюков своей дискуссии с Осиным.

Серебристый "чероки" уходил все дальше от города в сторону "Чертова Табора". Крюков держался позади на приличном расстоянии. Только отъехав немного от города, он позволил себе сократить дистанцию до минимума.

Крюков не стал играть с бандитами в кошки-мышки. На первом же поворо-

те он прижался к джипу и выдавил его с трассы на обочину. Бронированный мастодонт Крюкова без натуги поддел полуторатонный джип и сбросил его в кювет. Не так давно он проделал подобный цирковой номер с "маздой" дорожных пиратов.

Джип лежал на боку. Крюков забрался на его борт и открыл дверь водителя. Кроме водителя, пристегнутого ремнями безопасности, никто из экипажа признаков жизни не подавал. Отсегнуть от кресла и вытащить толстого Артура через ставшую верхней дверь было для Крюкова непосильной задачей, поэтому он разбил ногой лобовое стекло, а ремни безопасности просто, хотя и с трудом, перерезал.

Когда сыщик выволакивал свою добычу, то с удивлением заметил. Что толстяк в полузабытьи тянется к бардачку. Крюков подумал, что там лежит пистолет или что-то очень важное, но, открыв его дверцу, не обнаружил ничего кроме видеокассеты.

Крюков затолкал Артура в багажник, кассету же на всякий случай бросил на сиденье и направился на свою временную базу.

* * *

— Артур, где Кармен? Где моя жена? Папа отправил ее к твоему отцу?

Яшка уже в который раз задавал толстяку этот вопрос, но в ответ получал только дикий взгляд вытаращенных глаз и сопение.

Любители китайских древностей выделили беженцам отдельный домик, бывший когда-то большим сараем. В домик было проведено электричество, здесь стоял не только холодильник, но и телевизор с видеаком. Хозяева объяснили, что в домике живут их многочисленные родственники, когда приезжают в гости.

Стояла глубокая ночь. Светлана, Олег и Юлька крепко спали в дальней комнате. Крюков с Яшкой безуспешно допрашивали привязанного к стулу Артура. Рот толстяка был заткнут кляпом, но ему объяснили, что когда он надумает, то может дать сигнал. Но тот только сопел и таращился.

— Почему он молчит? — удивлялся Яшка. — Может и правда не знает?

— Не поверю, — покачал головой Крюков. — Не нравится мне что-то такая стойкость. Ладно, пусть отдохнет, а мы давай пока кассету посмотрим, которую я у него в бардачке нашел.

Крюков включил телевизор и воткнул кассету в щель видеоманитофона. Он не заметил как за его спиной еще больше округлились глаза толстяка.

— Что там, кошмарик или порнушка? Мажемся? — предложил Яшка.

Но первые же кадры заставили его прикусить язык. В кадре появилась странная комната с кирпичными стенами. В центре кадра была большая белая ванна. В ней лежала связанная по рукам и ногам Кармен. Вслед за этим в кадре возникла улыбающаяся харя Артура.

"Уважаемый барон, — сказала харя, — в соответствии с вашими пожеланиями я сейчас буду убивать эту красотку самыми мучительными способами, которые только можно придумать. Надеюсь, за мои старания вы немного повысите мой скромный гонорар".

После этого началось неопишное. Все то, о чем толстяк рассказал своей жертве в предвкушении расправы над ней, он претворил в жуткую действи-

тельность. Сначала Кармен кричала и пыталась вырваться, потом могла только стонать и чуть вздрагивала. Стоны ее становились все тише и тише, пока, наконец, не смолкли совсем. И вдруг глаза умирающей раскрылись, она взглянула прямо в объектив видеокамеры и отчетливо произнесла: "Сожги. Все сожги". Больше она не говорила и не двигалась, но жила еще несколько долгих мучительных минут.

Крюков и Яшка продолжали молча сидеть перед экраном, когда запись уже давно закончилась. Наконец Яшка рывком поднялся.

— Постой, что ты хочешь делать? — спросил Крюков.

— Убивать его буду, — простым будничным голосом сказал Яшка. — Кармен просила его сжечь.

Крюков на миг задумался.

— Ладно, мы его сождем. Но только изнутри. Снаружи он нам понадобится целым.

— Как это? — не понял Яшка.

— Сейчас увидишь. Тащи удлинитель, я его в сарае видел. Только не шуми.

Они отволокли трясущегося от страха толстяка в дальний угол огороженного забором участка. Здесь Крюков содрал с него штаны вместе с трусами. Яшка протянул от дома длинный провод. Крюков схватил толстяка за руку и вытянул ее. Тот побелевшими глазами с ужасом наблюдал за его действиями. Крюков сжал зубы и перевел дух. Сейчас он ненавидел себя за то, что собирался сделать. Но еще больше ненавидел он жирное тело, содрогающееся сейчас у его ног в пароксизмах паники.

В руке Крюков сжал длинную иглу. Ей он нанес несколько уколов в локтевой сгиб сначала одной, затем другой рыхлой руки мэрского сынка. Тот взвизгнул, что было слышно даже сквозь кляп.

Это будет означать передозировку, — объяснил он Яшке.

Потом недрогнувшей рукой он ввел в задний проход толстяка оголенные концы проводов и протолкнул их как можно глубже в недра его туши.

— Врубай электричество, кивнул Крюков Яшке.

— А не закоротит?

— Не должно.

Не закоротило. Артур Горкин бился в судорогах в течение получаса. Смерть его была страшна. Крюков подумал, что еще одной такой казни не переживет он сам. Инсульт добьет или кошмарные сны замучат.

"Значит надо общаться только с хорошими людьми, а не с подонками", твердо решил он для себя на будущее.

* * *

Тело Артура они в ту же ночь выбросили на задворках разгромленной шашлычной. Наутро городская газета вышла с траурным некрологом. В нем сообщалось, что весь город понес невосполнимую утрату и безвременная кончина молодого перспективного бизнесмена и политика есть трагедия каждого сознательного гражданина.

Папа безуспешно пытался дозвониться до мэра. Наконец посланные к нему гонцы доложили: Горкин-старший заперся в своем загородном доме и пьет по черному.

Папа срочно вызвал к себе Ибрагима.

— Все, наш мэр спекся. Теперь и сам утонет, и нас за собой потянет. Немедленно отзови наших людей из его охраны. Пусть его теперь Афиноген со своими ментами ментами охраняет!

Спустя час в городской отдел милиции позвонил неизвестный хулиган.

— Афиногенов, если дорог тебе твой мэр, можешь сам его охранять. Я не сторож мэру моему, заявил он гадким голосом.

Дежурный по отделу долго думал о том, как ему поступить. Решил посоветоваться со старым служакой, прапорщиком, дежурившим вместе с ним.

— А ты проверь. Если это правда, пошли мэру охрану из наших, — предложил тот.

— Без полковника Афиногенова такие вопросы верхнего уровня я решать не имею права, возразил дежурный.

— А где он?

— Жену из больницы поехал забирать. Сказал, чтобы сегодня не беспокоили, даже если война начнется.

— Поздравь полковника и передай, что война давно началась, — усмехнулся в усы прапорщик.

* * *

Юлька привезла Крюкова и Яшку в особняк мэра. Она важно восседала рядом с опером и указывала, куда рулить. К удивлению прибывших дом выглядел брошенным. Крюков оставил "рябуху" за забором и все прошли во двор особняка.

Дом и в самом деле оказался пустым. Услышав странный звук, они пошли в его сторону. Не сразу они поняли, что это храп. По храпу они и нашли мэра на полу его собственной спальни, совершенно пьяным.

После этого разведчики спустились во двор.

— Тут меня держали, — Юлька указала на дверь в цоколе, определенно ведущую в подвал. — Пошли покажу. Там у меня даже ванна стояла...

— Ванна? Постой, — Крюков придержал ее за руку. — Яша, поддержи ее здесь, я один спущусь.

Яшка почему-то без слов подчинился распоряжению сыщика. Он боялся того, что может оказаться внизу.

Из подвала Крюков вернулся он белый как мел.

— Отведи Юльку в машину и запри, пусть там ждет, севшим голосом произнес он. А этого гандона упакуй в багажник, — указал он на пьяного мэра.

Потом он взял Яшку за плечо, посмотрел ему в глаза и твердо сказал.

— Пойдем, она там.

В подвале стоял невыносимый смрад. Стены его и низкий потолок были сплошь забрызганы бурыми потеками и брызгами плотного вещества, видимо мозга. Кармен, вернее то, что от нее осталось, лежала в ванне. Вокруг нее в грязной воде, перемешанной с кровью, плавали испражнения и кишки, вырванные из распоротого живота.

Узнать ее было невозможно. Глаза были выколоты, нос и губы отрезаны. Крюков боялся, что Яшка упадет в обморок. Во всяком случае сыщик не удивился бы такому исходу. Но тот поразил его своим поступком.

Яшка упал на колени пред грязной ванной. Он погрузил руки в черную от крови, фекалий и разлагающихся внутренностей воду, обнял тело жены, приподнял его и припал губами. Он целовал ее изорванные глазницы, белеющие местами кости черепа, сползающую со щек кожу и жутко оголенные зубы.

Крюков повернулся и вышел на улицу. Потом прошел в дом мэра, поднялся в гостиную, нашел в баре самую большую бутылку виски и выглушил ее до дна в несколько приемов. Другую такую же прихватил для Яшки.

Он не знал, сколько продлилось прощание Яшки и Кармен, но когда тот вышел из подвала, вид его был страшен. Крюков протянул ему бутылку, но Яшка отвел его руку в сторону.

— Не надо.

— Ее надо забрать с собой и похоронить, — сказал Крюков

— Нет, — еле слышно выговорил Яшка.

— Как нет? — опешил Крюков. — Что же, так ее здесь и бросить?

— Не бросить. Сжечь. Она как-то говорила, что если умрет, хотела бы, чтобы ее сожгли на огромном костре. А прах развеяли по ветру.

— Она в Бога верила? — спросил Крюков.

— Верила, только по-своему.

Крюков сел и задумался. Потом вскочил.

— Будет ей костер.

Они осторожно достали останки красавицы из ванной, положили ее на дорогой ковер, взятый в спальне мэра, и вынесли на плоскую крышу солярия. При этом Крюков почему-то совсем не обращал внимание на запах, исходящий от покойницы.

В гараже нашлись четыре полные канистры бензина. Крюков и Яшка аккуратно полили все комнаты и крышу дома. Отъехав в лес, они остановились и вышли из машины.

Над особняком мэра высоко поднималось пламя. Минута молчания затянулась на полчаса.

— Вы не нашли Кармен? — с надеждой спросила молчавшая до сих пор Юлька.

— Нет, — сказал Яшка. — Ее там не было.

Крюков подошел к багажнику и вытащил оттуда почтенного отца города. Швырнул его на землю и пнул. Горкин пьяно икнул и принялся блевать. Юлька безглаголиво сморщилась.

— Вот урод!

— Иди в машину, — велел ей Крюков.

Потом повернулся к Яшке. Яшка посмотрел на опера.

— Что с этим делать будем? — спросил он.

— Делай что хочешь, он твой, — уставился в землю Крюков.

— Тогда увези Юльку. Подождите меня за поворотом, я вас скоро догоню.

И Яшка обнажил большой кавказский кинжал с посеребренной рукояткой, который так неосмотрительно вручил ему с иудиной улыбкой Папа.

— Передавай привет сынку, — злобно оскалился Яшка, взглянув на Горкина.

Тот враз протрезвел и с нескрываемым ужасом уставился на сверкающий клинок.

ГЛАВА 6.

Ночью в городе произошло невероятное по цинизму преступление. Постовой, дежуривший возле здания городского отдела милиции, увидел как прямо посреди улицы лихо, с разворотом затормозила старая "волга". В темноте он не смог точно определить цвет и разглядеть номера машины. Из задней двери на асфальт прямо перед зданием горотдела выпал или был выброшен большой, в человеческий рост, предмет, упакованный в пленку для дачных парников. После этого не установленная "волга" снова резко набрала скорость и скрылась. В городе был объявлен план "Перехват", который, как обычно, не дал никаких результатов.

Постовой тут же вызвал подкрепление. Дежурный по отделу запретил трогать мешок из-за опасения террористического акта. Кто знает, может в нем гексоген с сахаром? И только после того как по радиации объявили о пожаре в доме мэра, кому-то из нижних чинов пришла в голову крамольная мысль.

— А может это он?

— Кто? — не сразу понял дежурный.

— Мэр Горкин.

У дежурного от такого предположения сразу отпала всякая охота проявлять какую-либо инициативу и он тут же позвонил начальнику. Афиногенов пришел в негодование оттого, что его будят посреди ночи по всяким пустякам. Но, узнав о случившемся, хмуро распорядился.

— Сейчас буду. Без меня ничего не трогать.

Сверток вскрыли только спустя час после обнаружения. Худшие подозрения подтвердились. В целлофановом мешке лежал мэр. Горло у него было перерезано, а из живота торчала знакомая всем рукоятка кавказского кинжала Ибрагима.

Полковник Афиногенов рвал и метал. По тревоге был поднят весь личный состав вверенного ему подразделения. Собрав людей, полковник обратился к ним с коротким напутствием.

— Я давно говорил, что пора Папе вместе с его отродьем башку скрутить! Их действия переходят всякие границы. Беспредела я не допущу. Отныне в Вяземске объявляется диктатура закона! А закон здесь — я! Всем переодеться в гражданское обмундирование и шагом марш на улицы! Вводится усиленный режим службы — по двенадцать часов. Чтобы из Чертова Табора и обратно даже мышь не проскочила! Блокировать этот гадюшник! У меня все. Вопросов нет?

Вопросов не было. Подчиненным полковника Афиногенова давно не терпелось разобраться с Папой и его наглыми шестерками. Причины были разные, но сейчас все расходились, радостно потирая руки.

* * *

Крюков беспокоился за Яшку. После возвращения с ночной вылазки и превращения особняка мэра в погребальный костер для Кармен тот не проронил ни слова. Сидел, уткнувшись в стену, и тупо глядел застывшими, немигающими глазами.

Крюков пытался вовлечь его в общее дело, заинтересовать. Он уселся ря-

дом с Яшкой и развернул его лицом к себе. Но теперь тот также безучастно уставился на опера. При этом Крюков готов был поклясться, что Яшка ничего перед собой не видит. Взгляд его был устремлен куда-то внутрь себя.

— Сейчас вокруг Папы сжимается кольцо, — начал объяснять Крюков. — Понимаешь? Надо только выждать и он сам упадет. Его достаточно будет просто легонько толкнуть. Но для этого мы должны выбрать подходящий момент. И тогда кто-нибудь обязательно его убьет. У Папы слишком много врагов. Чтобы убить его, выстроится длинная очередь. И может быть мы окажемся в ней первыми.

Яшка вдруг очнулся от забытья.

— Да, убить. Я должен сам его убить. Как мэра. И немедленно!

ТЬфу, снова-здорово! Вся крюковская психотерапия пошла насмарку.

— Убьешь, это я тебе обещаю, — заверил он Яшку. — Только забожись, что без меня никуда не пойдешь. Шагу не сделаешь!

Яшка нехотя дал слово, что без Крюкова на дело не пойдет. Сыщику не хотелось оставлять его одного, но пришлось. Нужно было перепрятать Олега с Юлькой. А тащить с собой двух инвалидов — ротного и Яшку — и одну сумасшедшую девчонку могло оказаться непосильной нагрузкой.

* * *

Несмотря на протесты Олега, Крюков снова отвез его в больницу и сдал с рук на руки Светлане Павловне. Чтобы хоть чем-то занять Юльку, сыщик усадил ее рядом с больным и так проникновенно, как только смог, проговорил.

— Имей в виду, отцу сейчас очень плохо. А по статистике больные чаще умирают не от неправильного лечения, а от плохого ухода. Так что сиди здесь и дальше чем на метр от него не отходи.

— А в туалет?

Крюков заглянул под кровать.

— Тут вон утка есть. Можешь взять напрокат. Имей в виду, я на тебя надеюсь.

Олегу было, конечно, не так плохо, как хотелось бы Крюкову, но отдых для восстановления сил ему действительно был необходим. Поскольку жена полковника Афиногенова благополучно выписалась из больницы, милицейский пост в коридоре был снят. Нужно было позаботиться о надлежащей охране.

В "Ассоциации ветеранов Афганистана, Чечни и других локальных конфликтов" Крюкова встретил совершенно седой, несмотря на относительную молодость, президент ассоциации, его ровесник. Лицо его показалось сыщику знакомым, но он не стал вдаваться в подробности и выяснять, не воевали ли они вместе в Куликовской битве.

Крюков вкратце изложил ему суть проблемы. Седой сосредоточился.

— Нет вопросов, охрану к Олегу мы сейчас направим. Не волнуйся.

Увидев, что Крюков не уходит, Седой посмотрел на него вопросительно.

— Что-то еще? Есть вопросы?

— Вопросы есть, — вздохнул сыщик. — Как же получается, что организация старых, закаленных в войне бойцов позволяет хозяйничать в городе кучке отморозков и наркоторговцев?

Видимо Седому самому не давала спать эта проблема.

— Да что ты понимаешь? — вскипел он. — Приехал из своей Москвы, наломал дров и уехал! Мы и так тут, можно сказать, по краю пропасти ходим. Сейчас полегче стало, а было время — всех собак на нас вешали. Что не так — ветераны виноваты. "Афганский синдром", "Чеченский синдром". И в бандитизме нас обвиняли, и в рэкрете. Ассоциацию чуть не разогнали. Под этот шум Папа и поднялся. А сейчас за место мэра грызня начнется. Мы Олега хотим в мэры двинуть, потому нам чистыми надо быть.

— Чистенькими, — поправил Крюков.

Президент как-то сразу поник, словно ростом ниже сделался. Крюков вышел из его кабинета с определенным мнением. Ветераны ему ничем не помогут. Слишком глубоко зарылись в коммерцию и политику.

* * *

По дороге домой Крюков думал. Он не врал Яшке. Ситуация и в самом деле настолько раскачалась, что Папа мог рухнуть от маленького толчка. Но вся проблема состояла в том, что сам толкнувший мог наверняка погибнуть под обломками. Поэтому каждый из соискателей ждал, что найдется кто-то более нетерпеливый.

Крюков обдумывал, как удержать Яшку от поспешных опрометчивых шагов. И кое-что придумал. Но все, как оказалось, напрасно. Яшки дома не было.

На столе лежала выдранная из блокнота записка. Крюков с трудом разобрал почти детские каракули — цыганские дети в школу не ходят.

"Прощай, Крюк, больше не увидимся. Жалко, так и не узнал твое имя. За все спасибо, Яшка".

У Крюкова защипало в носу от жалости и обиды. Упустил парня!

Крюков схватил телефонную трубку и набрал номер Олега. Тот, судя по голосу, чувствовал себя гораздо лучше.

— Когда Папа хотел заехать к тебе на фирму? — спросил сыщик.

— Сегодня соберется совет акционеров, но не волнуйся. Этого бандита никто не поддержит.

— Я не об этом, — прервал его Крюков. — На какое время назначено совещание?

Наступила короткая пауза — наверно Олег смотрел на часы.

— Должно начаться через полчаса. А что?

Но Крюков уже отключился. Он с трудом петлял по узким улочкам Вяземска на своей "рябухе". Как назло, машин на улицах сегодня было особенно много.

Крюков вылетел на площадь перед офисом "ОИЛ — ПЕТРОЛ", когда кортеж папиных автомашин уже разгрузился. Папа в сопровождении быков и свиты шествовал к дверям фирмы. Вокруг него крутились репортеры двух местных газет, радио и канала телевидения. Все как у больших.

Внешне ничто не говорило о надвигающейся гибели Папской империи. Роскошные автомобили, могучие быки в охране криминального авторитета, все выглядело очень солидно.

Неожиданно в окружении Папы Крюков заметил мелькнувшую шевелюру Яшки. Опер рванулся к нему. Охранники узнали Яшку, поэтому ничего не заподозрили и позволили ему приблизиться к Папе. А Крюкова они, к счастью

для него, не узнали и отсекали на дальних подступах вместе с другими посторонними зеваками. Он не стал прорываться, а поднялся на ступеньки, соседнего магазина, откуда смог рассмотреть происходящее как на ладони.

Сыщик видел как Яшка догнал Папу, как что-то сказал ему. Крюков хорошо разглядел искажившееся страхом лицо старого бандита. Пистолет был у Яшки в руке. Он поднял его и...

Прямо перед ним вырос затылок идиотки с микрофоном. Это была одна из тех вездесущих журналисток, напроочь лишенных чувства собственного достоинства, которые готовы забраться в унитаз, лишь бы набрать материал погорячее и с душком. Пуля из "ТТ" наверняка прошла бы ее насквозь и досталась Папе. Но Яшка не выстрелил.

Эта секунда промедления спасла Папе жизнь. Быки тут же сбили Яшку на землю и принялись окучивать ногами. Толпа вокруг них моментально рассеялась. Папа под прикрытием особо массивных телохранителей мышью проскочил в двери фирмы, а на опустевшем пятачке остался лежать Яшка.

К нему подошел Ибрагим, презрительно плюнул на лежавшего, потом дважды ударил ногой по голове. Не обращая внимание на свидетелей, Ибрагим достал пистолет, прицелился и выстрелил в неподвижное тело Яшки несколько раз.

Тут уж Крюков забыл про все свои мудрые рассуждения. Он выхватил свой "пернач" и дал короткую очередь из трех пуль. Ибрагим схватился за плечо и выронил ствол. А на Крюкова тут же надели милиционеры. Когда сыщика волокли к милицейскому "бобику", он заметил, что те же люди в серых мундирах заботливо ведут бритоголового абрека к машине медицинской помощи.

Когда Крюкова доставили в отдел пред светлые очи полковника Афиногенова, опер прямо спросил об этом.

— Почему вы не задержали Ибрагима? Он убил человека.

Афиногенов откровенно рассмеялся.

— Он стрелял в порядке самозащиты. Слышал про такое?

— Защищался от неподвижного беспомощного человека? — возмутился Крюков. — Да он в упор его расстрелял!

— Ладно, с ним без нас разберутся, — поджал губы полковник. — Ты за себя отвечай, почему ты стрелял?

— В порядке крайней необходимости. Слышал про такое? Чтобы предотвратить преступление. Но не успел, не смог. А вы не захотели. Не боитесь, что скоро папины забойщики и вас точно так же, среди бела дня валить начнут?

Перед внутренним взором полковника тут же возник кинжал Ибрагима. Афиногенов разом утратил бодрость и махнул рукой.

— Ладно, закройте его пока в камеру. Утром разберемся.

В знакомой камере Крюков почувствовал себя как дома. В этот момент он, как ни странно, ощутил даже некоторое облегчение. Он проиграл, но сделал все, что мог. На этом его возможности исчерпались. Соратники погибли или в больнице, сам в тюрьме. Волноваться больше не о чем.

А если ночью снова придет киллер с удавкой, так, говорят, во сне умирать легко. Давно Крюкову не доводилось спать так крепко и спокойно.

Крюков проснулся от утреннего холода. В этот момент загремел засов камеры. Ничего хорошего этот звук не предвещал.

Дверь распахнулась во всю ширину. На пороге стоял Ермак и ухмылялся во все сорок четыре ослепительно белых зуба.

— Попрошу на выход! Сегодня в нашем зоопарке день открытых дверей! — провозгласил он.

Не совсем понимая смысл происходящего, Крюков поднялся и вышел в коридор. Ермак покачал головой.

— Как справедливо отмечает товарищ генерал Альпенгольд: "Вы, Крюков, просто виртуоз какой-то — если и не напьетесь, то просто так из вредности набезобразничаете". Люди в город приезжают — в музей идут, на экскурсию. А ты сразу в тюрьму. Хорошо хоть адрес оставил. Скажи спасибо, что у меня тут знакомый нашелся. Некто полковник Афиногенов.

Дежурный, смущенно улыбаясь, вернул Крюкову пистолет и документы.

— Где тут можно выпить и закусить? — поинтересовался у друга Ермак. — Чебуречные в городе имеются?

— Обижаешь, у меня в ресторане "Центральный" неограниченный кредит, — пошутил Крюков.

В ресторане народу почти не было. Администратор заметил Крюкова изда- лека и через мгновение перед ним и Ермаком на столе появился графинчик "Элитной мэрской", тарелки с мясным ассорти и зеленью.

— Накатим по пятьдесят? — предложил Ермак.

Они выпили и принялись закусывать, потом повторили. От водки Ермака потянуло на философию.

— Ты, Крюк, вроде постарше меня будешь, а ведешь себя, извини, как па- цан. Мне про твои здешние подвиги уже рассказали. Партизан, лишь бы налететь и всех перемочить А ведь так дела не делаются.

— А как дела делаются? — Крюков не стал скрывать саркастического тона. — Просвети меня, дурака.

— Зря обижаешься, я же тебе помочь приехал, — Ермак даже расстроился от такого непонимания.

— Ладно, извини, — Крюков тоже взял примирительный тон.

Ермак продолжал.

— Вот смотри. Я перед тем как сюда к тебе ехать, поднял концы. Перегово- рил с нужными людьми. И прибыл сюда как белый человек из столичного главка! Они тут передо мной пол лижут на сто метров впереди! А тебя в каме- ру засунули..

— А по каким делам ты Афиногенова знал? — сменил тему Крюков.

Ермак хитро прищурился.

— По таким делам, что ему, как говорит Альпенгольд, лучше помалкивать в материю. Сам понимаешь, за геройские подвиги из Москвы в Вяземск не пе- реведут, пусть и с повышением. Да, пришлось полковнику кое-что напомнить из его славного боевого прошлого.

Крюков зевнул.

— И что толку? Я в камере, ты в шелку и бархате, а Папа как клал на всех нас с прибором, так и кладет.

Ермак посмотрел на друга с удивлением.

— Так ты не в курсе? Через сорок минут доблестные правоохранительные

силы выдвигаются на штурм Чертова Табора. Хочешь пострелять? Могу по старой памяти замолвить за тебя словечко.

Крюков только рот раскрыл. Действительно, Ермаков продемонстрировал поистине железную оперативную хватку. Не успел прикатить — и проблема решена. А он, Крюков, только время зря терял. И друзей. За это стоило выпить. Сыщик разлил водку по рюмкам.

— Давай по последней, и на войну, — предложил он.

— Не говори "последней", говори "крайней", — поправил его Ермак.

* * *

Ермак переборщил с созданием имиджа. До штурма их не допустили. Конечно, одного Крюкова полковник Афиногенов с удовольствием отправил бы к стенам папиной твердыни впереди атакующей цепи с приставной лестницей в руках. Но в компании с важным представителем столичного главка капитаном Ермаковым сыщика заперли в обозе.

Обоз, точнее, штаб по проведению антитеррористической операции, располагался в километре от поля боя. Судя по звукам, сражение там развернулось нешуточное.

— Сбежим? — подмигнул другу Ермак.

Они поднялись и, не привлекая внимания, вышли из штабного автобуса. До особняка пришлось идти в обход, через лес. Крюков поправил за поясом "пернач". Ермак вставил магазин в укороченный "калашников".

Ограда вокруг особняка оказалась в нескольких местах проломлена выстрелами противотанковых гранатометов. Штурм дома был в самом разгаре. Крюков и Ермак пробрались через пролом во внутренний двор.

Вся земля во дворе была изрыта и перепахана. У крыльца дома лежали трое убитых боевиков. Быки Папы хорошо понимали, что они теряют, поэтому держались до конца.

Двери дома были выбиты. Крюков и Ермак прошли внутрь. Наверху загрехотала очередь автомата. Они переглянулись и бросились наверх. От средней площадки лестница раздваивалась. Шум слышался, казалось, с обеих сторон.

— Ты направо, я налево! — предложил Ермак.

И уверенно бросился по левой лестнице. Крюков послушно двинулся направо. Он остановился перед запертой дверью и тут же высадил ее ударом ноги. За дверью находился темный длинный коридор. Крюков рванулся вперед, но сразу же споткнулся о чье-то расprostертое тело и растянулся рядом.

Неожиданно где-то рядом, с той стороны, куда ушел Ермаков, снова загрели выстрелы. Ругаясь на чем свет стоит, Крюков повернул назад. Поднявшись по противоположной лестнице, он оказался в роскошно обставленном зале. Судя по обстановке, здесь и находился кабинет Папы.

Но внимание Крюкова привлекли не дорогие детали убранства. Посреди кабинета лежал Ермак. Пол был залит кровью. Цепочка багровых капель вела к большому книжному шкафу, за которым виднелась замаскированная дверь. Если бы не алый след, ее и сейчас было бы трудно разглядеть.

"Как в "Буратине", — подумал Крюков.

Он протиснулся в щель между шкафом и стеной. За потайной дверью находилась небольшая комната. Вероятно здесь Папа занимался интимными дела-

ми. Крюков едва не наступил на него. Еще древние отметили, что земная слава есть вещь непостоянная. Папа только подтвердил правильность этой доктрины.

Всесильный хозяин города лежал на полу тряпичной куклой и глядел в потолок пустыми окровавленными глазами.

"Снова разрывная пуля в голову, — отметил Крюков. — Кто же это его так?"

В углу послышался щелчок и качнулась тяжелая портьера. Крюков рефлекторно выстрелил. С громким стоном из-за занавески вывалился Ибрагим. В руке он сжимал пистолет. Абрек не заметил, что у него кончились патроны, иначе не он, а сыщик сейчас корчился бы на полу комнаты.

Крюков навис над раненым. Тот все еще продолжал сжимать в руке бесполезный пистолет. Может быть хотел умереть как викинг, с оружием в руках?

— А папу-то за что грохнул? — спросил Крюков.

— Это не я, — прохрипел кавказец. — Когда я вошел, он уже был мертвый.

— И Зими́на не ты убил, и в Москве у Мясоруба тебя не было, когда моему другу также голову прострелили? Если бы у тебя патроны не кончились, я бы сейчас тоже пустыми глазками трещины в паркете исследовал. И ствол с разрывными патронами, скажешь, не твой был?

Ибрагим закрыл глаза. То ли собирался с силами, то ли их у него просто не осталось.

— Мой ствол, не спорю. Только я вместе с патронами отдал его одному парню. Замазанный был ствол, сильно замазанный. Зачем мне такой? Крови на нем слишком много было. Я и отдал. Папа того парня хорошо знал, а я только знаю, что он из мусоров.

— Кто? — Крюков затаил дыхание.

Внизу в доме ухнул взрыв, стены, пол и потолок заходили ходуном. Крюков пошатнулся. Ибрагим вдруг вывернулся и вскочил, все еще не выпуская пистолета из руки. А если патроны не кончились? Крюков понял, что не успеет выстрелить. Он попытался уйти в кувырок, но выстрел прозвучал раньше.

Крюков поднялся. Ибрагим лежал рядом с Папой. Опираясь на дверной косяк, в комнату заглядывал Ермак.

— Извини, я немного опоздал, — смущенно сказал он.

— Ты жив? — удивился Крюков. — Тогда ты вроде успел вовремя.

— Нет, не успел, — упавшим голосом произнес Ермак. — Ты слишком много услышал. Надо было раньше этого чурбана валить, но я занят был, кое-какие документки искал. Часть я у Зими́на забрал, а остальные тут, у Папы в сейфе лежали.

Крюков попытался незаметно поднять ствол, но дуло автомата Ермака уставилось ему в лоб.

— Не надо, не рыпайся, — попросил Ермак. — Ты правильно понял. Это я Папу грохнул. Он, сука, без меня решил дела делать, свой канал наркоты открыл. Мы с ним уже давно работаем. Нас Афиноген свел. Так что там, на складе у Мясоруба, это я тебя по кумполу двинул. Я многих убил. И Пастора убрал тоже я. Он увидел как я с Ибрагимом разговариваю. Не хотел его убивать, но так получилось. Сам понимаешь, своя задница ближе. Да, а теперь вот и тебя придется... А так не хочется... Ну ладно, прощай, старик.

Короткая очередь из автомата отбросила Крюкова к лестнице. Ермак прицелился в голову, чтобы произвести контрольный выстрел, но тут где-то снова

рвануло, дом задрожал и стал рушиться.

Ермак бросился на улицу. Здесь сражение уже закончилось. Он спокойно вышел через пролом и тем же путем, через лес добрался до штабного автобуса, возле которого Крюков оставил свою "рябуху".

Ермак завел машину и тронулся. На развилке он повернул руль и взял курс на Москву. Отъехав с десятков километров, он остановился и облегченно вздохнул. Затем вылез из машины и отошел в перелесок. Здесь он развел костер и принялся жечь документы, добытые из сейфа Папы.

Ермак не видел, как мимо "рябухи" промчалась проехала "мазда" с правым рулем и сильно покореженной как после серьезной аварии крышей. Проскочив по инерции сотню-другую метров, "мазда" развернулась и проехала на малой скорости в обратном направлении. Когда Ермак вернулся, сел за руль и тронулся, "мазда" на большом расстоянии двинулась за ним следом.

* * *

Олег Петров давил и давил на газ. Его "БМВ" пожирала километры асфальтовой ленты шоссе. Он высматривал впереди крюковскую "рябуху", на которой скрылся из Вяземска капитан Ермаков. Иногда голова у Олега начинала кружиться и тогда он поневоле сбрасывал скорость. Время от времени он бросал взгляд на соседнее сиденье. На соседнем сиденье лежал пистолет Крюкова, его замечательный "пернач".

На заднем сиденье полулежал сам Крюков. Его лицо имело зеленовато-землистый оттенок.

— Давай я сяду за руль, — предложил сыщик, приподнимая голову. — Ты что-то совсем с лица сбледнул.

— На себя посмотри, — возразил Олег. — Если бы не твоя американская курточка из творога...

— Из тварона, — поправил Крюков. — От пули она, конечно, защищает, но не от удара. Ох уж эти мне автоматные патроны! Не то, что "макаровские". У меня такое впечатление, что все ребра переломаны, ни одного целого не осталось. Ни вздохнуть, ни перднуть. Жуткое ощущение. Будто тебя изнасилоvalo стадо чепрачных тапиров.

Олег усмехнулся, что также далось ему с трудом.

— Слушай, а ты подумал, что будет, если мы твоего Ермака догоним? Мы с тобой — два инвалида. Все, на что мы сейчас годимся — это погибнуть героями.

— Два полчеловека — все равно что один человек, — не согласился Крюков. — Так что силы равные. Все, готовься к бою, вижу "рябуху"!

— Где? — вздрогнул Олег.

— Правее, возле заправки.

Заправка, казалось, была брошена персоналом, причем бегство было паническим. "Рябуха" с распахнутой водительской дверцей стояла возле бензоколонки. Неподалеку, прямо на трассе, приткнулась знакомая Крюкову "мазда" с мятой крышей. Трое отморожков с оружием в руках в живописных позах застыли на асфальте между двумя неподвижными машинами. Все трое были мертвы.

В отличие от них Ермак был еще жив. Тяжело дыша, он сидел на земле,

привалившись спиной к колесу "рябухи". Глаза его были закрыты, рядом валялся автомат. Под ним все больше расплзалась лужа крови.

Вероятно дорожные пираты перехватили его на заправке, когда он вышел из бронированной машины. Когда Крюков в сопровождении Олега приблизился, Ермак приоткрыл глаза. Сыщик на всякий случай ногой откинул автомат подальше. Дружище Ермак исчерпал кредит доверия. Увидев Крюкова, он попытался говорить. Слова давались ему с большим трудом, а сказать он хотел многое.

— А, это ты, Крюк? Прости, если сможешь, — произнес Ермак. — У меня не было другого выхода. Я рад, что ты живой. Одним грехом меньше будет. Загибаюсь я. И еще прости за Пастора. На остальных мне, честно говоря, плевать. Да... Нелепо как-то все вышло. Я думал, что все предусмотрел, а тут какие-то недоумки со стволами. Ничего не сказали, подошли сзади и выстрелили. Я даже не понял за что...

— За то, что ты на моей "рябухе" разъезжал, — пояснил Крюков. У этих бандитов к ее водителю претензии были, то есть ко мне. А тут ты подсуетился под чужую раздачу. И получил. Никогда не бери чужое без спроса.

Ермак через силу усмехнулся.

— Забавно... Знаешь, если можно, не поднимай волну. Я понимаю, что весь в говне... Мне-то уже по фигу, а Маринка, жена, за меня пенсию не получит. А ей ребят поднимать.

Крюков хотел было спросить.

"Что же, Папа мало тебе платил?"

Но только махнул рукой.

— Ладно, подыхай героем. Если твои грехи и всплывут, то без моей помощи. За себя я не в обиде, а за Пастора и остальных пусть тебя Бог судит.

— Спасибо, старик..., - Ермак дернулся и затих, теперь уже навсегда.

* * *

ЭПИЛОГ

Вернувшись в Москву, Крюков первым делом заглянул на работу. Тут его ждали новости. Сергей Израилевич Галкин готовился возглавить управление. Поговаривали, что генерала Альпенгольда хотят бросить на повышение — то ли советником по безопасности в думу, то ли на руководство всей системой медвытрезвителей республики.

Крюков не удержался от соблазна позвонить на холяву по междугородней в старинный город Вяземск. Трубку взял Олег.

— Я выздоровел и у меня три новости, — радостно сообщил он. — Плохая, хорошая и так себе. Начну с плохой. Меня выбрали мэром. Так что геморроя и головной боли теперь будет — хоть отбавляй. Теперь вот, не знаю как сказать... Короче, я женюсь на Светлане. Ты как, одобряешь?

— А как же? После того, что ты сделал, как джентльмен ты просто обязан был... И когда свадьба? Надеюсь, это и была хорошая новость?

— Нет, — ответил Олег. — Не знаю, я с этим еще не совсем разобрался. А хорошая новость третья. Хочу тебя обрадовать. Юлька в университет поступать поехала, в Москве теперь жить будет. Так что ты там за ней пригляди.

— Что? Нет, только не это! — у Крюкова от такой радости чуть ноги не подкосились.

Из коматозного состояния его вывел хлопок по плечу. Перед ним стоял Грязный Гарри.

— Слушай, Крюк, у меня до тебя дело. Я сейчас двоим мелким расхитителям буду очняк делать. Хочу опять шкаф зарядить. Ты им немного мозги попудри, а потом выйди в коридор. А я в шкафу посижу и послушаю, что они будут говорить.

— Ты опять за свое? — поморщился Крюков. — А не боишься, что подозреваемые снова тебя в этом шкафу найдут и покалечат?

— Нет, — усмехнулся Грязный Гарри. — Как говорится: "Кто предупрежден, тот вооружен". Древняя мудрость.

Крюков посмотрел на него с подозрением.

— И чем же ты вооружен? Надеюсь, не собираешься в шкафу из табельного ствола палить?

— Нет, — многозначительно ухмыльнулся Грязный Гарри. — У меня кое-что получше имеется.

Он извлек из ящика стола самодельный электрошокер длиной в руку.

— Сила тока — как два Днепрогэса. Быка убьет. Кто сунется — пожалеет.

Крюков озадаченно потер кончик носа.

— Ну и где твои расхитители?

— В коридоре сидят.

Крюков обреченно вздохнул.

— Ну ладно, лезь в шкаф.

И пригласил задержанных.

— Эй, мелкие расхитители, заходи по одному!

Через несколько минут, выяснив имена, фамилии, пол и место жительства подозреваемых, Крюков посмотрел на часы и строго сказал.

— Я сейчас выйду на пару секунд. Между собой не разговаривать!

Он вышел в коридор и лоб в лоб натолкнулся на генерала Альпенгольда. Тот совершал очередной обход.

— ... Ох, блин, вашу мать! Здравия желаю! — сходу ляпнул сыщик.

Генерал посмотрел на него как на диковинную зверушку. Узнал.

— А, Крюков... Что это вы замерли как дикорастущий страус? Снова у вас руки в карманах? Что вы там ими все время делаете?

— Ничего не делаю. Я в отпуске, — буркнул Крюков.

— А я вас не спрашиваю, где вы были. Я спрашиваю, откуда вы идете. И прекратите пререкаться, я ведь за вами давно слежу.

Генерал открыл дверь большой комнаты оперов и брезгливо оглядел сотрудников и помещение, словно никогда раньше не видел.

— Да, товарищи, стыдно. Сидите тут как свиньи в берлоге. Дым караулом. Вы оглянитесь взад и около. Стул как упал, так два дня и стоит.

— А он слишком жидким оказался, — сострил Шурик и тут попался на глаза генералу.

— Папасраки, опять у вас прическа произвольная? Почему до сих пор не ликвидировали? Да, не зря учил товарищ Ленин: "Материя на первое, сознание — на второе"! А материя у вас известная — американская джинсовая. Как у какого-нибудь президента Рейтинга. А сознание вы давно потеряли. С Крю-

кова пример берете? Напрасно. Он капитаном родился, капитаном и помрет. И прекратите ухмыляться как майская роза. В рабочее время ваше лицо должно изображать скорбь и задумчивость. А у вас?

Генерал подошел к столу младшего опера и порылся в его бумагах. Одну почитал, неодобрительно поморщился.

— Вот вы составили протокол. На первый взгляд пишете как умный. А, если вдуматься вооруженным глазом, что вы пишете? Епитимья какая-то! "Причина смерти — прекращение жизни". Так не годится, это же документ, его нормальные люди могут прочитать. Тут надо сразу брать коня за рога. Отчего ваш покойник умер? Из протокола это не ясно.

Шурик Папастраки почесал кудлатый затылок и разъяснил.

— Он помыться собирался. Хотел в ванной свет зажечь, а его током долбануло.

— Вот так и напишите, — одобрил генерал. — Только в доступной и развернутой форме: "Покойник разделся и взялся руками за оголенный конец. В результате чего был поражен электрическим светом". По-моему так любому дураку будет понятно. Даже мне.

Он вышел в коридор и сунулся в следующую дверь. Это был тот кабинет, где Грязный Гарри подслушивал из шкафа беседу мелких расхитителей. Крюков хотел было вмешаться, но внутренний голос подсказал ему, что уже поздно.

Генерал сурово оглядел помещение в поисках официального лица, но так никого и не обнаружил. Все, что он увидел — это то, что двое задержанных перед пустым столом активно обмениваются запрещенной информацией. Генерал возмутился.

— Так, почему непорядок? Двое преступников в кабинете без всякого надзора. Никакой охраны бдительности, понимаешь! Кто их здесь собрал? Где ответственный сотрудник? Я же приказывал, по буфетам и туалетам шляться только между перерывами! Да, вижу, семя сброшено мною в бесплодную житницу. Но злаки моего гнева, считайте, проросли!

Крюков заглянул в дверь. Генерал Альпенгольд медленно прошелся по кабинету и вдруг тонким своим нюхом безошибочно уловил исходивший из шкафа знакомый запах перегара и цикория. Он осторожно приблизился к шкафу и с торжествующим видом триумфатора рывком распахнул дверцы. Крюков зажмурился.

Сначала раздался треск разряда не крупной молнии, потом оглушительный грохот от падения большого грузного тела. В воздухе ощутимо запахло озоном.

На шум сбежались все сотрудники управления.

— Что тут случилось? Террористический акт? Шкаф упал?

Но шкаф как раз остался стоять. Внутри него через полуоткрытую дверцу виднелся бледный перепуганный Грязный Гарри, все еще сжимающий в руке свой убойный электрошокер. Между контактами электроприбора продолжали весело искриться голубые молнии.

Незадачливый генерал лежал на спине, вращал выпученными как у глубоководной рыбы глазами и еле слышно кряхтел. Его лицо выражало скорбь и задумчивость, кончик носа почернел и над ним курился легкий дымок. По кабинету распространялся аромат курицы в гриле.

Последним в кабинет просунул голову все еще озадаченный Шурик Папастраки с протоколом в руках. При виде столь необычной картины он опорожнился лавиной вопросов.

— Что это с Альпенгольдом? Неужели, блин, загнулся? С чего вдруг?

Крюков скорбно склонил голову.

— Ты же сам только что написал: "Покойник взялся за оголенный конец и был поражен электрическим светом".

Насмерть перепуганные расхитители тихо поднялись и, чтобы не мешать, осторожно двинулись к выходу. Крюков заметил их бегство, но только рукой махнул. На ближайшее время у Грязного Гарри намечались более серьезные проблемы.

КОНЕЦ